

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

12

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 12, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д.э.н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д.э.н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д.э.н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Наталья Смородинская, Даниил Катуков. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность	5
Светлана Ильина. Технологический суверенитет в отражении патентной статистики: искусственный интеллект и полупроводники	26
Бэла Батаева, Наталья Киселёва, Людмила Чеглакова, Борис Ситин. Участие бизнеса и некоммерческих организаций в реализации национальных проектов и повестке устойчивого развития (на примере Красноярского края)	34

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Алексей Седлов. Восточное и западное направления трудовой иммиграции в Россию: исторические маркеры и перспективы	46
--	----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Дарья Ушкалова. Внешняя торговля России: вызовы и уроки 3 лет санкционного давления	65
Артем Пылин. Трансформация внешнеторгового взаимодействия России с постсоветскими странами в условиях санкций	80
Илья Медведев. Внешнеторговое взаимодействие СГ–ЕАЭС–БРИКС: современные тренды и перспективы	92
Алфавитный указатель	106

CONTENTS

ECONOMIC POLICY

N. Smorodinskaya, D. Katukov. A global turn in national industrial strategies: the move towards technological self-sufficiency	5
S. Ilyina. Technological sovereignty as reflected by patent statistics: artificial intelligence and semiconductors	26
B. Bataeva, N. Kiseleva, L. Cheglakova, B. Sytin. Participation of business and non-profit organizations in the implementation of national projects and sustainable development agenda (with reference to Krasnoyarsk Krai)	34

SOCIAL ISSUES

A. Sedlov. Eastern and western directions of labor of labor immigration to Russia: historical markets and prospects	46
--	----

WORLD ECONOMY

D. Ushkalova. Russia's foreign trade: challenges and lessons of 3 years of sanctions pressure	65
A. Pylin. Transformation of Russia's foreign trade integration with post-soviet countries in the context of sanctions	80
I. Medvedev. Trade interaction between the Union State—EAEU—BRICS: modern trends and prospects	92
Alphabetical Index	106

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2024

УДК: 338.22

Наталья Смородинская

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: smorodinskaya@gmail.com)

Даниил Катук

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: dkatukov@gmail.com)

ГЛОБАЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ: КУРС НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Статья исследует глобальный феномен секьюритизации промышленной политики в начале 2020-х годов, связанный с синхронным переходом различных стран мира к курсу на достижение технологической самодостаточности/суверенитета в приоритетных секторах (курс на ТС). Рассмотрены причины разворота стран от приоритетов экономической эффективности к доминированию приоритетов экономической безопасности. Выявлены типовые общие черты и национальные особенности курса на ТС в ведущих развитых и развивающихся странах (США, ЕС, Китай, Индия, Бразилия), а также издержки и риски этих стран в достижении его целей. На фоне данного глобального тренда проанализирована специфика российского курса на ТС в условиях санкций, сформулированы объективные ограничения для его успешной реализации на внутреннем и внешнем контуре. Сделан вывод, что тренд на секьюритизацию будет усиливаться, но накопление издержек от геополитической фрагментации мировой экономики со временем вернет страны к прежней экономической открытости.

Ключевые слова: экономическая безопасность, технологический суверенитет, секьюритизация промышленной политики, геополитическая фрагментация мировой экономики, российская технологическая политика.

DOI: 10.31857/S0207367624120014

После нескольких десятилетий участия стран в глобализации с установкой на многостороннюю кооперацию в мировом сообществе наметился внезапный разворот в сторону большей экономической закрытости и укрепления странами своей технологической самодостаточности, или технологического суверенитета (далее – ТС). На этом новом глобальном тренде сфокусирована современная промышленная политика, что во многом сломало логику ее поступательной исторической эволюции в соответствии с ходом развития рынков и усложнения производства.

С точки зрения преобладающих трендов промышленная политика за последние 70 лет (начиная с 1950-х годов) прошла три этапа развития. Ее первая модель – вертикальная, связанная с созданием странами завершенных отраслевых цепочек

Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России».

и признанная впоследствии классической (1950–1980-е годы), — сменилась в эпоху открытия рынков горизонтальной моделью, нацеленной на повышение эффективности рыночных институтов при рамочных государственных интервенциях (1980–2000-е годы). К концу 2000-х годов, когда производство сложных продуктов стало глобально распределенным, вертикальная модель окончательно утратила свою актуальность, а горизонтальная оказалась недостаточной для ускорения инновационного перехода. По рекомендации ОЭСР все типы экономик начали внедрять системную модель — функциональный синтез первых двух вариантов, рассчитанный на культивирование инновационных кластеров и иных сетевых экосистем [1]. К концу 2010-х годов многие развитые и крупные развивающиеся страны уже активно развивали экосистемную среду, создавая институты для интерактивной кооперации экономических агентов. Однако в начале 2020-х годов этот тренд резко прервался. На разных континентах произошла синхронная и полная перезагрузка (*reloading*) промышленных стратегий — их переключение со структурных приоритетов, связанных с инновационно-ориентированным ростом, на особые приоритеты национальной безопасности [2, 3]. В экономическую логику стратегий плотно вошли геополитические соображения, а в экономическую науку и практику — понятийные заимствования из теории международных отношений [4, 5]. Наряду с термином *секьюритизация* речь идет о таких новых атрибутах промышленной политики, как *френдшоринг* (англ.: *friend-shoring*) и других, рассматриваемых нами ниже. Основу этой перезагрузки и составил курс на ТС.

Мы описываем причины секьюритизации промышленной политики (раздел 1), выявляем общие черты и национальные особенности курса на ТС в ведущих развитых и развивающихся странах, включая их возврат к элементам классической промполитики (раздел 2), систематизируем издержки и риски этих стран в области успешного достижения ТС (раздел 3). Отталкиваясь от глобального тренда, мы показываем специфику аналогичного российского курса в условиях санкционного давления (раздел 4), анализируя его инструменты и объективные ограничения на внутреннем и внешнем контуре с учетом уже имеющихся публикаций на данную тему [4, 6–9].

1. Секьюритизация промышленной политики как глобальный феномен

В данной статье под термином *секьюритизация* подразумевается глобальный разворот в направлении безопасности, который стал кумулятивной реакцией стран на риски и вызовы последних лет в глубоко взаимосвязанном мире. Цифровая среда и распределенное производство в условиях открытых рынков принципиально усилили взаимозависимость национальных экономик, что обеспечило им выигрыши от углубленного разделения труда, но одновременно повысило их хрупкость в случае обострения межстрановых конфликтов или технологического соперничества.

Во-первых, шок пандемии 2020 г. вызвал всплеск политических трений в мировом сообществе, обозначив появление нового типа кризисов, когда любой локальный сбой в глобальной системе поставок создает волну распространения производственных сбоев от страны к стране. Возникновение дефицита различных видов жизненно важной продукции (медицинские изделия и др.) побудило

правительства, особенно в Европе, активизировать идеи протекционизма, снижения зависимости ключевых отраслей экономики от критического импорта из Азии, укрепления трансграничных цепочек поставок путем диверсификации их звеньев и возврата производственных мощностей в страну происхождения, известного как политика *решиоринга* (англ.: *reshoring*) [10].

Во-вторых, во взаимоотношениях между странами резко усилилось применение санкций — мер экономического принуждения (англ.: *economic coercion*) по политическим мотивам. Количество этих мер возросло еще в 1990-е годы, с окончанием Холодной войны, но после глобального финансового кризиса 2008 г. оно начало расти по экспоненте [11]. Причем если санкционирование небольших стран (Иран, Ирак и другие) почти не препятствовало свободе торговли и набирающей ход глобализации, то с наложением в 2022 г. беспрецедентного объема ограничений на Россию, т.е. на крупную экономику и ведущего мирового энергопоставщика, санкционные инициативы приобрели масштабные побочные последствия¹. С этого времени сочетание санкций, контрсанкций и вторичных санкций стало системно влиять на международную торговлю, порождая непредсказуемые риски для всех ее участников [5].

В-третьих, глобализация позволила подняться новым мощным центрам силы, способным использовать возросшую производственную взаимозависимость стран как инструмент *вепонизации* (англ.: *weaponization*) — оказания экономического давления на зарубежных партнеров в соответствии со своими геополитическими интересами, т.е. фактически как оружие (*weapon*) в сфере деловых связей². Прежде всего Китай, ставший главной промышленной фабрикой мира, получил контроль над ключевыми цепочками промежуточных поставок, особенно в США и Европу, что открыло ему широкие возможности давления на страны Большой семерки (через демпинг, скупку иностранных компаний и др.) [12]. К аналогичному давлению стала прибегать и Россия в отношении стран, зависимых от ее энергопоставок или закупок продовольствия [13]. Вкупе с мерами экономического принуждения, применяемыми со стороны инициаторов санкций, и особенно США (в виде ограничений в области долларовых расчетов), эти практики подрывали доверие между Западом и Востоком. Дополнительными факторами кризиса доверия и разрыва устойчивых партнерских связей стали торговая война Китая с Западом (с 2018 г. с США, а затем и с ЕС), информационные войны, переход российско-украинского конфликта в затяжную стадию и развертывание военного конфликта на Ближнем Востоке (с осени 2023 г.).

Наконец, наиболее фундаментальной причиной перезагрузки промышленных стратегий считается усиление *стратегического соперничества между США и Китаем*

¹ К концу 2024 г. совокупное число наложенных на Россию ограничений, включая индивидуальные и санкции 2014 г., превысило 22 тыс. (Russia sanctions dashboard. 02.08.2024. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>). При этом Россия является «большой страной», чьи поставки оказывают критическое воздействие на состояние энергетического и многих сырьевых рынков.

² Под политикой *вепонизации* в зарубежной и российской литературе понимается нанесение экономического ущерба стране-партнеру, с которой имеются политические разногласия. (Макаров И.А. Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. N 1.С. 74–94).

за глобальное технологическое лидерство [14]. Возможный разрыв технологических связей между этими двумя сверхдержавами, относимый к политике декаплинга (англ.: *decoupling*), т.е. к политике размежевания, расценивается экспертами как «технологическая Холодная война», которая ведет к образованию обособленных производственных экосистем, подрывая естественный ход экономической интеграции [15].

В итоге страны теперь воспринимают открытость экономики и многостороннюю кооперацию уже не как преимущество, а как источник зависимости и подрыва безопасности [16]. Это породило распространение так называемого *френдшоринга* (англ.: *friend-shoring*) – требований правительств к бизнесу выстраивать торгово-производственные цепочки в ключевых секторах только со странами-единомышленниками, которые разделяют схожие ценности и несут минимальные риски конфликтов [17]. Как следствие, возникла угроза геополитической (геоэкономической) фрагментации мировой экономики на два недружественных блока – условный Запад (США и их союзники, включая ЕС) и условный Восток (Китай и его союзники, включая Россию), с одновременным появлением группы нейтральных государств (например, Бразилия, Индия, Турция и др.), стремящихся маневрировать, поддерживая торговлю с обоими блоками [18, 19]. Хотя контуры блокового объединения стран еще не до конца ясны, очевидно, что оно не тождественно естественной регионализации торгово-производственных цепочек, когда рыночные факторы «разгоняют» сетевые связи по трем макрорегионам мира (Северная Америка, Европа, АТР) с образованием там открытых производственных экосистем [10].

Понятия национальной экономической безопасности и технологического суверенитета не имеют пока ни выверенных теоретических обоснований, ни однозначной научной трактовки [4]. Однако процессы *секьюритизации* развиваются на практике в совпадающем формате, когда достижение ТС является как ключевой повесткой промышленной политики, так и центральным направлением обеспечения безопасности. Как следует из обобщения литературы [2, 3, 15, 17, 20], курс на ТС призван решить две взаимосвязанные задачи – снизить уязвимость экономики перед внешними шоками, способными нанести ущерб национальной безопасности или долгосрочному благосостоянию страны и обеспечить стране независимость от ресурсов зарубежных партнеров в сфере управления производственными процессами. Установление полного контроля над производством касается в первую очередь приоритетных секторов, связанных с критическими технологиями, как их определяет на данном этапе правительство страны.

При всех страновых различиях обновленных промышленных стратегий и самого курса на ТС мы можем выделить здесь **целый ряд общих черт.**

Во-первых, в промышленной политике *приоритеты безопасности начинают впервые доминировать над приоритетами эффективности.* Страны, видимо, жертвуют традиционным принципом минимизации затрат и максимизации результатов ради предотвращения еще более значимых рисков. Однако вторжение политически мотивированных соображений в логику экономических решений делает ее изначально противоречивой. Так, идея самодостаточности больше тяготеет к классической промполитике индустриальной эпохи, тогда как задача освоения технологий индустрии 4.0 – к эпохе открытых рынков и распределенного производства.

Во-вторых, во всех странах *государство активно возвращается в экономику* как ключевой инвестор и отчасти как верховный управляющий. Правительства идут на беспрецедентные бюджетные вливания в те отрасли и технологии, которые они считают стратегически важными для безопасности. Это резко повышает роль бюджетного стимула и развертывания масштабных проектов-миссий, описанных М. Маццукато в ее последней книге [21]. Такие проекты призваны сосредоточить ресурсы государства и бизнеса на технологических прорывах, позволяющих стране ответить на стратегические вызовы времени (ускорить «зеленый» или «цифровой» переход, подтянуть отсталые сектора до уровня современных требований, снизить неравенство и др.).

В-третьих, страны все решительней *возвращаются к протекционизму*, расширяя суверенитет на два основных драйвера глобализации — движение товаров и капиталов³. США и другие развитые страны активно применяют анти-демпинговые пошлины (против практик Китая), экспортный контроль, *скрининг* (англ.: *screening*) входящих и ограничение исходящих инвестиций⁴. Ведущие страны БРИКС (Китай, Индия, Бразилия) вводят импортные тарифы и иные протекционистские меры ради импортозамещения, нацеливаясь на максимальную локализацию производства. Выстраивая собственные отраслевые цепочки полного цикла, развивающиеся страны не стремятся при этом к автаркии, а пытаются найти баланс между ориентацией на самодостаточность в приоритетных секторах и дальнейшим участием в глобальных цепочках.

В-четвертых, *внутренний контур курса на ТС дополняется коррекцией внешнего*. Во всех типах экономик наблюдается переход от многосторонней международной кооперации к избирательной. Это достигается через разные варианты *френдшоупинга*, политики *дерискинга* (англ.: *derisking*), т.е. политики снижения рисков, или через поиск компромиссов. Так, в рамках этой политики ЕС намерен защитить ключевые отрасли от давления Китая, но продолжить сотрудничество с ним в тех сферах, где угроза с его стороны минимальна. США полностью сворачивают с Китаем те торговые связи, которые касаются узкой сферы новейших технологических разработок (*decoupling*), руководствуясь здесь принципом «тесный двор, высокий забор» (*'small yard, high fence'*)⁵. Компромисс Китая сводится к достижению полной независимости от Запада в передовых секторах при допуске западных инвестиций в отстающие с предусловием передачи технологий [22].

В-пятых, в контексте безопасности крупнейшие экономики стремятся не просто укрепить свою конкурентоспособность (как это характерно для классической промполитики), но и *ослабить конкурентоспособность стран-соперников с целью получения исключительных преимуществ на глобальных рынках высоких технологий*.

³ Крупные экономики начали наращивать протекционизм уже после глобального финансового кризиса 2008 г. По некоторым оценкам, к 2023 г. скрининг ПИИ ввели уже 37 стран, а торговые ограничения охватили 75% мирового товарного экспорта [17].

⁴ В международной практике *скрининг* инвестиций является инструментом отбора тех потенциальных ПИИ, которые отвечают критериям минимизации рисков экономического принуждения со стороны партнеров.

⁵ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy. The White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy>

США сдерживают Китай через ограничение высокотехнологичного экспорта и запрет на исходящие инвестиции бизнеса в сектора с критическими технологиями (согласно указу Байдена 2024 г. об инвестициях в «страны риска»), а Китай планирует технологическое размежевание с США в сфере полупроводников, продолжая демпинг на мировых рынках ИКТ и «зеленых» технологий с целью вытеснения оттуда западных компаний [22]. Иными словами, политика сокращения рисков и технологического размежевания не только имеет защитные функции, но и является «агрессивным» инструментом экономического давления на партнеров [17].

2. Курс на технологическую самодостаточность в ведущих развитых и развивающихся странах

В Евросоюзе триггером секьюритизации послужили Brexit (2016–2020 гг.), волновые сбои в поставках при шоке пандемии (2020 г.) и возрастание геополитических рисков с началом российско-украинского конфликта (2022 г.) [23]. Курс на ТС отпочковался здесь от более общей и ранней концепции «стратегического суверенитета» [24], а его цели очерчены в *Стратегии экономической безопасности ЕС* (2023 г.), описывающей направления и инструменты обновленной промполитики⁶. Этот курс связывает друг с другом все ключевые программы ЕС, принятые с 2022 г. в области повышения продуктовой и технологической самодостаточности (табл. 1). Вкладывая крупные бюджетные суммы в цифровой переход и энергобезопасность, ЕС планирует стать *глобальным лидером в сфере «зеленых» технологий*, рассматривая их как основу модернизации всей производственной базы. Политика снижения рисков касается достижения независимости от поставок из Китая (во всех приоритетных секторах, связанных с тремя группами критических технологий), из России (по углеводородам) и из стран ЮВА (по чипам). Еврокомиссия подталкивает европейские компании к перестройке связей с третьими странами на принципах френдшоринга и к диверсификации звеньев цепочек на принципах *райтшоринга* (англ.: *right-shoring*), т.е. более «правильного» их размещения на тех территориях, которые обладают инновационным потенциалом и могут при этом обеспечить большую безопасность поставок.

Ради создания устойчивых цепочек с надежными поставщиками ЕС готов идти даже на снижение объемов выпуска и возрастание издержек [15].

В США курс на ТС продиктован геополитическим противостоянием с Китаем и критическим возрастанием зависимости от его поставок [25]. Триггером для отступления США от ультралиберального варианта промышленной политики стал дефицит медицинских масок при шоке пандемии [26]. Весной 2021 г. Дж. Байден своим указом вмешался в работу американских цепочек поставок с целью сделать их более устойчивыми к шокам и менее зависимыми от промежуточного импорта. Еще через год администрация США начала реализацию «современной американской промышленной стратегии» (Modern American Industrial Strategy), призванной укрепить национальную безопасность и гарантировать стране сохранение *глобального экономического лидерства путем достижения лидерства в сфере*

⁶ Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy”. EUR-Lex. 20.06.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023JC0020>

Таблица 1

Курс на достижение технологической самодостаточности в ЕС и США

Показатель	Евросоюз	США
Основные программы и документы (год принятия, объемы финансирования)	<ul style="list-style-type: none"> – План REPowerEU (2022 г., 210 млрд евро до 2027 г.); – Промышленный план «Зеленый курс» (2023 г., 250 млрд евро до 2050 г.); – Европейский закон о чипах (2023 г., 43 млрд евро до 2030 г.); – Платформа стратегических технологий для ЕС (2024 г.) 	<ul style="list-style-type: none"> – Закон о чипах и науке (2022 г., 53 млрд долл. до 2030 г.); – Закон о снижении инфляции (2022 г., 370 млрд долл. до 2030 г.); – Президентские указы: об американских цепочках поставок (2021 г.); об инвестициях в сфере критических технологий в страны риска (2024 г.)
Цели курса	<ul style="list-style-type: none"> • снизить зависимость от Китая (по критическим технологиям), от России (по углеводородам), от стран ЮВА (по чипам); • глобальное лидерство в “зеленых” технологиях (как основа энергобезопасности и технологического рывка); • ускорить цифровой переход и самостоятельное производство полупроводников 	<ul style="list-style-type: none"> • технологическое размежевание с Китаем – прерывание связей в пределах ограниченного набора критических технологий и продуктов; • глобальное лидерство в сфере полупроводников (как основа экономического лидерства); • самодостаточность в сфере «зеленых» технологий; • модернизация депрессивных промышленных районов (после многих лет офшоринга)
Отраслевые приоритеты	Три группы критических технологий: «зеленые», цифровые (включая полупроводники), биотехнологии	Две группы критических технологий: «зеленые» и полупроводники (особенно нового поколения)
Главные инструменты и подходы	<ul style="list-style-type: none"> • перестройка цепочек поставок (<i>френдшоринг и райтишоринг</i>); • бюджетные вложения, льготы и субсидии в приоритетных секторах; • протекционизм (антидемпинговые пошлины, скрининг входящих и ограничение исходящих инвестиций); • бюджетные вложения в профильные НИОКР и кадры 	

Источник: составлено авторами по официальным документам ЕС и США.

полупроводников⁷. Новый курс, получивший законодательное оформление, выделил две критические группы технологий и связанные с ними сектора, приоритетные для бюджетной поддержки (табл. 1). На внешнем контуре США следуют в фарватере европейской концепции снижения рисков, но адаптируют ее к вышеописанному режиму технологического размежевания в отношениях с Китаем. Очевидно, что при

⁷ Remarks on executing a Modern American Industrial Strategy by NEC Director Brian Deese. The White House. 13.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/13/remarks-on-executing-a-modern-american-industrial-strategy-by-nec-director-brian-deese>

новой администрации Трампа курс на ТС продолжится, но его инструментарий будет скорее всего тяготеть к усилению торгового протекционизма.

В Китае курс на ТС неотделим от экономической самодостаточности и выстраивается в русле зеркального геополитического противостояния с США (табл. 2). Разворот в этом направлении (после проводимого с 1990-х годов курса на экономическую открытость) начался с середины 2010-х годов со стратегии «Сделано в Китае 2025», а окончательная секьюритизация промполитики была подстегнута торговой войной с США в 2018 г., шоком пандемии и обострением внешнеполитического дискурса по Тайваню. Пятилетний социально-экономический план на 2021–2025 гг. признал курс на ТС стратегической опорой национального развития и достижения устойчивого экономического роста [22]. При этом Китай преследует две ключевые цели: добиться независимости от Запада, сделав невозможным свое санкционное сдерживание, и занять к 100-летию основания КНР *центральное место в глобальной экономике*, вытеснив США с доминирующих позиций на передовых рынках, будь то микроэлектроника или «зеленые» технологии [22]. Бюджет и инструменты курса «растворены» в двух документах – стратегии «Двойная циркуляция» и ранее принятой внешнеэкономической инициативе «Пояс и путь». Первая сводится к сочетанию самодостаточности (внутренняя ресурсная циркуляция) со скорректированной внешней открытостью (внешняя циркуляция с переключением на рынки Глобального Юга). Вторая соединяет логистические сети Европы, Азии и Африки, что призвано гарантировать Китаю открытость альтернативных рынков сырья и сбыта, а также доминирование китайской продукции и технологий в странах Глобального Юга. Предполагается, что со временем эти страны сформируют вокруг Китая торгово-экономический блок с конфигурацией связей по принципу «ось–спицы» (hub-and-spoke): доминирование двусторонних взаимодействий с Китаем и через Китай над прямыми горизонтальными контактами друг с другом [27].

Индия и Бразилия взяли курс на ТС для решения однотипных проблем (табл. 3). Среди последних – необходимость, во-первых, снизить риски от внешних шоков и возможного технологического разъединения между США и Китаем, т.е. не оказаться в технологическом пролете; во-вторых, необходимость устранить через бюджетные механизмы структурные диспропорции, усиленные многолетней открытостью экономики. Участие в глобальных цепочках обеспечило этим странам экономический рывок, но его выгоды неравномерно распределились по секторам, регионам и социальным группам, что в итоге стало тормозить экономический рост. Правительства восприняли проблему диспропорций не столько как структурно-институциональную, сколько как прямое негативное следствие глобализации и прежней модели роста. Переориентируясь на самодостаточность и бюджетные механизмы экономического выравнивания, они полагают, что сумеют удержать и направить в проблемные сферы те крупные доходы, которые до сих пор уводили из экономики западные МНК. То обстоятельство, что при локализации производства этих дополнительных доходов может вообще не быть, учитывается слабо.

В частности, Индия, потерпевшая серию экспортных провалов на высококонкурентных рынках стран ЮВА, вышла из соглашений о свободной торговле с этими странами, а шок пандемии заставил ее отказаться от долгожданного вступления во Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (RCEP) [29]. В 2020 г.

Таблица 2

Курс на достижение технологической самодостаточности в Китае

Показатель	Китай
<i>Основные стратегии и документы</i>	<ul style="list-style-type: none"> – Стратегия «Сделано в Китае 2025», 2015 г.; – Стратегия двойной циркуляции, 2020 г. (бюджетные вложения в год – 248 млрд долл., или 1,5% ВВП); – Инициатива «Пояс и путь», 2013 г. (совокупные вложения на конец 2023 г. – 1 трлн долл.); – XIV Пятилетний план экономического развития, 2021–2025 гг.
<i>Цели курса</i>	<ul style="list-style-type: none"> • «технологическое разединение» с США в сфере полупроводников и контроль над «стержневыми» технологиями (core technologies) – любыми, приносящими Китаю стратегические выигрыши; • страховка от новых западных санкций – независимость от Запада в передовых секторах при допуске инвестиций в отстающие; • доминирование на рынках Глобального Юга и <i>заявление центрального места в мировой экономике</i> (к 2049 г.)
<i>Отраслевые приоритеты</i>	<i>Пять групп «ключевых стержневых» технологий:</i> полупроводники, цифровые, «зеленые», авиакосмические и биотехнологии
<i>Главные инструменты и подходы</i>	<ul style="list-style-type: none"> • массированное бюджетное стимулирование цифрового перехода; • стимулирование внутреннего спроса и максимальная локализация цепочек поставок (импортозамещение); • протекционизм – защита перспективных компаний от внешней конкуренции; • демпинг для вытеснения западных компаний с мировых рынков ИКТ и «зеленых» технологий

Источник: составлено авторами по [22, 27, 28].

она запустила альтернативную стратегию «Самодостаточный Бхарат» (*Atmanirbhar Bharat*), призванную переключить экономику с внешнего на внутренний спрос при сохранении ее рыночных преимуществ (без возврата к протекционизму и автаркии), создать условия для снижения неравенства и инклюзивного роста (в том числе через вложения в образование, здравоохранение и квалифицированные рабочие места) и *стать развитой страной к 100-летию своей независимости*.

Бразилия последовала аналогичным мотивам антиглобализма, стремясь к «более справедливому» перераспределению ресурсов и доходов в масштабах страны, а также к ослаблению зависимости от промежуточного импорта в свете возможного разделения мира на американскую и китайскую экосистемы. Бразильский курс на ТС получил отражение в *Новой промышленной стратегии*, рассчитанной на 10 лет⁸. Она охватывает *шесть проектов-миссий*, разработанных правительством совместно с М. Маццукато [31], причем каждый из проектов преследует амбициозные цели, обеспечен бюджетным финансированием и связан с переводом ключевых отраслей экономики на собственные передовые технологии (см. табл. 3).

⁸ Brazil launches new industrial policy with development goals and measures up to 2033. Presidência da República. 26.01.2024. URL: <https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/01/brazil-launches-new-industrial-policy-with-development-goals-and-measures-up-to-2033>

Таблица 3

**Курс на достижение технологической самодостаточности
в Индии и Бразилии**

Показатель	Индия	Бразилия
<i>Основные документы</i>	Стратегия «Самодостаточный Бхарат» (на 2020—2047 гг.)	Новая промышленная стратегия (на 2023—2033 гг.)
<i>Цели курса</i>	<ul style="list-style-type: none"> • независимость от импорта из стран ЮВА, самообеспечение промышленности; • рывок в цифровом и «зеленом» переходе; • <i>достижение статуса развитой страны к 2047 г.</i> (создание квалифицированных рабочих мест, снижение неравенства и др.) 	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечить безопасность — перевести АПК, медицину и ВПК на собственные технологии и оборудование; • переход промышленности на цифровые технологии; • переход городской и транспортной инфраструктуры на собственные «зеленые» технологии
<i>Отраслевые приоритеты</i>	ИКТ, электроника, медицина и фармакология, «зеленые» технологии, АПК, легкая промышленность	машиностроение, биотопливо, цифровые и «зеленые» технологии, медицина и фармакология
<i>Главные инструменты и подходы</i>	<ul style="list-style-type: none"> • переключение на внутренний спрос, достраивание собственных цепочек (импортозамещение), сведение экспорта только к излишкам; • бюджетные инвестиции в «зеленую» и цифровую инфраструктуру, образование и здравоохранение 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>шесть проектов-миссий</i> с бюджетными вливаниями в приоритетные сектора; • импортозамещение в сфере промышленного и медицинского оборудования, фармацевтики; • бюджетные инвестиции в обновление инфраструктуры и производство биотоплива

Источники: составлено авторами по официальным документам стран и аналитической литературе [29—31].

3. Ограничения и риски в достижении самодостаточности

Хотя у каждой из стран имеются свои мотивы достижения ТС, секьюритизация промполитики слабо согласуется с традиционными приоритетами эффективности. С одной стороны, правительства стремятся ответить на технологические вызовы времени собственными силами — так, чтобы планируемая модернизация производственной базы одновременно обеспечивала снижение уровня затрат, повышение конкурентоспособности и усиление безопасности. С другой стороны, применяемые ими инструменты защиты рынков от мер экономического принуждения со стороны партнеров и соперников (технологическое размежевание, перестройка связей на принципах политической совместимости, протекционизм, максимальная локализации производства и др.) сопряжены с возрастанием потенциальных производственных издержек.

Ключевые издержки связаны с потерями в создании добавленной стоимости и в производственном потенциале вследствие частичного или полного сокращения промежуточного импорта. Интегральный индекс геополитической фрагментации,

разработанный специалистами из МВФ, выявляет, что разъединение мира на Западный и Восточный блоки негативно скажется на всех странах, причем страны с формирующимися рынками столкнутся с гораздо большим упущенным ростом, чем развитые [32]. Модельные расчеты Кильского института мировой экономики (Германия), проведенные по другой методологии, свидетельствуют о том же: при любом, жестком или мягком сценарии разъединения потери стран Восточного блока могут оказаться выше, чем у любой западной страны — и на коротком, и особенно на длинном горизонте [18].

Другими словами, секьюритизация может иметь болезненные макроэкономические последствия. Прежние выигрыши стран, особенно развивающихся, от включенности в глобальные цепочки во многом объяснялись тем, что свободная торговля связывает экономики с разным уровнем развития, позволяя им использовать свои сравнительные преимущества для более оптимального вклада в производственный процесс и, как следствие, — содействовать снижению уровня затрат для всех его участников. Однако геополитическая фрагментация может на практике усиливать связи между похожими странами, разрушая выгоды распределенного производства. Еще большие потери странам несет замыкание на собственных завершенных цепочках: как показали оценки, сделанные еще при кризисе пандемии, ставка на ТС резко увеличивает издержки производителей и цену товаров для конечного потребителя, в частности в секторе полупроводников — на уровне 35–65% [33].

Одновременно возникают риски провала с совершением технологического рывка. В контексте приоритетов безопасности правительства сводят эту задачу к быстрому наращиванию бюджетных программ, что расходится с положениями современных теорий роста и инноваций. Так, неошумпетерианская теория рассматривает скачок в уровне технологического развития как накопительный эффект постепенных инноваций, возникающий на конкурентных рынках при работающих механизмах созидательного разрушения [34]. Более того, устойчивый экономический рост требует параллельного, соразмерного развития технологических и институциональных инноваций, но опять-таки в интересах безопасности власти часто вычлениают из этой связки первую составляющую (цифровизация, роботизация и др.), оставляя за кадром ключевой атрибут системной промполитики — вопросы развития горизонтальных коммуникаций и экосистемной среды. Такое упущение чревато экономическими деформациями, особенно в странах с формирующимися рынками.

Для США успешное достижение целей курса на ТС сопряжено с серьезными рисками. Во-первых, даже беспрецедентные для страны бюджетные вливания в сферу полупроводников ради глобального лидерства могут оказаться недостаточными на фоне объективных инвестиционных потребностей отрасли и в сравнении с гораздо большими тратами в этой сфере со стороны Китая. Меры по «зеленому» переходу, способные снизить энергозатраты лишь в долгосрочной перспективе, никак не добавляют динамики экономического роста [35]. Во-вторых, разрыв технологических связей с Китаем может вылиться для США в затяжной и затратный процесс, разрушительный для отдельных компаний. Как показывает статистика торговли добавленной стоимостью (расчеты по методологии Р. Болдуина и его коллег [36]), всего за 15–20 лет, начиная с 1990-х годов, Китай сумел стать единственной глобальной

супердержавой в сфере промышленной обработки⁹. При этом в его взаимосвязях с США обнаруживается примечательная асимметрия: если до 2002 г., в период бурного подъема промышленности, Китай сильно зависел от промежуточного импорта из США, то сегодня картина обратная — промышленная зависимость США от китайских поставок примерно втрое выше, чем встречная. Одновременно по линии экспорта Китай резко сократил зависимость от американских рынков сбыта, хотя все еще опирается на них в большей мере, чем экспорт США зависит от китайского спроса (рис. 1).

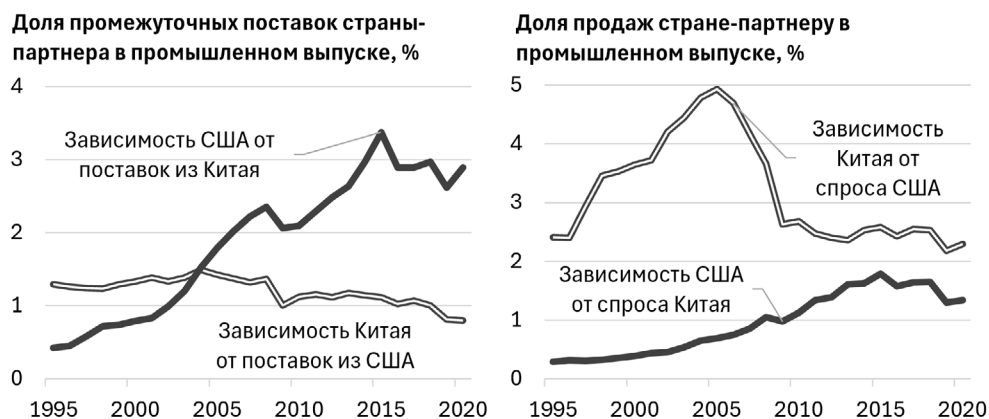

Рис. 1. Асимметрия производственных взаимозависимостей США и Китая (по потокам добавленной стоимости), 1995–2020 гг.

Источник: составлено по OECD TiVA database, 2023 г. (по методологии Р. Болдуина).

Для Европы свертывание связей с Китаем может оказаться еще тяжелее, чем для США. В структуре критического промежуточного импорта, поступающего в ЕС из-за его пределов, на Китай приходится максимальная доля в 30% (на США — 18%, на Великобританию — 7%), а в случае сокращения китайских поставок на 75% (когда такие поставки трудно заместить) ряд развитых стран ЕС (Франция, Испания, Италия и др.) могут потерять в среднем по промышленности до 4,5% добавленной стоимости [19]. Наибольшие издержки ожидаются в Германии, наиболее зависимой от китайских поставок и рынков сбыта. При этом, по оценке Кильского института [18], для Германии, всего ЕС и всех стран Западного блока наиболее предпочтительным сценарием размежевания с Востоком выглядит политика *постепенного сокращения рисков*, когда разрыв торговли с Китаем ограничивается лишь рядом критических секторов, а возврат мощностей из Азии (*решоринг*) происходит постепенно. Такой сценарий позволяет избежать первоначального резкого спада (который может случиться при жестком технологическом разъединении и значительно снизить долгосрочные потери в потенциальном ВВП и благосостоянии

⁹ Согласно этим расчетам (последние данные базы ОЭСР, 2023 г.), к 2020 г. Китай сосредоточил в сфере промышленной обработки 35% мирового производства и 20% мирового экспорта (Baldwin R.E. China is the world's sole manufacturing superpower: A line sketch of the rise. 17.01.2024. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/china-worlds-sole-manufacturing-superpower-line-sketch-rise>).

(которые возникают даже при мягком варианте этой стратегии). Для ЕС средние долгосрочные потери от фрагментации оказываются, по подсчетам немецких ученых, вдвое ниже, чем у Германии, но все же на 40% выше, чем у США.

Перспективы достижения Европой планируемого суверенитета сложно прогнозировать. В положительном направлении будут, очевидно, работать возможности объединения усилий 27 стран-членов и интеграционный потенциал ЕС как сетевой макрорегиональной «фабрики», где эти страны плотно зависят друг от друга по линии промежуточных поставок [10]. Вместе с тем с точки зрения конкурентных вызовов ЕС может столкнуться с тремя типами рисков. Во-первых, европейская промышленность попала в ловушку технологий средней сложности: ЕС заметно отстает от США и Китая по уровню развития цифровых и биотехнологий, по внедрению радикальных инноваций и в целом по инновационной активности бизнеса [37]. Во-вторых, развитие технологических инноваций будет дополнительно тормозиться особой зарегулированностью деятельности бизнеса в цифровых секторах и сфере внедрения искусственного интеллекта¹⁰. В-третьих, технологическим прорывам может препятствовать расхождение общеевропейских приоритетов с индивидуальными структурными потребностями и возможностями стран-членов: рекомендации Еврокомиссии, спускаемые им вертикально, обычно выполняются лишь в той степени, в какой они отвечают приоритетам национальных экономических стратегий [38].

Китай в наибольшей мере приблизился к самодостаточности по сравнению с другими странами мира. В последние годы ему удалось поднять самообеспечение ряда ключевых секторов, добиться отдельных впечатляющих успехов в сфере науки и инноваций, а также намного превзойти США и Европу по объему и динамике бюджетных вложений в НИОКР. Однако и для Китая геополитическая фрагментация связана с не меньшим упущенным ростом, а достижение глобального технологического лидерства — с не меньшими ограничениями.

Во-первых, замещение частных рыночных мотиваций масштабным бюджетным стимулом не делает китайскую экономику эффективней. Как показал анализ деятельности предприятий, участвующих в реализации стратегии «Сделано в Китае 2025» [39], беспрецедентные бюджетные вливания в НИОКР могут иметь низкую производственную и макроэкономическую отдачу, отнюдь не гарантируя подъема производительности как основы устойчивого роста. В обновленных программах китайского курса на ТС ставка на наращивание бюджетных вложений также, похоже, превалирует над задачей улучшения качества роста и социальных параметров развития экономики.

Во-вторых, у Китая сохраняется критическая зависимость от Запада по ряду технологий, а потеря западных рынков сбыта, даже частичная, чревата масштабным перепроизводством в обрабатывающих секторах, которое трудно устранить за счет спроса со стороны подсанкционной России или стран Глобального Юга. Литература указывает, что по мере отхода Китая от емких рынков США и Европы

¹⁰ В период 2018–2023 гг. европейские фирмы-разработчики ИИ привлекли в 3,7 раза меньше частных инвестиций, чем аналогичные американские фирмы (AI investment: EU and global indicators. 27.03.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/760392/EPRS_ATA\(2024\)760392_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2024/760392/EPRS_ATA(2024)760392_EN.pdf)). При этом с августа 2024 г., в соответствии с принятым Законом об ИИ (EU AI Act), на территории ЕС введены строгие ограничения на разработку и применение технологий ИИ.

ему будет все труднее сохранять прежние преимущества как глобальной промышленной «фабрики» [27], а переключение на рынки Глобального Юга с задачей доминирования может затормозить его трансформацию в главную технологическую «фабрику» мира, тем более что в «большой Азии» (на территории АТР) этому доминированию препятствуют США.

У **Индии и Бразилии** издержки фрагментации будут, очевидно, во многом зависеть от того, смогут ли они продолжать торговлю с обоими блоками, оставаясь в группе нейтральных стран, или ход геополитический событий подведет их к жесткому выбору между Западом и Востоком. Однако в любом случае они также столкнутся с серьезными рисками в достижении намеченных целей самодостаточности и технологического рывка.

Как отмечают ведущие специалисты по индийской экономике [30], индийский курс на ТС уязвим из-за трех концептуальных заблуждений. Во-первых, о том, что внутренний рынок, даже при растущей доли молодежи, обладает достаточной емкостью в сравнении с внешним. Во-вторых, о том, что опора на внутренний спрос ведет к более устойчивому росту, чем опора на внешний. В-третьих, о том, что фрагментация мировой экономики не позволит стране наращивать экспорт. На самом деле, Индия сохраняет колоссальный экспортный потенциал в трудоемких отраслях, на которые мало влияет фрагментация, и могла бы успешно его реализовывать при дальнейшей открытости экономики, но не при нынешней ставке на суверенитет. К тому же переключение с экспортной ориентации на внутренний рынок чревато отсутствием эффекта масштаба для окупаемости дорогостоящих высокотехнологичных проектов, нацеленных на совершение рывка в цифровых и «зеленых» технологиях.

В свою очередь, Бразилия отличается долгой историей провалов в реализации масштабных государственных программ вследствие несовершенства госуправления и системы институтов (провалы в координации, неверный подбор инструментов, противоречивые стратегические приоритеты) [40]. Эти изъяны ставят под вопрос успешность амбициозных проектов-миссий, требующих намного более сложных управленческих навыков. В целом и для Индии, и для Бразилии вопросы улучшения институциональной среды были бы более верным подходом к ослаблению внутренних дисбалансов и возросшего социального неравенства, чем идеи антиглобализма, суверенитета и опоры на бюджетные перераспределительные механизмы [41].

4. Специфика курса на технологический суверенитет в России

Для России прямые негативные эффекты фрагментации скорее всего окажутся мало ощутимыми — шоки разъединения с Западом она прошла еще в 2022 г. Однако санкции и меры адаптации к ним ставят ее в уязвимое положение, что делает курс на ТС практически безальтернативным. Россия взяла такой курс уже после санкций 2014 г. (много раньше появления аналогичного глобального тренда), но сегодня он признан *главным стратегическим приоритетом в экономической политике государства до 2030–2036 гг.*¹¹ Содержание курса очерчено совокупностью трех главных документов в сфере технологической политики — Концепции,

¹¹ Пленарное заседание Государственной Думы. 10.05.2024. URL: <http://government.ru/news/51560>

Стратегии и проекта федерального Закона (табл. 4)¹². По оценке экспертов, эти документы слабо согласованы и содержат противоречивые формулировки [6, 7, 42]. Тем не менее вкпе с другими официальными решениями в сфере экономической политики и докладами близких к Правительству аналитических центров [9, 42, 43] они позволяют составить представление о логике намеченных действий властей на данном направлении.

На наш взгляд, при курсе на ТС Россия преследует во многом схожие с другими странами цели укрепления безопасности — обеспечить собственный контроль над производством, массовое импортозамещение, технологический рывок и т.п. (табл. 4). Разница состоит лишь в более широких масштабах распространения суверенитета, обусловленных беспрецедентным санкционным давлением. Предполагается, что независимость от зарубежных поставок критических компонентов, оборудования и технологий должна стать приоритетом в сравнении с замещением западного импорта восточным. А на внешнем контуре Россия планирует стать привлекательным центром силы и одним из технологических лидеров среди стран Глобального Юга: российские эксперты и власти рассматривают разъединение Запада и Востока как шанс для ее новых интегрирующих возможностей, в том числе на платформе БРИКС [43].

Главным инструментом курса на ТС является развертывание Россией (на ее территории или под ее контролем в рамках международной кооперации) нескольких десятков мегапроектов с масштабным и гарантированным бюджетным финансированием (*«проекты ТС»*). Такие проекты призваны перевести приоритетные отрасли на *собственные линии разработки критических и сквозных технологий* для выпуска современной продукции, способной заместить промежуточный и конечный импорт [44]. По сути, речь идет о помощи крупному бизнесу в выстраивании завершенных отраслевых цепочек, которые охватывают все стадии создания определенного готового продукта, относимого к высокотехнологичным (*«проекты полного инновационного цикла»*). Перечень мегапроектов, равно как и списки приоритетных отраслевых направлений, определяются Правительством¹³. При этом, как вытекает из Стратегии, «мобилизационный» подход к достижению ТС и в целом намеченный возврат России к инвестиционно-ориентированной модели роста, хотя и обусловлены наличием санкций, но должны содействовать прорыву в развитии высокотехнологичных секторов (по аналогии с задачами проектов-миссий).

Между тем при реализации намеченной повестки Россия может столкнуться с целой группой ограничений и рисков.

Исходными ограничениями, признаваемыми большинством экспертов, выглядит недофинансирование сферы НИОКР: планируемое повышение затрат с 1% ВВП до 1,64% к 2030 г. остается недостаточным (особенно на фоне расходов других стран), чтобы обеспечить прорыв даже по ведущим приоритетным направлениям [42].

¹² Концепция утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023. (URL: <http://government.ru/news/48570>), Стратегия – Указом Президента РФ от 28.02.2024. (URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50358>), а Закон пока является законопроектом, принятым Госдумой в первом чтении 18.06.2024 (<http://regulation.gov.ru/p/142132>).

¹³ На конец 2024 г. в России развернуто 27 мегапроектов на 13 приоритетных отраслевых направлениях (Минэкономразвития России. 05.11.2024. URL: https://economy.gov.ru/material/news/obshchiy_obem_proektov_tehsuvereniteta_i_strukturnoy_adaptacii_dostig_1_trln_rublej.html).

Таблица 4

Курс на технологический суверенитет в России

Показатель	Россия
Основные документы	<ul style="list-style-type: none">– Концепция технологического развития России до 2030 г. (2023 г.);– Стратегия научно-технологического развития РФ (версия 2024 г.);– Проект Закона «О технологической политике в РФ» (2024 г.)
Ключевые цели курса	<ul style="list-style-type: none">• <i>ослабить давление санкций через собственный технологический контроль над производством</i> – разработать «собственные технологические линии» и перевести на них промышленность;• <i>массовое замещение критического импорта</i> в широком диапазоне отраслей (на базе российских технологий текущего поколения);• <i>рывок в развитии высокотехнологичных секторов</i> (на базе российских разработок сквозных технологий);• <i>на внешнем контуре</i> – благодаря передовым разработкам стать центром притяжения и одним из технологических лидеров для дружественных стран Глобального Юга (в условиях их маневрирования между Западным и Восточным блоками)
Отраслевые приоритеты	<i>Правительство РФ определяет:</i> список приоритетных отраслевых направлений для целей бюджетной поддержки и перехода на российские технологии (в 2023 г. утверждены 13 направлений), список критических (импортозамещающих) и сквозных (новейших) российских технологий, виды продукции со статусом высокотехнологичной
Главные инструменты и подходы	<ul style="list-style-type: none">• проекты ТС – бюджетное разворачивание мегапроектов в приоритетных отраслях для выстраивания цепочек на российской технике и технологиях («проекты полного инновационного цикла»);• проекты структурной адаптации – модернизация инфраструктуры и создание импортозамещающих услуг (включая цифровые);• протекционизм (контрсанкции в отношении недружественных стран);• переход от инновационно-ориентированного роста (2002–2021 гг.) к <i>мобилизационному варианту инвестиционно-ориентированного</i> (наращивание инвестиций в основной капитал, консолидация агентов и ресурсов вокруг приоритетов безопасности)

Источник: составлено авторами на базе официальных документов РФ и аналитических источников [6, 9, 42–44].

Сюда же относится и низкая доля инновационно активных фирм в совокупной численности компаний, составляющая на протяжении десятилетий порядка 10%¹⁴. Наиболее серьезную угрозу представляют *эффекты санкций*. К ним можно отнести сжатие накопленной базы знаний (из-за оттока иностранных компаний и релокации за рубеж квалифицированных российских кадров), отсутствие притока прямых иностранных инвестиций (в том числе из Китая), ограниченный выход на внешние рынки (что обычно не позволяет стране окупить затратные технологические проекты), а также неподъемный по охвату отраслей вариант суверенитета. Россия вынуждена идти на замещение импорта и самодостаточный набор технологий в подавляющем количестве секторов – на фоне малого количества в США, среднего в ЕС и наиболее широкого в Китае. Наконец, как

¹⁴ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

показывает мировой опыт, еще ни одной экономике, попавшей под санкции, не удалось подняться на более высокую технологическую траекторию, хотя опора на собственные силы и дружественных партнеров позволяет добиться подъема отдельных высокотехнологичных секторов (например, в сфере ИТ или ВПК) [45].

Третья группа рисков касается неготовности России к «зеленому» переходу, который, как считается, открывает странам наиболее перспективное «окно возможностей» для технологического скачка¹⁵. В Китае и других странах БРИКС растущие вложения в новую энергетику являются важнейшей частью курса на ТС, но Россия расценивает эти вложения как угрозу своей безопасности, влекущую потерю экспортных и бюджетных доходов.

Наконец, значительные риски вытекают из самой схемы организации проектов ТС, которая подчиняет технологическое развитие России жесткой административной вертикали [44]. Такая вертикаль может создать цепочки для выполнения гарантированных госзаказов (включая оборонные) головными компаниями отраслей с их сетью субподрядчиков, но ведет к выпадению создаваемой продукции из системы объективной оценки рынками ее полезности для каких-либо других потребителей в стране и за рубежом. Иными словами, дорогостоящие мегапроекты могут оказаться институционально не подходящими для совершения Россией того инновационного и экспортного рывка, который намечен к 2030 г. амбициозными целевыми ориентирами Концепции (нарастить вдвое выпуск инновационных товаров на базе собственных разработок и в 1,5 раза — объем несырьевого экспорта). Дополнительным риском выглядит пассивная роль, отводимая в проектах ТС фундаментальной науке, — в отличие от фирм-разработчиков, она непосредственно не участвует в цепочках и ключевых технологических решениях [42].

Потенциал внешнего контура курса на ТС также упирается в свои ограничения.

С одной стороны, России будет трудно наладить сбалансированную производственную кооперацию с Китаем, гарантирующую ей сохранение ТС. Тренд возрастания ее зависимости от Китая сложился задолго до санкций 2022 г., особенно по линии промежуточного импорта, тогда как встречная зависимость китайской промышленности от российских экспортных поставок и рынков сбыта оставалась к началу 2020-х годов крайне незначительной (рис. 2). В последние два года Китай резко расширил объемы торговли с Россией, но преимущественно ради извлечения сверхдоходов в условиях своего ценового диктата на рынке продавца и покупателя. Для России же взаимодействие с Китаем выливается в критические виды зависимостей — производственной, экспортной, бюджетной и валютной [44]. При этом экономическое проникновение России на рынки Глобального Юга также осложнено фактором китайского присутствия: в части промышленного экспорта Китай имеет ценовые преимущества в силу эффекта экономии на масштабах, в части размещения инвестиций — контроль над большинством производственных площадок в Африке и Латинской Америке, где добывается стратегически важное сырье для выпуска высокотехнологичной продукции.

¹⁵ Как известно, «зеленые» технологии требуют радикальной технологической модернизации целого ряда отраслей, а ориентация страны на достижение углеродной нейтральности порождает еще и интенсивный спрос на «зеленую» продукцию [46].

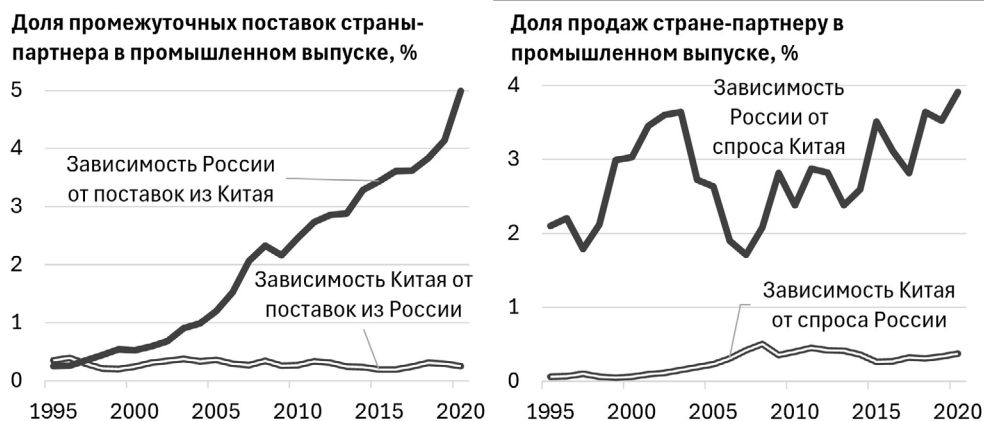

Рис. 2. Асимметрия производственных взаимозависимостей России и Китая, 1995–2020 гг. (по потокам добавленной стоимости)

Источник: [44] (составлено авторами по данным OECD TiVA database, 2023 г.).

С другой стороны, даже в условиях геополитической фрагментации дружественные России страны Глобального Юга, видимо, по-прежнему останутся главными бенефициарами ее санкционного положения, продолжая прагматично зарабатывать на ценовом арбитраже — удорожании своих посреднических услуг и своих поставок в Россию при дисконтных ценах на российские поставки [47]. На длинном горизонте это может сужать экономический и финансовый потенциалы России, дополнительно ограничивая ее поступательное технологическое развитие.

В современной экономической науке нет ни теоретических, ни эмпирических обоснований того, что осваивать новейшие технологии и наращивать конкурентоспособность лучше в режиме суверенитета, протекционизма и *френдшоринга*. Напротив, все последние эконометрические расчеты показывают, что такой курс и фрагментация мира на блоки могут привести к обратному эффекту — затормозить торговлю, промышленный экспорт и рост национальных экономик [2, 18, 48]. Однако страны идут на эти издержки, укрепляя суверенитет во избежание еще больших рисков и будущих потерь, связанных с расширением зоны геополитических конфликтов. Возможно, данный глобальный тренд является частью закономерного процесса, вызванного несоответствием новым вызовам и угрозам того мирового порядка и тех наднациональных институтов регулирования международных обменов, которые сложились до наступления цифровой эпохи. Между тем, как мы попытались показать, достижение самодостаточности ради безопасности или технологического лидерства может оказаться более трудной задачей, чем ожидают правительства.

Для России в условиях санкций курс на ТС выглядит безальтернативным сценарием [6]. Однако важно избежать завышенных ожиданий по поводу выхода России на передовые технологические рубежи и занятия лидерских позиций среди стран Глобального Юга [7]. Реалистичный подход требует учета опыта Ирана и других подсанкционных стран: несмотря на все усилия правительств

по развитию собственных технологий, экономика адаптируется к внешним ограничениям путем упрощения – и этот переход на более низкую технологическую траекторию обеспечивает ей новую сбалансированность и естественную самодостаточность [45]. Важно признать и другое: России будет сложно конкурировать с агрессивной экономической политикой Китая на развивающихся рынках Азии, Африки и Латинской Америки, а на внутреннем контуре курса на ТС она, скорее всего останется в асимметричной зависимости от Китая при любой возможной конфигурации Восточного блока.

В обозримой перспективе поворот к секьюритизации промышленных стратегий сохранится и, возможно, даже усилится – при поисках странами компромиссных решений между мерами безопасности и мерами эффективности. Однако следует ожидать, что неэффективность от геополитической фрагментации будет неизбежно накапливаться, побуждая страны со временем вернуться к большей экономической открытости и в традиционное русло промышленных стратегий – хотя и с измененной географией связей.

Литература

1. *OECD*. Final NAEC synthesis: New approaches to economic challenges. Paris: OECD Publishing. 2015. 125 p.
2. *Aiginger K., Ketels C.* Industrial policy reloaded // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2024. Vol. 24. Article 7.
3. *Evenett S., Jakubik A., Martín F., Ruta M.* The return of industrial policy in data // *The World Economy*. 2024. Vol. 47. N. 7. P. 2762–2788.
4. *Афонцев С.А.* Теоретическое измерение экономического суверенитета // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 3. С. 218–224.
5. *Drezner D.W.* Global economic sanctions // *Annual Review of Political Science*. 2024. Vol. 27. N. 1. P. 9–24.
6. *Ленчук Е.Б.* Технологический суверенитет – новый вектор научно- технологической политики России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 3. С. 232–237.
7. *Николаев И.А.* Проекты технологического суверенитета: возможности и ограничения // *Мир перемен*. 2023. № 4. С. 26–39.
8. *Цедилин Л.И.* Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 2. С. 19–29.
9. *Россия 2035: к новому качеству национальной экономики*. Научный доклад / Под ред. А.А. Широ́ва. М.: Арт-Принт. 2024.
10. *Сморodinская Н.В., Катухов Д.Д.* Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // *Вопросы экономики*. 2021. № 12. С. 21–47.
11. *Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V.* Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges // *Journal of Economic Perspectives*. 2023. Vol. 37. N. 1. P. 3–29.
12. *Cha V.D.* Collective resilience: Detering China's weaponization of economic interdependence // *International Security*. 2023. Vol. 48. N. 1. P. 91–124.
13. *Hedberg M.* The target strikes back: Explaining countersanctions and Russia's strategy of differentiated retaliation // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 34. N. 1. P. 35–54.
14. *Antràs P.* De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age. NBER Working Papers. N. 28115. 2020.
15. *Tung R.L., Zander I., Fang T.* The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research // *International Business Review*. 2023. Vol. 32. N. 6. Article 102195.
16. *Aiyar S., Ilyina A., Chen J., Kangur A., Trevino J., Ebeke C., Gudmundsson T., Soderberg G., Schulze T., Kunaratskul T., Ruta M., Garcia-Saltos R., Rodriguez S.* Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. IMF Staff Discussion Notes. 23/001. 2023.

17. *Mariotti S.* “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states // *Critical Perspectives on International Business*. 2024. Vol. 20. N. 5. P. 638–659.
18. *Baqae D., Hinz J., Moll B., Schularick M., Teti F.A., Wanner J., Yang S.* What if? The effects of a hard decoupling from China on the German economy. *Kiel Policy Briefs*. 2024. N. 170.
19. *Panon L., Lebastard L., Mancini M., Borin A., Caka P., Cariola G., Essers D., Gentili E., Linarello A., Padellini T., Requena F., Timini J.* Inputs in distress: Geoeconomic fragmentation and firms’ sourcing. *Questioni di Economia e Finanza*. 2024. N. 861.
20. *Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T.* Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. 2023. Vol. 52. N. 6. Article 104765.
21. *Mazzucato M.* *Mission economy: A moonshot guide to changing capitalism*. London: Allen Lane. 2021.
22. *Zenglein M.J., Gunter J.* The party knows best: Aligning economic actors with China’s strategic goals. Berlin: MERICS. 2023.
23. *Roch J., Oleart A.* How ‘European sovereignty’ became mainstream: The geopoliticisation of the EU’s ‘sovereign turn’ by pro-EU executive actors // *Journal of European Integration*. 2024. Vol. 46. N. 4. P. 545–565.
24. *European Commission.* *Science, research and innovation performance of the EU – 2024: A competitive Europe for a sustainable future*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2024.
25. *von Daniels L.* Economy and national security: US foreign economic policy under Trump and Biden. *SWP Research Papers*. 2024. N. 11.
26. *Bown C.P.* How COVID-19 medical supply shortages led to extraordinary trade and industrial policy // *Asian Economic Policy Review*. 2022. Vol. 17. N. 1. P. 114–135.
27. *Herrero A.G.* What is behind China’s Dual Circulation Strategy // *China Leadership Monitor*. 2021. N. 69.
28. *Murphy B.* Chokepoints: China’s self-identified strategic technology import dependencies. Center for Security and Emerging Technology. 2022.
29. *Kumar S.* Development strategy for future India and Atmanirbhar Bharat: a way forward // *Contemporary World Economy*. 2024. Vol. 1. N. 4. P. 72–90.
30. *Chatterjee S., Subramanian A.* India’s inward (re)turn: is it warranted? Will it work? // *Indian Economic Review*. 2023. Vol. 58. S1. P. 35–59.
31. *Mazzucato M.* Innovation-driven inclusive and sustainable growth: Challenges and opportunities for Brazil. UCL Institute for Innovation and Public Purpose Policy Reports. 2023/06. 2023.
32. *Fernández-Villaverde J., Mineyama T., Song D.* Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect. *NBER Working Papers*. 2024. N. 32638.
33. *BCG, SIA.* *Strengthening the global semiconductor supply chain in an uncertain era*. Boston, MA: Boston Consulting Group. 2021.
34. *Metcalfe S., Broström A., McKelvey M.* On knowledge and economic transformation: Joseph Schumpeter and Alfred Marshall on the theory of restless capitalism // *Industry and Innovation*. 2024. Vol. 31. N. 2. P. 1–14.
35. *Bistline J.E.T., Mehrotra N.R., Wolfram C.* Economic implications of the climate provisions of the Inflation Reduction Act // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2023. Vol. 2023. N. 1. P. 77–182.
36. *Baldwin R.E., Freeman R., Theodorakopoulos A.* Horses for courses: Measuring foreign supply chain exposure. *NBER Working Papers*. 2022. N. 30525.
37. *Dietrich A., Dorn F., Fuest C., Gros D., Presidente G., Mengel P.-L., Tirole J.* Europe’s middle-technology trap // *EconPol Forum*. 2024. Vol. 25. N. 4. P. 32–39.
38. *Ketels C., Porter M.E.* Rethinking the role of the EU in enhancing European competitiveness // *Competitiveness Review*. 2020. Vol. 31. N. 2. P. 189–207.
39. *Li G., Branstetter L.G.* Does “Made in China 2025” work for China? Evidence from Chinese listed firms // *Research Policy*. 2024. Vol. 53. N. 6.
40. *Suzigan W., Garcia R., Assis Feitosa P.H.* Institutions and industrial policy in Brazil after two decades: have we built the needed institutions? // *Economics of Innovation and New Technology*. 2020. Vol. 29. N. 7. P. 799–813.

41. *Maskin E.* Why haven't global markets reduced inequality in emerging economies? // *World Bank Economic Review*. 2015. Vol. 29. suppl_1. S48-S52.
42. Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию, Институт исследований и экспертизы ВЭБ. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: научный доклад. М.: РУДН. 2024.
43. Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России. Научный доклад / Под ред. А.А. Широ́ва. М.: Динамик Принт. 2024.
44. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // *Балтийский регион*. 2024. Т. 16. № 3. С. 108–135.
45. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е.* Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2023.
46. *Altenburg T., Corrocher N., Malerba F.* China's leapfrogging in electromobility. A story of green transformation driving catch-up and competitive advantage // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 183. N. 4. Article 121914.
47. *Либман А.М.* Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 2. С. 7–18.
48. *Boer L., Rieth M.* The macroeconomic consequences of import tariffs and trade policy uncertainty. IMF Working Papers. 24/13. 2024.

Nataliya Smorodinskaya (e-mail: smorodinskaya@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

Daniel Katukov (e-mail: dkatukov@gmail.com)

Researcher, Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

A GLOBAL TURN IN NATIONAL INDUSTRIAL STRATEGIES: THE MOVE TOWARDS TECHNOLOGICAL SELF-SUFFICIENCY

The paper examines the global phenomenon of industrial policy securitization in the early 2020s, marked by various countries' synchronous transition toward technological self-sufficiency/sovereignty in priority sectors (TS course). We show why countries have shifted from economic efficiency priorities to economic security dominance, identify typical common features and national characteristics of the TS course in leading developed and developing economies (USA, EU, China, India, Brazil), as well as reveal these countries' costs and risks in achieving their goals. Against the backdrop of this global trend, we analyze the Russian TS course specifics under sanctions and demonstrate objective limits for its successful implementation in internal and external contexts. We conclude that the securitization trend will intensify, but the accumulated costs from geopolitical fragmentation of the world economy will eventually return countries to their former economic openness.

Keywords: economic security, technological sovereignty, securitization of industrial policy, geopolitical fragmentation of the world economy, Russia's technological policy.

DOI: 10.31857/S0207367624120014

© 2024

УДК: 338.2

Светлана Ильина

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: sailyina@inecon.ru)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ОТРАЖЕНИИ ПАТЕНТНОЙ СТАТИСТИКИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПОЛУПРОВОДНИКИ

Статья посвящена анализу мировой патентной статистики в области технологий искусственного интеллекта и полупроводников. На основе анализа выявлено, что в период 2019–2023 гг. на четыре ведущие страны в совокупности приходилось порядка 90% мирового объема опубликованных патентных заявок на технологии как в сфере искусственного интеллекта, так и в области полупроводников. Исследование выявило низкую патентную активность России в анализируемом периоде, сопровождающуюся отрицательной динамикой публикации патентных заявок. В качестве одного из возможных решений для стимулирования патентной активности российских заявителей предлагается корректировка научно-технологической и промышленной политики.

Ключевые слова: технологический суверенитет, технологическая независимость, патентная статистика, патентная активность, искусственный интеллект, полупроводники, микроэлектроника.

DOI: 10.31857/S0207367624120025

Технологии формируют геополитику, принося не только прогресс, но и власть тем, кто ими владеет и их контролирует. Инновации приводят к глубокой асимметрии власти и неравенству, прежде чем распространяются по всему миру. Ведущие державы осознали, что доступ к новым технологиям может иметь решающее значение для их суверенитета, и это побудило их к жесткой конкуренции за развитие своих технологических возможностей [7]. В качестве приоритетных направлений технологического развития европейские страны обозначили технологии, связанные с изменением климата, искусственным интеллектом и квантовыми вычислениями; США и Китай — полупроводниковую промышленность; ряд развивающихся стран — здравоохранение и фармацевтику. Выбор приоритетных направлений обусловлен как стремлением к технологической независимости в критически важных секторах, так и амбициями в достижении технологического лидерства. Политика России в области обеспечения технологического суверенитета показала свою отраслевую разноректорность. С одной стороны, обозначается необходимость углубления переделов в базовых отраслях промышленности для обеспечения потребностей обрабатывающих отраслей, с другой — берется курс на создание собственной технологической базы в отдельных секторах [1]. В 2024 г. в России были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий, в который вошли среди прочих такие две тесно взаимосвязанные группировки, как *сквозные технологии искусственного интеллекта* и *критические технологии микроэлектроники* [6].

Согласно исследованию Mathys & Squire, рост числа новых изобретений в микроэлектронике в определенной степени обусловлен бумом в секторе

искусственного интеллекта. Генеративный искусственный интеллект – это самая современная технология, которая стимулирует НИОКР в полупроводниковой промышленности и приводит к соответствующему росту числа патентных заявок [12]. Поскольку патентная статистика является надежным индикатором научно-технического развития, мониторинг и анализ динамики патентной активности позволяют оценить изменения тенденций на пути к технологическому суверенитету [2]. Настоящее исследование посвящено анализу мировой патентной статистики в области технологий искусственного интеллекта и полупроводников. В качестве анализируемого показателя используется число *опубликованных заявок на выдачу патента*, ежегодно публикуемое Всемирной организацией интеллектуальной собственности. К ним относятся заявки, получившие положительное решение по итогам формальной экспертизы.

Динамика опубликованных патентных заявок на технологии в сфере искусственного интеллекта представлена в табл. 1.

Согласно данным, представленным в табл. 1, в течение четырех лет подряд наблюдается снижение количества опубликованных патентных заявок от изо-

Таблица 1

Мировые лидеры по числу опубликованных патентных заявок на технологии в сфере искусственного интеллекта в 2019–2023 гг.

Страна происхождения	2019		2020		2021		2022		2023	
	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок
Китай	1	20 036	1	20 436	1	22 673	1	24 591	1	25 701
США	2	19 625	2	18 669	2	17 924	2	17 244	2	15 389
Р. Корея	4	7 338	4	7 993	4	7 707	4	7 906	3	8 213
Япония	3	12 564	3	11 898	3	10 723	3	9 127	4	8 127
Германия	5	1 235	5	1 189	5	1 079	5	980	5	866
Великобритания	7	674	6	701	6	680	6	605	6	499
Франция	6	743	7	629	7	554	7	579	7	495
Канада	8	501	8	486	8	412	8	381	8	315
Швейцария	14	240	14	248	11	286	11	246	9	292
Швеция	9	366	9	392	10	306	10	320	10	280
Индия	15	233	15	180	17	131	16	116	16	80
Россия	17	149	17	113	15	153	20	64	34	14
Остальные	–	2 507	–	2 326	–	1 998	–	1 953	–	1 679
ВСЬ МИР	–	66 211	–	65 260	–	64 626	–	64 112	–	61 950

Источник: составлено автором по статистической базе данных Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 08.11.2024).

бретателей на технологии в сфере искусственного интеллекта: в 2020 г. — на 1,4%, в 2021 г. — на 1,0%, в 2022 г. — на 0,8%, в 2023 г. — на 3,4%.

Несмотря на отрицательную динамику общемирового показателя в рассматриваемом периоде, Китай, напротив, демонстрирует значительный ежегодный прирост: в 2020 г. — на 2,0%, в 2021 г. — на 10,9%, в 2022 г. — на 8,5%, в 2023 г. — на 4,5%, что позволяет стране увеличить отрыв от ближайших конкурентов и уверенно удерживать первое место в рейтинге. Доля китайских опубликованных патентных заявок в 2023 г. достигла 41% от общемирового объема, что на 11% больше по сравнению с 2019 г.

За Китаем следуют США, Республика Корея и Япония. Совокупная доля этих четырех стран с традиционно высокой патентной активностью в 2023 г. составила существенные 93% от всех опубликованных в мире патентных заявок на технологии в сфере искусственного интеллекта, а доля первой десятки рейтинга — 97%, что на 3% и 1% больше аналогичного показателя за 2019 г. соответственно.

В анализируемом периоде отмечается довольно слабая заявительская активность России в сфере технологий искусственного интеллекта, сопровождающаяся отрицательной динамикой публикаций патентных заявок в 2020, 2022 и 2023 г. Доля российских опубликованных заявок в 2023 г. снизилась до 0,02% от общемирового объема, хотя и в наиболее благоприятном 2021 г. она ограничивалась 0,24%.

Динамика опубликованных патентных заявок на технологии в сфере полупроводников представлена в табл. 2.

Согласно представленным в табл. 2 данным, в течение трех лет подряд наблюдается положительная динамика числа опубликованных патентных заявок от изобретателей на технологии в сфере полупроводников, прирост которых составил: в 2020 г. — 3,3%, в 2021 г. — 2,5%, в 2022 г. — 7,4%. Однако в 2023 г. тренд изменился на отрицательный и заявительская активность снизилась на 21,1%.

Китай в течение трех лет подряд демонстрировал значительный ежегодный прирост опубликованных патентных заявок, который составил: в 2020 г. — 9,2%, в 2021 г. — 10,9%, в 2022 г. — 16,9%, что позволило стране увеличить отрыв от ближайших конкурентов и в сфере полупроводников. Даже несмотря на существенное снижение рассматриваемого показателя в 2023 г. на 22,0% по сравнению с годом ранее, Китай продолжил уверенно удерживать первое место в рейтинге. Доля китайских опубликованных патентных заявок в 2023 г. достигла 36% от общемирового объема, что на 7% больше показателя 2019 г.

Следом за Китаем идут Япония, США и Республика Корея. В период 2019–2023 гг. совокупная доля этих четырех стран, традиционно демонстрирующих высокую патентную активность, составляла порядка 90% от общего числа опубликованных в мире патентных заявок на технологии в сфере полупроводников, а доля десяти лидирующих стран — около 97%.

В рассматриваемом периоде наблюдается низкая заявительская активность России также и в сфере полупроводниковых технологий, сопровождающаяся отрицательной динамикой публикаций патентных заявок в 2020, 2022 и 2023 г. Доля российских опубликованных заявок на технологии в 2023 г. снизилась до

Таблица 2

Мировые лидеры по числу опубликованных патентных заявок на технологии в сфере полупроводников в 2019–2023 гг.

Страна происхождения	2019		2020		2021		2022		2023	
	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок	Место в рейтинге	Число заявок
Китай	1	24 624	1	26 892	1	29 820	1	34 848	1	27 178
Япония	2	23 905	2	23 467	2	23 199	2	21 663	2	18 529
США	4	13 375	4	13 331	4	12 060	4	13 043	3	11 484
Р. Корея	3	14 100	3	15 423	3	16 259	3	17 901	4	11 469
Германия	5	2 755	5	2 663	5	2 464	5	2 550	5	1 945
Франция	6	1 289	6	1 280	6	1 310	6	1 288	6	995
Нидерланды	7	869	7	786	7	788	7	758	7	880
Сингапур	9	458	9	478	9	486	8	668	8	734
Великобритания	8	530	8	515	8	521	9	537	9	388
Австрия	10	424	10	343	10	329	12	366	10	368
Индия	14	167	12	263	13	268	10	472	11	340
Россия	13	234	15	161	14	181	20	68	36	5
Остальные	—	1 905	—	1 841	—	1 902	—	2 051	—	1 555
ВЕСЬ МИР	—	84 635	—	87 443	—	89 587	—	96 213	—	75 870

Источник: составлено автором по статистической базе данных Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 08.11.2024).

0,01% от общемирового объема, хотя и в более успешном 2019 г. она составляла всего 0,28%.

Проведенный патентный анализ выявил следующие закономерности: во-первых, лидирующие позиции по патентной активности как в сфере технологий искусственного интеллекта, так и в области полупроводников занимают одни и те же четыре страны: Китай, США, Республика Корея и Япония; во-вторых, в рассматриваемых технологических областях наблюдается конкуренция именно между этими четырьмя странами, поскольку их патентная активность существенно превосходит показатели остальных государств, делая достижение аналогичных результатов в краткосрочной и среднесрочной перспективе маловероятным.

Конечно, и сейчас в ряде стран, не входящих в первую четверку рейтинга, наличествуют уникальные технологии (например, полупроводниковая фотолитография голландской компании ASML), которые остаются пока недостижимыми

для других государств. Однако масштабное финансирование и широкий охват НИОКР в четырех ведущих странах повышает вероятность появления новых прорывных технологий, которые будут признаны перспективными для промышленного внедрения и могут вытеснить или существенно ограничить долю существующих на рынке технологий.

Все четыре ведущие страны глубоко интегрированы в глобальную цепочку создания стоимости полупроводников, традиционно возглавляемую США, занимая позиции в соответствии с моделью международного разделения труда. В частности, Китай специализировался на производстве полупроводников по зрелым технологическим процессам, а также на сборке, тестировании и упаковке чипов. Однако эта восточная страна в последние годы стала проявлять стремление к освоению передовых технологий и выходить за определенные для нее рамки. Вследствие этого США, при поддержке союзнических государств, усилили санкционное давление на Китай с целью сохранения технологического разрыва и удержания лидирующих позиций. В ответ китайское правительство призвало ускорить инновации в ключевых технологиях, включая полупроводники, а также исследования в сфере искусственного интеллекта, в значительной степени зависящего от полупроводниковых технологий. Китайская промышленность отреагировала на это резким ростом числа патентных заявок. Таким образом, соперничество между США и Китаем в этих областях обострилось [12].

Особого внимания заслуживает реакция китайского фондового рынка на очередной пакет санкций. На фоне появившейся в ноябре 2024 г. информации о прекращении поставок в Китай чипов для сегмента искусственного интеллекта, выпускаемых тайваньским контрактным производителем TSMC с использованием техпроцессов 7 нм и менее, китайский полупроводниковый индекс подскочил в ходе торгов до трехлетнего максимума — более чем на 6%. Инвесторы позитивно восприняли усиление санкций, полагая, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе это приведет к реорганизации цепочки поставок, увеличит спрос на внутренние производственные мощности с передовыми технологическими процессами и станет катализатором технологических прорывов в сфере полупроводников [9]. Несмотря на санкционное давление, Китай по количеству патентов в сфере искусственного интеллекта и полупроводниковых технологий обошел все страны мира. Эксперты отрасли связывают этот успех с продуманной стратегией развития национальной микроэлектроники в условиях внешних ограничений, мощной государственной поддержкой бизнеса и большим стремлением к технологической независимости [3].

В условиях геополитической напряженности участники глобальной цепочки создания стоимости полупроводников активизировали усилия по переносу своих производств из Китая в другие страны. Данный процесс обусловлен не только стремлением глобальных компаний к диверсификации рисков, связанных с экономикой Китая, но и с утратой последним ключевого конкурентного преимущества — многочисленной дешевой рабочей силы. В настоящее время одной из самых сложных задач этой восточной страны является сохранение конкурентоспособности в условиях роста затрат на рабочую силу из-за сокращения численности населения трудоспособного возраста. Решение этой проблемы

предполагает роботизацию производств, однако для этого необходимы кадры с соответствующей квалификацией, которые для этого еще предстоит подготовить [11].

В контексте обозначенной кадровой проблемы особого внимания заслуживает Индия, рассматриваемая глобальными компаниями как перспективная площадка для переноса производственных мощностей из Китая. Эта страна обладает значительными человеческими ресурсами (численность населения превышает 1,4 млрд человек), а также большим числом студентов, проходящих обучение в сфере науки и техники [8]. Несмотря на то что индийский полупроводниковый сектор еще находится в процессе становления и имеет небольшое присутствие на рынке, страна стремится к развитию национальной микроэлектроники и достижению технологического суверенитета. Это государство Южной Азии уже занимает позиции во второй десятке лидирующих стран по числу опубликованных патентных заявок в областях искусственного интеллекта и полупроводниковых технологий, превосходя по показателям Россию.

Следует отметить, что Индия не собирается останавливаться на достигнутом и стремится использовать геополитическую напряженность между США и Китаем не только для превращения в альтернативный производственный центр глобального бизнеса, но и для достижения лидирующих позиций на мировом рынке полупроводников [10]. В связи с вышесказанным, с большой вероятностью, эта страна в ближайшие годы будет демонстрировать рост числа патентных заявок на технологии в сфере искусственного интеллекта и полупроводников.

Одним из целевых показателей *национального проекта «Наука»* является достижение Российской Федерацией по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами научно-технологического развития: в 2019 г. — 8 места, в 2020 г. — 8 места, в 2021 г. — 7 места, в 2022 г. — 7 места, в 2023 г. — 6 места, в 2024 г. — 5 места [4]. Проведенное исследование показало, что данный целевой показатель достигнут так и не был. Если в период 2019–2022 гг. Россия занимала позиции во второй десятке рейтинга по числу опубликованных патентных заявок на технологии в сфере искусственного интеллекта и полупроводников, то в 2023 г. она опустилась сразу в четвертую десятку. Очевидно, что целевой показатель не будет достигнут и по итогам 2024 г.

Существенное снижение заявительской активности в 2022 и 2023 г., вероятно, обусловлено проведением СВО, усилением антироссийских технологических санкций, усложнением геополитической ситуации, а также ростом уровня секретности в рассматриваемых областях и уходом соответствующей информации из публичного пространства. Тем не менее в условиях глобального тренда на суверенизацию снижение заявительской активности негативно влияет на технологический потенциал России, так как малый объем патентов уменьшает вероятность появления коммерчески успешных разработок, и тем более — прорывных инноваций. В этой связи возрастает роль государства в поддержке развития технологий в сфере искусственного интеллекта и полупроводников, а также в обеспечении защиты прав на изобретения на международном уровне для укрепления позиций России на глобальном рынке. Стимулирование патентной активности российских заявителей требует корректировки национальной

научно-технологической и промышленной политики. Опыт Китая демонстрирует возможность успешной реализации подобной стратегии даже в условиях санкционного давления.

В условиях геополитической напряженности рынок интеллектуальной собственности остается одним из немногих, где продолжают действовать нормы международного права, его регулирующие. Защита результатов интеллектуальной деятельности предоставляет компаниям юридические инструменты для снижения рисков, связанных с санкциями. Этим и объясняется высокий рост интереса к патентной защите в Китае [5]. Для продвижения к технологическому суверенитету и включения в гонку технологий России необходимо активизировать изобретательскую активность национального бизнеса и поощрять регистрацию прав на объекты интеллектуальной собственности в международной системе одновременно как в области полупроводников, так и в сфере технологий искусственного интеллекта, с учетом их тесной взаимосвязи. В противном случае страны с более активной позицией будут обгонять Россию в технологическом плане и становиться более конкурентными даже в тех областях, в которых они являются новичками.

Литература

1. *Алехин А., Эриванцева Т.* Международное патентование — индикатор технологического суверенитета страны. Группа компаний «ХимПар». 2024. 9 фев. URL: <https://chemrar.ru/mezhdunarodnoe-patentovanie-indikator-texnologicheskogo-suvereniteta-strany/>.
2. *Ильина С.А.* Патентная активность отечественных и иностранных заявителей как индикатор научно-технологического развития России: анализ актуальной статистики // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 4. С. 31–40. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-31-40.
3. *Марина А.* Китай обошел США по патентам в сфере полупроводников. 3DNews. 2024. 24 окт. URL: <https://3dnews.ru/1112938/kitay-oboshlyol-ssha-po-zayavkam-na-patenti-v-sfere-poluprovodnikov?ysclid=m3175gu9h3411493086>.
4. Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)). Гарант. URL: <https://internet.garant.ru>.
5. Россия на глобальном рынке интеллектуальной собственности. Группа «Деловой профиль». 2023. 4 мая. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiya-na-globalnom-rynke-intellektualnoy-sobstvennosti/?ysclid=m319bhv9cr100904656>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». Гарант. URL: <https://internet.garant.ru>.
7. *Якименко О.А.* Технологический суверенитет как ключ к устойчивому развитию России в XXI веке. Росконгресс. 2022. 29 дек. URL: <https://roscongress.org/materials/tehnologicheskij-suverenitet-kak-klyuch-k-ustoychivomu-razvitiyu-rossii-v-xxi-veke/?ysclid=m3lo2lvs3p781213817>.
8. *Annu N.* India touted as option to ease U.S. chip workforce gap. Nikkei Asia. May 22, 2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Tech/Semiconductors/India-touted-as-option-to-ease-U.S.-chip-workforce-gap>.
9. China chip index nears 3-year high as TSMC order fuels self-reliance bets. Reuters. Nov 11, 2024. URL: <https://www.reuters.com/technology/china-chip-index-nears-3-year-high-tsmc-order-fuels-self-reliance-bets-2024-11-11/>.

10. *Hanada R.* India's chipmaking ambitions shadowed by infrastructure concerns. *Nikkei Asia*. Mar 27, 2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Tech/Semiconductors/India-s-chip-making-ambitions-shadowed-by-infrastructure-concerns>.
11. *Olcott E.* 'Robot revolution' forces China's human workforce to adapt. *Financial Times*. Nov 14, 2024. URL: <https://www.ft.com/content/dc7e1117-11d1-4da4-8af0-931fe967f548>.
12. Semiconductor patent applications up 22% globally to 81,000 a year. *Mathys & Squire*. Oct 22, 2024. URL: <https://www.mathys-squire.com/insights-and-events/news/semiconductor-patent-applications-up-22-globally-to-81000-a-year/>.

Svetlana Ilyina (e-mail: sailyina@inecon.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AS REFLECTED BY PATENT STATISTICS: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SEMICONDUCTORS

The article analyzes global patent statistics in the field of artificial intelligence and semiconductor technologies. Based on the analysis, it was found that in the period 2019–2023, four leading countries together accounted for about 90% of the world's published patent applications for technologies in both artificial intelligence and semiconductors. The study revealed low patent activity in Russia in the analyzed period, accompanied by negative dynamics in the publication of patent applications. As one of the possible solutions to stimulate the patent activity of Russian applicants, it is proposed to adjust scientific, technological and industrial policies.

Keywords: technological sovereignty, technological independence, patent statistics, patent activity, artificial intelligence, semiconductors, microelectronics.

DOI: 10.31857/S0207367624120025

© 2024

УДК: 332

Бэла Батаева

доктор экономических наук, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления Факультета экономики и бизнеса, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: BBataeva@fa.ru)

Наталья Киселева

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: nkiseleva@fa.ru)

Людмила Чеглакова

кандидат социологических наук, доцент Департамента организационного поведения и управления человеческими ресурсами, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: lcheglakova@hse.ru)

Борис Сытин

главный специалист Центра перспективных исследований и разработок в сфере образования; ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: bssytin@fa.ru)

**УЧАСТИЕ БИЗНЕСА И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ПОВЕСТКЕ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Методологическую основу исследования участия региональных субъектов предпринимательства в повестке ESG и реализации национальных проектов составили концепция устойчивого развития и ресурсная теория. По результатам опроса 208 респондентов из 144 организаций частного и государственного секторов экономики Красноярского края, крупные госкомпании существенно отстают от крупных частных компаний по степени участия в реализации нацпроектов и ESG-повестке. Вовлеченность малого и среднего бизнеса и некоммерческих организаций более слабая. Выявлено, что основными препятствиями являются недостаток ресурсов, слабая информированность об инструментах участия и непонимание пользы от участия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность (КСО), ESG, национальные проекты, государственные компании, частные компании, малый и средний бизнес, информированность, участие.

DOI: 10.31857/S0207367624120034

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Проблематика и обзор исследований

В Российской Федерации повестка устойчивого развития активно развивается в последние годы, несмотря на санкционное давление. Одной из форм достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации являются национальные проекты. В 2018 г. в России разработаны и приняты 13 национальных проектов для стимулирования приоритетных направлений деятельности экономики. На их финансирование Правительством было «заложено порядка 25 трлн руб., более 30% из которых (7,5 трлн) должны быть привлечены из внебюджетных источников» [1]. Президент страны В. Путин в том же 2018 г. отметил, что «госкомпании обязаны участвовать в проектах развития, потому что для этих целей они и создавались»¹. Это утверждение касается госкорпораций, госкомпаний и компаний с государственным участием. В «майском» указе 2024 г. уточнены 7 приоритетных комплексных национальных целей развития до 2030 и 2036 г., в разработке находятся уже 5 новых нацпроектов: «Семья», «Молодежь России», «Кадры», «Продолжительная и активная жизнь» и «Экономика данных»².

Частный бизнес тоже является партнером власти в решении социально-экономических проблем. На региональном уровне весомую роль в вовлечении бизнеса всех форм собственности, некоммерческих организаций (НКО) в реализацию стратегии устойчивого развития и нацпроектов играет власть. Ею используются государственно-частное и муниципально-частное партнерства (далее – ГЧП и МЧП), инструменты стимулирования (господдержка, льготы, преференции) и др. Регионы России отличаются по степени вовлеченности в повестку ESG, а их успехи оцениваются с помощью ESG-рейтингов и рэнкингов. При этом отсутствуют исследования включенности бизнеса с разными формами собственности, малого и среднего бизнеса (далее – МСБ) и НКО в стратегию устойчивого развития региона.

Цель эмпирического исследования – оценить особенности участия частного и государственного бизнеса и НКО в национальных проектах и повестке устойчивого развития (ESG) в регионе на примере Красноярского края. Для этого были поставлены следующие исследовательские вопросы. Как связана информированность о национальных проектах и повестке ESG с участием в них бизнеса и НКО региона? Какую пользу получают государственные и частные компании, НКО от участия в национальных проектах и повестке ESG? Как улучшить коммуникацию власти, бизнеса и НКО с целью повышения участия бизнеса и НКО в повестке ESG и нацпроектах?

Теоретической основой исследования являются концепция устойчивого развития, которая признается общим трендом развития человечества [2], и ресурсная теория.

С позиции концепции устойчивого развития оценка бизнеса должна учитывать не только экономические, но и социальные и экологические критерии [3]. Отражение Целей устойчивого развития ООН (далее – ЦУР) в российских государственных нормативных документах и нацпроектах являлись предметом изучения С.Н. Бобылёва и С.В. Соловьёвой (2017) [4], А.Г. Сахарова, О.И. Колмара (2019) [5],

¹ Путин потребовал от глав госкомпаний вложиться в «проекты прорыва». РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2018/5bd0be049a794775ffb2f3cb> (дата обращения 06.08.2024).

² Национальные проекты России. Список нацпроектов: URL: <https://xn-80aarpampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/>

А.В. Перова и К.В. Симонова (2023) [6]. Участие крупнейших публичных компаний в ESG-повестке и раскрытие информации об этом в отчетности исследовали И. Альшебейли и др. (2020) [7], М.А. Измайлова (2023) [8]. Авторы сделали вывод, что крупный бизнес лидирует в этих вопросах в силу наличия ресурсов.

Согласно ресурсной теории, компания как открытая система развивается и выживает под влиянием событий во внешней среде [9]. Те компании, которые реализуют стратегии устойчивого развития, отчитываются о своей корпоративной социальной ответственности³ (далее — КСО), т.е. являются прозрачными для стейкхолдеров, получают высокие значения в ESG-рейтингах и могут легче привлечь ресурсы с помощью инвесторов [10–12].

Для госкомпаний и компаний с госучастием, ЦУР реализация ESG-повестки и участие в нацпроектах являются обязательными, тогда как для частных предприятий — добровольными как часть КСО [13]. Госкомпании и компании с госучастием имеют больше возможностей для реализации стратегий устойчивого развития [14], поскольку государство выступает в роли не только акционера, но и регулятора и пр. [15]. В результате они имеют лучшие возможности для развития [16], привлечения инноваций [17] и капитала по более низкой стоимости [18].

Существует и иная точка зрения, согласно которой преимущества госкомпаний по привлечению капитала приводят к тому, что они в меньшей степени ориентированы на внешний контроль и запросы инвесторов, на участие в практиках ESG и раскрытие информации о них. И.И. Смотрицкая, Н.Д. Фролова (2022)[19] ставят под вопрос положительное влияние государства как собственника на качество корпоративного управления и, как следствие, на участие в ESG-повестке.

Практики МСБ в реализации КСО, барьеры его вовлеченности в повестку устойчивого развития изучали Д. Джамали, Б. Навилл (2011) [20]; О. Борал и др. (2014) [21]; Дж. Бакос и др. [22]; А. Хачатрян, Н. Назарова и др. (2022)[23]; Б. Батаева и др. (2024) [24]. Они сделали выводы о значении наличия ресурсов, позиции собственников и информированности лиц, принимающих решения.

Практику органов власти в распространении повестки устойчивого развития исследовали И.-М. Гарсия-Санчес и др.(2013) [25]; Т.Ю. Алтуфьева (2022) [26]; У. Стаббс и др. (2022) [27]. Авторы сделали вывод о том, что знание и ценностей ЦУР и их поддержка частными субъектами являются фактором вовлечения последних в ESG-повестку.

Резюмируя обзор публикаций по исследуемой тематике, можно сделать вывод об отсутствии работ, в которых проводилось бы сравнение участия частных и госкомпаний на уровне региона в нацпроектах и повестке ESG, а также сравнение их информированности и готовности к такого рода деятельности.

Методология и результаты исследования

Исследование проводилось по инициативе РСПП по Красноярскому краю в период с 20.07.23 по 30.08.23 комбинированным методом сочетания онлайн-

³ Под корпоративной социальной ответственностью понимается практика, при которой предприятия на добровольной основе интегрируют социальные и экологические аспекты в свою коммерческую деятельность для общественного процветания в долгосрочной перспективе; ESG понимается как форма проявления КСО, а также как критерии оценки социальной ответственности.

опроса и раздаточной анкеты. Выборка, стратифицированная по размеру, форме собственности, сфере экономической деятельности и статусу респондента⁴ – всего 208 респондентов из 144 организаций из числа членов РСПП (табл. 1):

- предприятия (компании) госсектора/госпредприятия (включающие АО с 100% госучастием и более 50% акционерного капитала в руках государства, ФГУПы, МУПы, ФКП и др.), крупные компании (далее – ГС П);
- предприятия (компании) частного сектора крупные компании (далее – ЧС К);
- предприятия (компании) частного сектора малые и средние (далее – ЧС МСБ);
- некоммерческие организации (далее – НКО).

Анкета включала в себя 5 блоков вопросов по следующим темам: ЦУР и национальные проекты; участие компаний в национальных проектах; включенность компаний в повестку ESG; отношение организации к ESG-стандартам, а также данные о компании и информанте⁵. Обработка данных проводилась в программе Microsoft Excel 365 (версия 16.0). В качестве методов анализа использовались коэффициент конкордации Кендалла ($W = 0,892$), дескриптивная статистика, расчет индексов, корреляционный анализ. Ниже приведены результаты анализа данных.

Участникам исследования задавался вопрос: «В какой степени Ваша компания знакома со следующими концепциями?» По результатам ответов рассчитывались индексы информированности для каждого субъекта (табл. 2).

Согласно табл. 2, информированность компаний крупного частного бизнеса о концепциях ЦУР, ESG и КСО, нацпроектах в 2 раза выше по сравнению с другими субъектами выборки и составляет 0,65. Информированность государственных компаний о КСО ниже, чем у всех других субъектов и составляет 0,33.

Таблица 1

Выборка исследования (человек)

Сфера	Всего	НКО	Предприятия малого и среднего бизнеса (ЧС МСБ)	Предприятия крупные (ЧС К)	Госпредприятия (ГС П)
Производство и промышленность	58	—	29	27	2
Сельское хозяйство	33	—	32	1	0
Сфера услуг	117	19	47	36	15
ИТОГО	208	19	108	64	17

Источник: расчеты авторов.

⁴ В выборку включены руководители организаций, не ниже руководителя департамента/управления (менеджер среднего уровня).

⁵ Статус информанта не оказался значимым критерием дифференциации мнений для данной выборки и не будет далее анализироваться в статье. Связь исследовательских вопросов с вопросами анкеты представлена в Приложении.

Таблица 2

**Индексы информированности субъектов частного, государственного секторов и НКО
Красноярского края о ЦУР, ESG, КСО и нацпроектах**

Вид субъекта	Индекс информированности ЦУР	Индекс информированности ESG	Индекс информированности КСО	Индекс информированности о нацпроектах	Общий индекс информированности
НКО	0,30	0,19	0,42	0,32	0,31
ЧС МСБ	0,33	0,27	0,43	0,3	0,33
ЧС К	0,67	0,59	0,74	0,61	0,65
ГС П	0,33	0,31	0,33	0,30	0,32

Примечание: индекс информированности рассчитывается по формуле: (доля хорошо информированных + доля недостаточно информированных + доля слабо информированных – доля неинформированных) / 100. Чем ближе индекс к 1, тем выше информированность.

Источник: расчеты авторов.

Далее респондентам задавался вопрос: «В реализации каких национальных проектов участвует или готова участвовать Ваша организация?» По ответам были рассчитаны индексы информированности и участия в национальных проектах (табл. 3).

Таблица 3

Индексы участия субъектов частного, государственного секторов и НКО Красноярского края в реализации национальных проектов РФ

Вид субъекта	Индекс информированности о нацпроектах	Индекс участия в нацпроектах	Коэффициенты корреляции информированности и участия в нацпроектах
НКО	0,32	0,24	0,38
ЧС МСБ	0,30	0,26	0,22
ЧС К	0,61	0,40	0,30
ГС П	0,30	0,26	0,41

Примечание: индекс участия в нацпроектах рассчитывается по формуле: (доля участвующих + доля готовых участвовать – доля не готовых участвовать)/100. Чем ближе индекс к 1, тем выше показатели участия. Диапазон коэффициента корреляции от $-1 \leq |r| \leq 1$; чем ближе значение к 1, тем выше связь показателей.

Источник: расчеты авторов.

Согласно данным табл. 3, корреляционный анализ показал зависимость показателя участия от информированности и средней по силе связи между переменными «информированность» и «участие».

Для замера включенности организаций региона в реализацию ESG-повестки был рассчитан индекс участия (табл. 4).

Таблица 4

Индексы участия субъектов частного, государственного секторов и НКО Красноярского края в реализации ESG-повестки (интеграции ESG-стандартов)

Вид субъекта	Индекс информированности о ESG	Индекс участия в ESG-повестке	Коэффициенты корреляции информированности и участия в ESG -повестке
НКО	0,19	0,00	–0,20
ЧС МСБ	0,27	0,06	0,36
ЧС К	0,59	0,21	0,41
ГС П	0,31	0,06	0,52

Примечание: индексы информированности и участия в ESG-повестке рассчитываются аналогично предыдущим индексам. Чем ближе индекс к 1, тем выше степень участия в ESG-повестке. Диапазон коэффициента корреляции от $-1 \leq |r| \leq 1$.

Источник: расчеты авторов.

Как следует из табл. 4, наибольшие значения индекса участия в ESG-повестке свойственны крупным частным компаниям (0,21). Госпредприятия имеют низкие показатели участия, такие же, как и у МСБ (0,06). Опрошенные НКО Красноярского края не принимают участия в реализации ESG-повестки. Информированность положительно связана с участием в реализации ESG-повестки у трех страт за исключением НКО. В последнем случае отрицательный коэффициент корреляции (–0,20) говорит о существовании обратной зависимости между переменными. Это, вероятно, означает, что информирование НКО не дает положительного эффекта.

Далее различным субъектам предлагалось ответить на вопрос: «По Вашему мнению, что дает организациям участие в реализации национальных проектов?» В целом, наиболее значимыми для бизнеса Красноярского края оказались 4 типа преимуществ (табл. 5): первое и второе место заняли «развитие предприятия» и «повышение репутации, имиджа» (ранги 1–2); третье место – сопричастность к развитию региона (ранги 1, 2, 3 и 4); четвертое место – содействие органам местной власти в реализации национальных проектов (ранги 1, 2, 3, 5).

Как видно из табл. 5, представления о пользе участия в нацпроектах отличаются в зависимости от типа субъекта. Важно, что все субъекты обследования объединены интересом к развитию региона – Красноярского края, что является общим основанием участия в национальных проектах (ранг от 2 до 4). Интересно, что участие в рейтингах, ответ на запросы клиентов и прочих стейкхолдеров, повышение оценки участия в рейтингах ESG и укрепление позиций собственника бизнеса, акционеров отметило наименьшее число опрошенных.

Кроме того, участникам предлагалось ответить на вопрос: «В реализации каких национальных проектов участвует или готова / не готова участвовать Ваша организация?» Результат расчетов приведен в табл. 6.

Согласно ее данным, крупные частные компании участвуют в 10 из 14 нацпроектов в рамках своих ESG-стратегий. Участие госкомпаний составляет

Таблица 5

Матрица рангов в приоритетности пользы от участия субъектов частного, государственного секторов и НКО Красноярского края в реализации нацпроектов (самооценка полезности от участия в национальных проектах)

Рейтинг	Преимущества участия в национальных проектах	НКО	ЧС МСБ	ЧС К	ГС П
1	Развитие предприятия	1	1	2	1
2	Повышение репутации, имиджа	2	4	1	2
3	Сопричастность к развитию региона	2	3	4	3
4	Содействие органами местной власти в реализации нацпроектов	3	2	5	3
5	Рост трудовой мотивации сотрудников	4	6	3	5
6	Улучшение позиций для работы с инвесторами, поставщиками, партнерами	5	5	6	4
7	Укрепление позиций собственника бизнеса, акционеров	6	7	7	6
8	Повышение оценки участия в рейтингах	6	8	8	8
9	Ответ на запросы клиентов и прочих стейкхолдеров	5	9	9	7

Примечание: в таблице использована цветовая маркировка ячеек, где белый цвет соответствует наиболее высоким рангам, серый – средним рангам, темно-серый – наиболее низким рангам. Диапазон от 1 до 9.

Источник: расчеты авторов.

5 из 14 нацпроектов; наиболее часто назывались такие проекты, как «Модернизация транспортной инфраструктуры», «Туризм и индустрия», «Экология». МСБ участвуют в 3 нацпроектах, включая нацпроект «Малое и среднее предпринимательство», а НКО – в 6 нацпроектах социальной направленности.

Для дополнительного прояснения позиций респондентов им предлагалось ответить на вопрос: «По каким причинам организация не принимает участие в реализации национальных проектов?» (рис. 1).

Как следует из рис. 1, отсутствие ресурсов и незнание механизмов являются основными препятствиями для участия субъектов края в национальных проектах и ESG-повестке в целом, последнее – в меньшей степени для госпредприятий. Больше всего в качестве причины неучастия назвали «отсутствие запросов со стороны клиентов, партнеров, органов власти» крупные компании с госучастием (35%) и НКО (42%). Рыночные силы (вариант ответа – «нет запросов со стороны клиентов, партнеров, органов власти») практически для всех страт были отнесены на последнее место.

Таблица 6

**Индекс участия субъектов частного, государственного секторов
и НКО Красноярского края в реализации
национальных проектов**

Рейтинг	Наименование национального проекта	НКО	ЧС МСБ	ЧС К	ГС П
1	Производительность труда	0,16	0,31	0,83	0,12
2	Экология	−0,05	0,13	0,70	0,29
3	Малое и среднее предпринимательство	0,16	0,52	−0,02	0,00
4	Образование	0,37	−0,17	0,28	−0,06
5	Модернизация транспортной инфраструктуры	−0,47	−0,22	0,59	0,41
6	Цифровая экономика	−0,05	−0,17	0,33	0,12
7	Культура	0,16	−0,35	0,20	0,00
8	Жилье и городская среда	−0,26	−0,14	0,44	−0,12
9	Туризм и индустрия	−0,16	−0,37	0,00	0,35
10	Международная кооперация и экспорт	−0,47	−0,21	0,44	0,00
11	Здравоохранение	0,37	−0,41	−0,09	−0,12
12	Наука и университеты	−0,47	−0,31	0,20	0,00
13	Демография	0,16	−0,52	−0,02	−0,24
14	Безопасные качественные дороги	−0,79	−0,15	0,27	−0,12

Примечание: расчет проводился по формуле, аналогичной использованной в табл. 3. Цветовая маркировка использовалась аналогично табл. 5. Отрицательное значение индекса говорит о том, что представители страты не участвуют и не готовы участвовать в конкретном нацпроекте. Нулевое значение свидетельствует о нейтральной позиции относительно участия в нацпроектах.

Источник: расчеты авторов.

Рис.1. Причины неучастия в национальных проектах групп представителей бизнеса и НКО Красноярского края (в % от числа опрошенных)

Источник: расчеты авторов.

В заключение респондентам предлагалось определить востребованные источники коммуникации и информирования о механизмах участия компаний в повестке устойчивого развития (рис. 2).

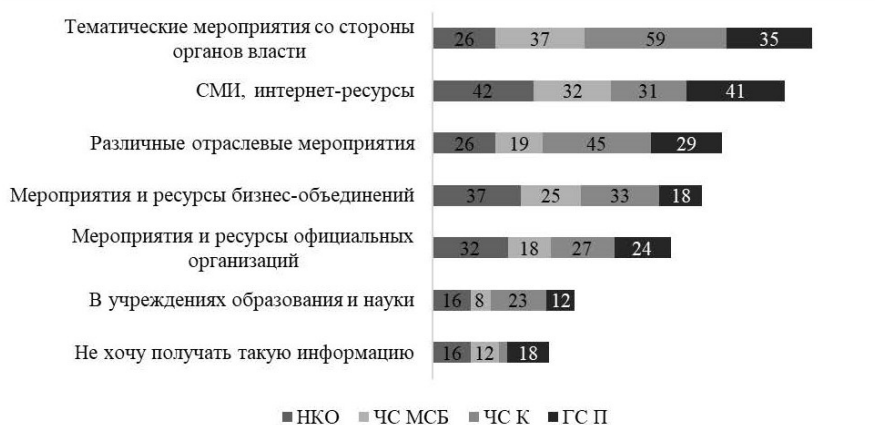

Рис. 2. Источники информации о механизмах участия в повестке устойчивого развития представителей бизнеса и НКО Красноярского края (в % от числа опрошенных)
 Источник: расчеты авторов.

Согласно анализу данных, выбор канала коммуникации зависит от типа субъекта. Так, бизнес, независимо от формы собственности, стремится к большему взаимодействию с органами власти, чтобы напрямую получать актуальную информацию о возможностях сотрудничества. У крупных частных компаний самый высокий запрос на данный коммуникационный канал (59% опрошенных), у гос-компаний лишь 35%. Мероприятия отраслевых и бизнес-объединений указали более трети представителей частного крупного бизнеса (45% и 33% опрошенных соответственно). НКО предпочитают получать информацию из СМИ, интернет-ресурсов и мероприятий бизнес-объединений.

Выводы и рекомендации

В целом из всех субъектов опроса в наибольшей степени вовлечены в нацпроекты крупные частные компании (показатель участия 0,40), у госкомпаний индекс участия в нацпроектах – 0,26. Частные крупные компании в 2 раза лучше информированы о концепциях ЦУР, ESG, КСО и нацпроектах, нежели крупные госкомпании (индекс информированности 0,65 против 0,32). Это, по мнению авторов, является следствием того, что среди крупных госкомпаний в выборке присутствует лишь одно акционерное общество, а остальные – ГУПы, МУПы и казенные предприятия. Вероятно, в этих компаниях повестке устойчивого развития не уделяется должного внимания, тогда как крупные акционерные компании, ведя бизнес за рубежом, сталкиваются с ожиданиями и давлением со стороны инвесторов и с требованиями фондовых бирж, поэтому знакомы и вовлечены в реализацию инициатив и практик, связанных с повесткой ESG. Лидерство крупных частных компаний в участии в ESG-повестке на уровне региона совпадает с выводами российских исследователей [5, 6, 8]. Потенциал МСБ и НКО в рассматриваемом контексте на региональном уровне задействован крайне слабо.

Умеренный индекс участия госкомпаний в национальных проектах (0,26, см. табл. 3) и низкий индекс участия в ESG-повестке (0,06, см. табл. 4) может объясняться не только недостатком целеполагания со стороны главного собственника-государства, но и недостаточной информированностью: участвуя в нацпроектах экологической и социальной направленности, респонденты не ассоциируют эту деятельность с ESG.

Опрос показал особенности заинтересованности опрошенных организаций в нацпроектах. Крупные частные компании участвуют в 10 нацпроектах, а госкомпании — лишь в 5. Причиной неучастия в нацпроектах большей частью представителей всех страт было названо отсутствие ресурсов, но представительная группа опрошенных (от 24 до 53%) в то же время сообщает о незнании инструментов. В части МСБ и НКО выводы совпадают с выводами [20, 22].

Авторы солидарны с У. Стаббсом и соавт. [27] в выводе о том, что взаимодействие между «частными субъектами», знающими и разделяющими ценности ЦУР, и органами власти может способствовать вовлечению последних в реализацию ESG-повестки и нацпроектов. Органам власти всех уровней следует повышать осведомленность бизнеса об инструментах участия в нацпроектах. Целесообразно проводить регулярные встречи и мероприятия с бизнесом и НКО региона, а также информировать последних через СМИ и интернет-ресурсы.

В качестве рекомендаций для повышения участия бизнеса и НКО в повестке ESG региональной власти авторы предлагают разработать экономические стимулы (различные льготы по аренде государственного и муниципального имущества, преференции в государственных и муниципальных контрактах), развивать ГЧП и МЧП, а также транспарентные процедуры и правила входа и участия частного бизнеса во всех национальных проектах, включая новые. Примером разработки стимулов для вовлечения бизнеса в социально ответственную деятельность на региональном уровне являются Липецкая и Владимирская области, принявшие законы об ответственном бизнесе и мерах поддержки ответственных организаций.

В будущих исследованиях целесообразно проверить отличие госкомпаний, компаний с госучастием (с различной долей владения государством в акционерном капитале) и частных компаний в реализации национальных проектов и повестке устойчивого развития. В региональном аспекте интересно сравнить регионы по степени привлечения внебюджетного финансирования для реализации национальных проектов.

Литература

1. *Вдовин И.А., Венглинский Д.П.* Проблема привлечения внебюджетных инвестиций в национальные проекты // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3. С. 74–86.
2. *George G., Howard-Grenville J., Joshi A., Tihanyi L.* Understanding and tackling societal grand challenges through management research // *Academy of Management Journal*. 2016. Vol. 59. № 6. P. 1880–1895. URL: <https://doi.org/10.5465/amj.2016.4007>
3. *Wai-Khuen W., Boon-Heng T., Siow-Hooi T.* The influence of external stakeholders on environmental, social, and governance (ESG) reporting: Toward a conceptual framework for ESG disclosure // *Fore-sight and STI Governance (Foresight-Russia till No. 3/2015)*. 2023. Vol. 17. № 2. P. 9–20.
4. *Бобылев С.Н., Соловьева С.В.* Цели устойчивого развития для будущего России // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 3. С. 26–33.
5. *Сахаров А.Г., Колмар О.И.* Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019. Т. 14. № 1. С. 189–206. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11

6. *Перов А.В., Симонов К.В.* Увлечение ESG-тематикой как лакмусовая бумага российской системы госуправления // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 9–17.
7. *Alshbili I., Elamer A.A., Beddewela E.* Ownership types, corporate governance and corporate social responsibility disclosures: Empirical evidence from a developing country // Accounting Research Journal. 2020. Vol. 33. № 1. P. 148–166. DOI: 10.1108/ARJ-03-2018-0060
8. *Измайлова М.А.* ESG-повестка в России: современное развитие и механизм трансформации российских компаний. Часть 1 // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 3. С. 344–360. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.344-360
9. *The external control of organizations : a resource dependence perspective / Pfeffer J., Salancik G.* New York: Harper & Row, 1978. 300 p.
10. *Liu Z., Zheng R., Qiu Z., Jiang X.* Stakeholders and ESG disclosure strategies adoption: The role of goals compatibility and resources dependence. Elementa: Science of the Anthropocene. 2022. Vol. 10. № 1. P. 1–12.
11. *Ghazali N.A.M., Weetman P.* Perpetuating traditional influences: Voluntary disclosure in Malaysia following the economic crisis // Journal of International Accounting, Auditing and Taxation. 2006. Vol. 15. № 2. P. 226–248. DOI: 10.1016/j.intaccudtax.2006.08.001
12. *Luo S., Courtenay S.M., Hossain M.* The effect of voluntary disclosure, ownership structure and proprietary cost on the return–future earnings relation // Pacific–Basin Finance Journal. 2006. Vol. 14. № 5. P. 501–521. DOI: 10.1016/j.pacfin.2006.02.002
13. Стратегии предпринимательства: бизнес-экосистемы, реальные ценности, общество / Шаркова А. В.; Под ред. М.А. Эскиндаров 2-е изд. М.: ИТК Дашков и К. 2024. 473 с.
14. *Qian T., Yang C.* State-owned equity participation and corporations' ESG performance in China: The mediating role of top management incentives // Sustainability. 2023. Vol. 15. № 15. P. 11507. DOI: 10.3390/su151511507
15. *Кузин Д.В.* Концепции российского корпоративного управления: эволюция и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. № 1. С. 3–28. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-1
16. *Boubakri N., Saffar W.* State ownership and debt choice: Evidence from privatization // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 2019. Vol. 54. № 3. P. 1313–1346.
17. *Han Y., Ciji S., Zengji S.* Can state ownership promote the technological innovation of private enterprises? Empirical evidence from Chinese listed companies // Journal of Shanghai University of Finance and Economics. 2021. Vol. 23. № 6. P. 20–34.
18. *Zeng M., Li C., Li Y.* How does the State-Owned Capital Shareholder Affect the Cash Holding of Private Enterprises? Based on the dual perspective of “cooperative advantages” and “competitive balances” // Bus. Manag. J. 2022. Vol. 44. P. 134–152.
19. *Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д.* Качество корпоративного управления в компаниях с государственным участием: эмпирические оценки // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 4. С. 59–85. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-59-85
20. *Jamali D., Neville B.* Convergence versus divergence of CSR in developing countries: An embedded multi-layered institutional lens // Journal of Business Ethics. 2011. Vol. 102. № 4. P. 599–621. DOI: 10.1007/s10551-011-0830-0
21. *Boiral O., Baron C., Gunnlaugson O.* Environmental leadership and consciousness development: A case study among Canadian SMEs // Journal of business ethics. 2014. Vol. 123. P. 363–383.
22. *Bakos J., Siu M., Orenge A., Kasiri N.* An analysis of environmental sustainability in small & medium-sized enterprises: Patterns and trends // Business Strategy and the Environment. 2020. Vol. 29. № 3. P. 1285–1296. DOI: 10.1002/bse.2433
23. *Хачатрян А., Назарова Н.* и др. Развитие ESG в секторе МСП: результаты опроса в российских регионах. 2022. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Reports/Doklad_razvitiye_ESG_v_regionah_.pdf (дата обращения: 07.04.2024).
24. *Батаева Б.С., Челлакова Л.М., Мелитонян О.А.* Специфические особенности мотивации экологически ответственного поведения малого и среднего бизнеса в России // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 34–55. DOI: 10.31857/S0207367624030031

25. *García-Sánchez I.-M., Frías-Aceituno J.-V., Rodríguez-Domínguez L.* Determinants of corporate social disclosure in Spanish local governments // *Journal of Cleaner Production*. 2013. Vol. 39. P. 60–72. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.08.037.
26. *Алтуфьева Т.Ю.* Повышение значимости соответствия экономики субъектов РФ ESG-стандартам в условиях санкций // *Фундаментальные исследования*. 2022. Т. 12. С. 123–129. DOI: 10.17513/fr.43408
27. *Stubbs W., Dahlmann F., Raven R.* The purpose ecosystem and the United Nations sustainable development goals: Interactions among private sector actors and stakeholders // *Journal of business ethics*. 2022. Vol. 180. № 4. P. 1097–1112.

Bela Bataeva (e-mail: bbataeva@fa.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Natalya Kiseleva (e-mail: nkiseleva@fa.ru)

Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Liudmila Cheglakova (e-mail: lcheglakova@hse.ru)

Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Organisational Behaviour and Human Resource Management, Graduate School of Business, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

Boris Sytin (e-mail: bssytin@fa.ru)

Chief Specialist, Center for Advanced Research and Development in Education, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

PARTICIPATION OF BUSINESS AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT AGENDA (WITH REFERENCE TO KRASNOYARSK KRAI)

The methodological basis for the study of regional business entities' participation in the ESG agenda and the implementation of national projects was the concept of sustainable development and resource theory. According to the results of a survey of 208 respondents from 144 organizations in the private and public sectors of the economy of Krasnoyarsk Krai, large state-owned companies lag significantly behind large private companies in terms of their participation in the implementation of national projects and the ESG agenda. The involvement of SMEs and NGOs is weaker, the main obstacles being a lack of resources, poor awareness of participation tools and a lack of understanding of the benefits of participation.

Keywords: sustainable development, corporate social responsibility (CSR), ESG, national projects, state companies, private companies, SMEs, awareness, participation.

DOI: 10.31857/S0207367624120034

© 2024

УДК: 331.556.4

Алексей Седлов

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Центра политики занятости и социально-трудовых отношений

ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sedlovap@bk.ru)

ВОСТОЧНОЕ И ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе систематизированы понятия восточного и западного направлений трудовой иммиграции в Россию как терминов для условного обозначения потоков мигрантов из бедных стран СНГ и квалифицированных специалистов из других стран, включая развитые западные страны. Автором дана оценка аналитики ограничения массовой миграции в принимающие страны; представлены оценки оригинальных статистических алгоритмов; отмечены исторические маркеры иммиграции человеческого капитала, опыт которых может быть использован в современной иммиграционной модели; показаны негативные тенденции снижения уровня иностранной рабочей силы и трансформации трудовой иммиграции из стран Центральной Азии в социальную (гражданскую), вместе с рисками, сопутствующими натурализации новых граждан.

Ключевые слова: массовая миграция, человеческий потенциал, качество труда, бедные страны СНГ, развитые страны, иммиграционная модель.

DOI: 10.31857/S0207367624120042

Снижение рождаемости и старение населения в большинстве развитых принимающих стран становится главной причиной системного привлечения трудовых ресурсов из стран периферии. Так, развитые страны Европы имеют историю движения населения из бывших колоний с XVI–XVIII вв.; свои особенности развития имеют страны, позже включенные в мировое разделение труда.

Вместе с тем прогресс в развитии обеспечивает обмен передовыми способами, приемами труда, создание прорывных технологий, опережение конкурентов. Исторически первое направление представлено массовой миграцией с более бедных территорий, которая, как правило, создает социальные проблемы принимающей стороне. Второе направление представлено миграционным обменом группами и индивидами, обладающими опережающими компетенциями и, как правило, имеющими происхождение на территориях, равных или превосходящих по уровню развития принимающую сторону. В современных реалиях первое направление чаще представлено направлениями «восток–запад» или «юг–север», второе направление чаще обозначается, как «север–север». Поскольку Россия в современной «табели о рангах» миграционной привлекательности не относится к развитым принимающим странам, а скорее представляет полупериферию [15], означенные направления могут быть представлены как «восточное» и «западное» направления иммиграции.

Ретроспектива иммиграции в Россию. В контексте европейских миграционных процессов Россия с ее аграрной экономикой, слабой инфраструктурой и институтами

длительное время являлась специфичным субъектом международного миграционного обмена [2]. Существенное оживление миграционных процессов имело место в период бурного развития капитализма конца XIX – начала XX столетия, которое, вместе с тем, в большей мере было обеспечено внутренними миграциями крестьянского населения в город.

Зарождение, начало институциональных основ современной иммиграционной модели (ИМ) России можно отнести к 20-м годам прошлого века, когда появились концессионные предприятия. После долгого затишья в 1970–1980-е годы появился закон о лицензионном сотрудничестве и торговле. Прелюдией настоящего этапа трудовой иммиграции можно считать 3 января 1987 г., когда вышел указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Совмина «О совместном предпринимательстве и совместных хозяйственных объединениях». Этот документ предполагал широкие льготы по налогообложению, таможенным сборам и упрощенному визовому режиму для участников совместных предприятий (СП). Почти десятилетний период существования предприятий с иностранными инвестициями явился прообразом настоящей системы привлечения ИРС с разрешениями на работу.

В широком понимании миграционных процессов, рассматриваемых с прицелом на долговременное пребывание иностранной рабочей силы (ИРС) в принимающей стране (гражданство, вид на жительство, разрешение на временное проживание), принципиальных изменений не произошло. Как и в 1980-е годы, трудовая иммиграция чаще представлена краткосрочным пребыванием квалифицированных специалистов с целью сопровождения инвестиций, ведения переговоров, проведения пусконаладочных и проектных работ. Такая форма характерна для трудовой иммиграции из стран условного «Севера» в страны условного «Юга», не представляющие интереса для долговременного пребывания специалистов из развитых стран. При этом главным мотивом является более высокая оплата труда с учетом компенсаций за некомфортные условия в стране пребывания.

Значительно позднее традиционной для России эксклюзивной иммиграции за счет казны по причинам сопровождения инвестиций с оплатой труда специалистов выше, чем в стране происхождения, хрестоматийных «лефортовских» друзей Петра I и колонистов Екатерины II, в 20-е и 30-е годы XX в. имела место иммиграция по политическим мотивам и идеям гендерного равенства, которыми Советская Россия притягивала западных специалистов. В классическом понимании миграционных процессов как движения по экономическим мотивам [13] историческим дополнением выступили факторы притягивающие и выталкивающие [9]. В то время в качестве выталкивающих выступили снижение темпов роста экономики в США (в преддверии Великой депрессии) и безработица на фоне пика «левых идей» в Европе. Так, в 1932 г. численность иностранных специалистов в России составила 42360 человек, большая часть которых занимала инженерные должности и получала заработную плату в валюте. С 1933 г. (мировой финансовый кризис) западных специалистов стало значительно меньше, а к 1937 г. их и вовсе не стало. Причинами явилось прекращение выплаты заработной платы в валюте, за которыми последовали репрессии и депортация трудовых иммигрантов из западных стран.

Единственным в истории России периодом западной иммиграции по чисто экономическим мотивам явилось время бурного развития капитализма конца XIX в., когда из Германии по экономическим мотивам в Россию приехали почти 1 млн немцев. Относительным концом «золотого века западной иммиграции» явилась революция 1905 г., а следом 1917 г., ознаменовавшие экспроприацию иностранной собственности.

Советский период был отмечен массовой эмиграцией из России послереволюционного периода (после 1917 г.) и существенным подъемом международного престижа страны в начале 1930-х годов. Этот период сопровождался трудовой иммиграцией из стран Европы и США, по большей части квалифицированной рабочей силы, охваченной коммунистическими идеями; он завершился в годы репрессий (1937–1938).

В целом закрытый характер экономики периода «развитого социализма»¹ продолжался вплоть до распада СССР и создания СНГ в 1992 г.², ознаменовавших начало современного периода сложных интеграционных процессов на постсоветском пространстве, формирования в России модели трудовой иммиграции, основанной на привлечении ИРС из стран СНГ с безвизовым режимом въезда и стран дальнего зарубежья с визовым режимом въезда и получением разрешения на работу. Исторически неквалифицированная иммиграция осуществляется по восточному направлению из бедных стран СНГ, квалифицированная – по западному, из развитых стран западного альянса. Такая терминология до известной степени условна и может иметь исключения, однако отражает суть процессов и нередко используется в практике.

Именно эта модель формирования «внешних» трудовых ресурсов, как по институтам обеспечения, так и по принципам экономической деятельности (в том числе международной), соответствует западным аналогам, имеющим обстоятельное теоретическое обоснование и наследие [13, 10, 9, 11, 12, 15]. Автором описан алгоритм ограничений, включающий последовательно исторические маркеры теории ограничения массовой миграции [7. С. 239].

Специфика российской модели иммиграции долгое время состояла именно в приоритете трудового аспекта, состоящего в возвратной миграции. Однако со временем модель поведения мигрантов из стран СНГ начала меняться. И ближе к концу второго десятилетия XXI в. российская модель трудовой иммиграции стала использоваться в качестве упрощенного порядка натурализации иностранцев, желающих получить гражданство РФ³.

Глобальные вызовы современности, события после февраля 2022 г. внесли существенные изменения в экономику, нарушив привычные кооперационные связи, изменив принципы и направления миграционного обмена на европейском и постсоветском экономическом пространстве. Системные факторы формирования российского рынка труда на основе спроса и предложения [10],

¹ Некоторое исключение составляли 70-е года XX в., когда на основе двухсторонних межправительственных соглашений в страну привлекались рабочие кадры из Вьетнама, Болгарии. Особой формой иммиграции с последующим предоставлением прописки и социального жилья являлось привлечение по лимиту рабочих кадров из союзных республик на непривлекательные работы.

² Бишкекское соглашение о создании СНГ от 9.10.1992 г.

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 28.12. 2022).

движения по экономическим мотивам из бедных стран в богатые [13] и несомненные трудности регулирования массовой миграции [11] получили новые импульсы развития. С полным основанием получила развитие теория факторов внешних обстоятельств, под которыми ее автор С. Стоуфер понимал законодательство стран [14].

Западные санкции и уход квалифицированных специалистов, потребности СВО и структурные сдвиги в СНГ на фоне демографического спада определили сжатие российского рынка труда, снижение безработицы и, казалось бы, должны были повысить конъюнктурное значение «внешних» трудовых ресурсов. Однако новые реалии лишь усилили рассогласованность увеличения потребности в квалифицированных кадрах и роста предложения контингента из бедных стран ЦА. В то же время усиление институционального влияния неквалифицированной иностранной рабочей силы на экономику и социум современной России не получило должных оценок для принятия решений по ее ограничениям [1]. В этом контексте западная трудовая иммиграция имеет определенные исторические примеры натурализации в России, однако в настоящее время ее представители, за редкими исключениями, не рассматривают Россию в качестве субъекта гражданства.

В последнее десятилетие российская модель претерпела *существенные трансформации*, определенные двумя обстоятельствами. Во-первых, это резкое снижение возможностей квалифицированной иммиграции в контексте современных вызовов⁴ и, во-вторых, рост предложения массовой иммиграции из бедных стран ЦА, создавший целую систему рисков, на которые миграционная политика не смогла вовремя отреагировать. По существу, либеральная модель привела к трансформациям трудовой иммиграции в социальную (или гражданскую)⁵, сопровождаемую диверсифицированными институциональными рисками [7]. Настоящая работа имеет целью показать исторические вехи формирования структуры и динамики западного и восточного направления трудовой иммиграции, которые демонстрируют опыт, преемственность и возможности реформирования иммиграционной модели современной России.

Определенный импульс для начала масштабного пересмотра либеральных основ миграционной политики получен в контексте трагических событий в Крокус Сити Холле 22 марта 2024 г.

Структура трудовой иммиграции. В современной истории России политика трудовой миграции оказалась наиболее адекватна потребностям рынка труда во второй половине первого десятилетия XXI в., когда страна демонстрировала устойчивые темпы роста ВВП. В этот период наивысшей точки достигла квалифицированная трудовая иммиграция из развитых стран, которая составляла величину, почти равную половине общего показателя. Однако западные санкции, введенные с 2014 г., в дальнейшем повлекли практически полный уход западных специалистов после начала СВО (1922–1924 гг.) и закрепили приоритет основных доноров ИРС за наиболее бедными странами ЦА.

Отмечая качество трудовой иммиграции как ее важный маркер, следует подчеркнуть, что в развитых принимающих странах более половины «внешних»

⁴ Начало санкций против России (2014 г.).

⁵ Термины «социальная» или «гражданская» в равной степени применимы и отражают миграционные процессы сопутствующие, но не связанные с трудом.

трудовых ресурсов формируется по линии иммиграции квалифицированной ИРС из других развитых стран [5. С. 187]. Вместе с тем, очевидно, что глобальные вызовы и неравенство стран вносят коррективы в направления миграционного обмена, усиливая потоки массовой миграции, меняя соотношения внешних ресурсов не в пользу движения квалифицированной ИРС в развитые принимающие страны (европейский миграционный кризис, массовый исход населения из стран Латинской Америки в США, из стран Ближнего Востока в Турцию, страны ЕС и др.).

Российская трудовая иммиграция в подавляющем большинстве представлена неквалифицированной рабочей силой из стран СНГ, как правило, не имеющей определенной отраслевой и профессиональной подготовки и ориентации. Это подтверждено спецификой отраслевой занятости и высокой текучестью работников из бедных стран СНГ в пределах отраслей и работ, не требующих специальной профессиональной и квалификационной подготовки и опыта работы (строительство⁶, дорожные работы, городское хозяйство, торговля, логистика, клининг, служба доставки). Трендом можно признать хронический дефицит кадров в отраслях строительства⁷, откуда мигранты переходят в курьерскую доставку и сферу бытового обслуживания, вследствие чего возникает новый спрос в строительстве. Очевидно, что высокая мобильность иностранной рабочей силы позволяет оперативно реагировать на конъюнктуру рынка. Вместе с тем такая структура привлекаемых трудовых ресурсов не отвечает главному вызову современной России — нехватке квалифицированных кадров.

Качественный состав трудовой иммиграции в Россию представлен на рис. 1 данными о динамике прибывших в Россию с целью работы мигрантах из разных стран.

Информация рис. 1 позволяет констатировать, что, по данным ФСБ, в 2023 г. 96,4% всей трудовой иммиграции представлено странами СНГ, в составе которых выделяются бедные страны ЦА, являющиеся основными донорами неквалифицированной рабочей силы в Россию: Узбекистан (44,2%), Таджикистан (26,5%) и Киргизия (15,9%). На долю других стран, включая «недружественные», приходится всего 3,6% всей иностранной рабочей силы.

При этом с допандемийного 2019 г. продолжились начатые в 2014 г. негативные тенденции. За этот период доля других стран снизилась на 13 пунктов (с 16,6 до 3,6%), и, напротив, на 10,6% увеличилось число прибывших из стран ЦА (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) с 76,0 до 86,6%. Иными словами, имело место дальнейшее снижение качества иностранного человеческого капитала.

Системные различия между формированием рынка труда неквалифицированных работников из бедных стран и рынка труда профессионалов с компетенциями и квалификацией на долгие годы определили и принципиальные различия в подходах к регулированию миграции: от тотальных ограничений массовой иммиграции до преференций квалифицированным кадрам и специальных программ привлечения молодежи, студентов, профессионалов в востребуемые сферы занятости. Отмечая преференции и механизмы ограничений как

⁶ В рамках действующего национального проекта «Жилье и городская среда».

⁷ Бизнес-омбудсмен Б. Титов с 2021 г. неоднократно обращался в правительство РФ с предложениями о дальнейшей либерализации миграционного законодательства.

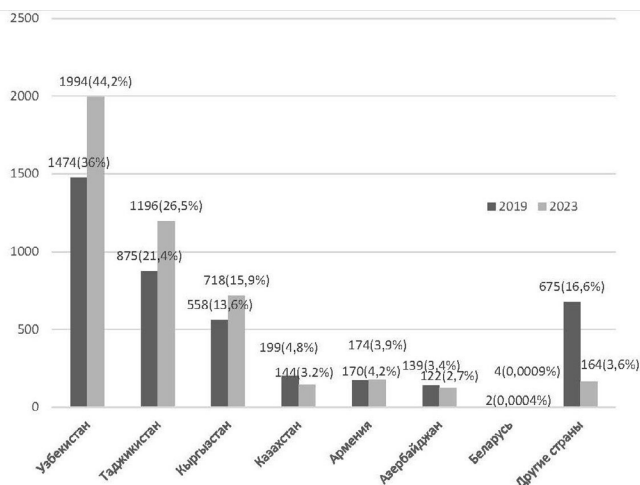

Рис. 1. Приток трудовых мигрантов в Россию из стран (2019–2023 гг.), тыс. человек, (%)

Источник: составлено по данным ФСБ, опубликованным в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), [vedomosti.ru](https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros?ysclid=lslopo4krn163361616): 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros?ysclid=lslopo4krn163361616> (дата обращения: 12.01.2024).

основные составляющие миграционной политики, важно представить систему мер по защите национального рынка труда [4], которая является связующим звеном создания эффективной ИМ.

Направления и этапы формирования иммиграционной модели России

Демографический провал. История становления и развития современной российской ИМ предполагает экономический анализ, отправной точкой которого следует считать демографический провал в рождаемости населения 90-х годов XX в., который волнами дефицита кадров накатывает на рынок труда в периоды вступления в трудоспособный возраст детей этого малочисленного поколения. Например, расчеты специалистов ВШЭ показывают, что в годы наивысшего экономического роста ситуация с кадрами была значительно лучше: в 2007 г. 18-летних было 2,5 млн человек, а сейчас всего 1,5 млн⁸.

К сожалению, и в 1990-е годы, и позже, и в настоящее время государственная политика и внимание ученых в большей мере оказались сосредоточены на демографических потерях [8], чем на создании многофакторной модели развития, в основе которой лежат факторы роста, инновационное развитие в контексте «экономики знаний» и эффективное использование человеческого потенциала. Так, увлеченные экстраполяцией авторы рассчитали, что в ближайшие годы России ежегодно потребуется от 390 тыс. человек до 1,1 млн мигрантов, а если миграционный прирост сохранится, то к 2100 г. численность населения России составит 67,4 млн человек или уменьшится вдвое⁹.

⁸ URL: <https://dzen.ru/a/ZtmZzbaF1UnNOQwD>

⁹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c>

В основу действующей демографической доктрины России, по существу, положено сохранение численности населения любой ценой, а в настоящих реалиях — за счет иммиграции из самых бедных стран постсоветского пространства.

Более чем очевидно, что *экономическими законами развития определен рост производительности труда и благосостояния*, которые и определяют уровень, качество жизни, создают условия для воспроизводства населения. Следует признать, что в контексте негативной экстраполяции экстенсивного пути развития рассчитывается и прогнозируется дефицит рабочей силы в экономике, дающий основание политике привлечения неквалифицированной рабочей силы и социальной миграции из бедных стран СНГ. Унять риторику в пользу либеральной миграционной политики не помогают последовательные и системные высказывания Президента РФ В. Путина, который, подводя определенную черту на съезде независимых профсоюзов, сказал, что единственной альтернативой привлечению мигрантов, ущемляющих интересы россиян и создающих массу социальных проблем, является рост производительности труда¹⁰.

Экономист ЦМАКП Д. Белоусов подсчитал, что в несырьевых отраслях внедрение роботизации, автоматизации, малой и большой механизации до уровня Италии позволит высвободить 25 млн человек¹¹. Однако для создания среды внедрения придется перекрыть нынешние потоки излишней миграции.

Поскольку либеральные демографы понимают проблему как нехватку рабочих рук, то в этом контексте представляется возможным своеобразное примирение, для чего следует *разделить натурализацию и трудовую иммиграцию*. При этом соискатели лучшей жизни из тех, кто способен интегрироваться, могут претендовать на получение гражданства, в то время как остальные в силу своих социальных возможностей и профессиональных навыков должны довольствоваться статусом временного трудового мигранта. Пока же идет активная раздача гражданства практически всем желающим, которая может привести «в никуда»¹². Важные демографические изменения происходили на протяжении всех 1990-х годов, когда волна эмиграции, преимущественно за счет «утечки умов» (около 1,4 млн человек) с лихвой компенсировалась за счет иммиграции из бедных стран СНГ (приток 1 млн человек в 1994 г.)¹³.

Восточное направление. Оглядываясь в прошлое, следует признать, что не увенчались успехом попытки экспорта российского капитала в развитие бедных стран СНГ и их полноценной интеграции в экономику роста за счет создания международных союзов. Так, за тридцать с лишним лет, с начала создания СНГ в 1992 г. до настоящего времени *не удалось добиться полноценной интеграции*, снижения бедности и роста основных экономических показателей стран-аутсайдеров, достаточных для смягчения их зависимости от иммиграции в Россию¹⁴.

¹⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6621020>

¹¹ URL: https://dzen.ru/a/Zo-hANtpsSGm0_Cw

¹² URL: <https://dzen.ru/video/watch/666b54770b51166648a4fc9c?clid=1400&rid=2905736861.1167.1720777811772.58321&t=7>

¹³ URL: <https://gwdhhiyvpimejno.1tv.live/do-kontsa-veka-nas-khvatit-demograf-salavat-abykalkov-o-tom-vymiraet-li-rossiya-i-cto-s-etim-delat>

¹⁴ См. рис. 2 по территориальным различиям в заработной плате.

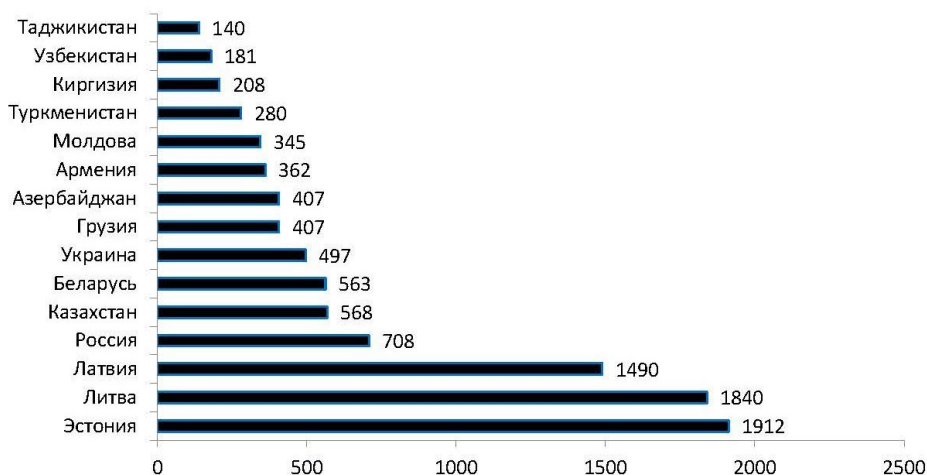

Рис. 2. Среднемесячные заработные платы по странам СНГ и постсоветским странам Балтии в 2021 г. (в национальных валютах в пересчете на долл. США)

Источник: рассчитано с учетом данных: URL: <https://pulse.mail.ru/article/sravnenie-stran-byvshego-sssr-po-razmeru-zarplat-na-2021-god-2330596683031668589-1306027829511627538/>

Можно провести некоторые параллели между становлением СНГ и Европейского союза (ЕС). Так, «*новые бедные*» страны Европы, принятые в ЕС с 2004 г.¹⁵, поначалу создали проблемы нежелательной миграции в богатые страны ядра союза, но впоследствии показали рост и оказались на пути интеграции со «старыми» странами Европы. Об этом свидетельствует динамика показателей роста их ВВП, а главное — рост заработных плат, которые превысили российские показатели.

На рис. 2 представлены данные для сравнительных оценок заработных плат бывших стран СССР в сопоставимых измерителях.

Разумеется, впечатляющий рывок, в сравнении с показателями заработной платы в советское время, бывшие республики СССР смогли сделать за счет прямой помощи, оказанной им Еврокомиссией (Правительством ЕС). Но, вместе с тем, это результат продуманной интеграции новых бедных членов ЕС. Очевидно, что Россия не имеет таких экономических и финансовых возможностей, как страны ядра союза, поэтому графическое изображение выглядит до известной степени некорректным. Так, различия в уровнях оплаты труда в Эстонии, Латвии и Литве со странами ЦА (Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) составляют более 10 раз. Да и заработные платы в России как центре миграционного притяжения на постсоветском пространстве выглядят привлекательно лишь для самых бедных стран Евразии. Целью произведенных на рис. 1 сравнений является иллюстрация результатов политики поэтапной интеграции бедных стран-аутсайдеров в созданные международные союзы.

Это удалось ЕС в значительной мере благодаря *поэтапному вовлечению экономик бедных стран в интеграционные процессы*, что предполагало установление, а в дальнейшем постепенное смягчение и отмену жестких норм территориальных ограничений трудоустройства в более богатых странах союза. Не все прошло

¹⁵ Принятие 10 стран в состав ЕС.

гладко, на что указывает Brexit (2016 г.), зафиксировавший выход Великобритании из ЕС, в значительной мере определенный несогласием с миграционной политикой союза, когда страна ощутила экспансию трудовой миграции из «новых бедных» стран ЕС, сопровождаемую целой гаммой социальных рисков. Решительные действия Великобритании как богатой принимающей страны подчеркнули, что *миграционная политика ограничений была и остается одним из важнейших элементов организации международных союзов*. Тем не менее ЕС устоял перед наплывом мигрантов, и вслед за интеграцией Польши, Болгарии, Румынии, стран Прибалтики как новых членов ЕС пришла очередь и самых бедных стран Восточной Европы – Украины и Молдавии, в 2016 г. подписавших соглашение об ассоциации с ЕС.

В созданном в 1992 г. СНГ¹⁶ самые бедные страны ЦА сразу оказались допущены в наиболее развитые регионы РФ без каких-либо существенных отраслевых и профессиональных ограничений, да и с полным социальным пакетом для новых граждан. В 1995 г. Россия и Таджикистан подписали соглашение о двойном гражданстве, дающее право гражданам Таджикистана иметь в России весь перечень социальных льгот, предусмотренный для российских граждан. Соглашение рассчитано на 20 лет с продлением на 5 лет, в случае отсутствия предварительного отказа одной из сторон с уведомлением за полгода. В это время развала СССР договор был мотивирован на возврат в гражданство россиян по рождению, но со временем трансформировался включением не только родителей и детей, но и многочисленных братьев и сестер, т.е. в пользу этнических таджиков. В первые годы действия соглашения, в контексте русофобских настроений, до 300 тыс. человек вернулись в российское гражданство. Позже источник репатриантов иссяк, и теперь эта правовая мера ежегодно обходится России примерно в 200 тыс. человек новых граждан самой бедной страны ЦА¹⁷.

Более поздний по времени создания СНГ был образован на основе и более совершенных форм интеграции, а именно безвизового режима въезда с правами трудоустройства и социальными льготами более развитых стран-участников. Вместе с тем Содружество не показало адекватных преимуществ результатов, а главное – не предоставило аутсайдерам инструментов для собственного развития, породив атмосферу своеобразного экономического иждивенчества, когда до половины бюджета самых бедных стран ЦА стали формироваться за счет денежных переводов мигрантов на родину. Такой алгоритм экономики снижает социально-экономическую ответственность аутсайдеров: мизерные пенсии и социальные гарантии, низкие заработные платы, отсутствие инвестиций в инфраструктуру, в развитие экономики. Например, в Таджикистане имеют место пенсии по старости «весом» около 20 долл., а заработные платы в 40 долл. США. Безработица и высокий уровень бедности являются мощными выталкивающими факторами [9], характерными для массовой миграции. Сложившийся механизм переводов мог использоваться как трансмиссия для последующего взлета экономики, которого так и не произошло за более чем 30 лет существования СНГ.

¹⁶ Бишкекское Соглашение о создании СНГ 1992 г. фактически положило начало безвизовому движению населения в пределах Содружества.

¹⁷ Аналогичное Соглашение с Туркменистаном закончилось в 2015 г.

Создание ЕАЭС. Очевидно, что и Россия как главный бенефициар союза и центр миграционного притяжения стран СНГ тоже не получила адекватной современному разделению труда иностранной рабочей силы диверсифицированного качества. Попытки «на марше» произвести корректировки союза за счет *введения в 2015 г. преференций для граждан стран ЕАЭС*¹⁸ и ограничений для центральноазиатских стран-доноров неподготовленной рабочей силы также не позволили выйти на более высокую траекторию развития и регулирования иммиграции. Главной причиной явилось замедление темпов роста ВВП самой России, что ослабило иммиграционный интерес более развитых партнеров (Казахстан, Белоруссия, Армения) и соответственно усилило «иммиграционную тягу» аутсайдеров (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия).

Эту тенденцию подтверждают следующие данные за 2019–2023 гг. (см. рис. 1): Казахстан снизил активность с 4,8 до 3,2% мигрантов от их общей численности в РФ, Армения с 4,2 до 3,9%, Азербайджан с 3,4 до 2,7%. Причем абсолютная численность мигрантов из этих стран не превышает 150 тыс. человек из каждой, что на фоне тотальной иммиграционной экспансии из бедных стран ЦА (общей численностью более 4 млн человек) выглядит довольно скромно. Резко сократилась численность белорусов, отправляющихся на заработки в Россию, многие из которых обладают относительно высокими профессиональными качествами, что позволяет им котировать свою рабочую силу в европейских странах. Данные ФСБ подтверждают снижение их интереса к России (всего 2 тыс. человек в 2023 г. против 4 тыс. человек в 2019 г.). По нашим оценкам, численность граждан этой

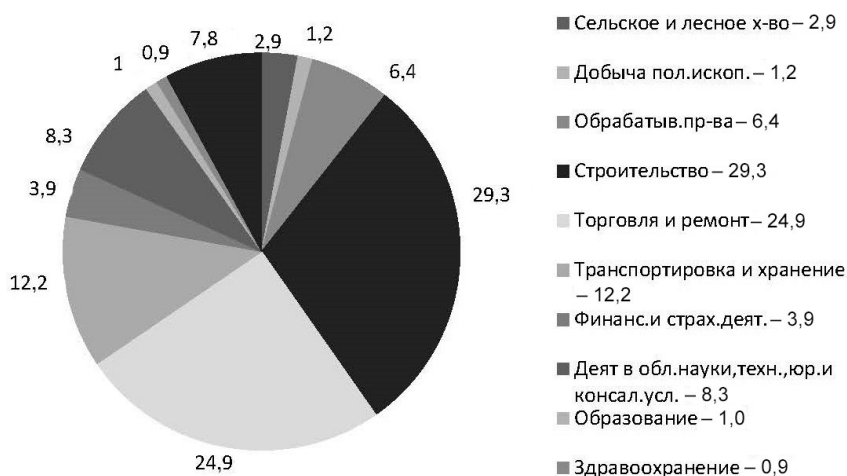

Рис. 3. Доля иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России в соответствии с договором ЕАЭС по видам экономической деятельности в январе–сентябре 2023 г., в % ко всем ее видам

Источник: рассчитано по данным ФСБ РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/38479>

¹⁸ В 2015 г. для граждан стран–членов ЕАЭС были предоставлены права трудоустройства и социальных льгот, действующих в принимающей стране союза.

9-миллионной страны, работающих за границей, может достигать 1 млн человек, из них в России не более 50 тысяч.

При этом отраслевая занятость мигрантов из стран ЕАЭС в России (рис. 3) имеет преимущества перед занятыми из стран ЦА. Первые чаще способны к интеллектуальной деятельности (недвижимость, аренда, инженерные специальности) и работе в обрабатывающих производствах, вторые предпочитают сферу обслуживания, рынки и доставку.

По данным ФСБ, представленным на рис. 3, численность занятых из стран ЕАЭС в экономике России составляет чуть менее 1 млн человек. При этом более половины из них заняты в строительстве и торговле, а 12,2% – в транспортировке и хранении грузов (тут следует отметить общие черты с отраслевой занятостью мигрантов из стран ЦА). Вместе с тем занятость в обрабатывающих отраслях (6,4%); финансах и страховании (3,9%); науке, области технологий, юридических и консалтинговых услугах (8,3%); здравоохранении (0,9%) выгодно отличает ИРС из ЕАЭС от мигрантов из ЦА. Их отраслевая занятость в большей мере соответствует потребностям России, чем более примитивные работы, чаще в теневой экономике, без отраслевой принадлежности, на которых преимущественно заняты мигранты из стран ЦА.

В этом контексте определенную роль ограничителя не смогла сыграть введенная вместе с договором о создании ЕАЭС система платных патентов для мигрантов из стран ЦА, которая была задумана как регулятор-ограничитель.

СССР. Обращаясь к истории, следует отметить, что в СССР восточное направление иммиграции наибольшее развитие получило *в середине 1980-х годов*, когда на основе межправительственных двухсторонних соглашений в стране работали около 100 тыс. граждан Вьетнама, в том числе и в обрабатывающих производствах¹⁹. В конце 1980-х годов численность рабочих из КНДР, работавших в Дальневосточном регионе, достигала 20,5 тыс. человек²⁰, чуть меньше работников из Болгарии трудились в Коми, в основном на лесозаготовках и в деревообработке, продукция которых большей частью отправлялась в страны-доноры. Некоторыми соглашениями было предусмотрено, что работники получали только часть заработной платы. Например, 60% заработка рабочих из Вьетнама направлялась в счет погашения межправительственного долга СССР²¹. С гражданами стран происхождения заключали *контракты сроком до 3-х лет, которые не могли предусматривать перехода к другому работодателю и на иную деятельность на территории РФ*. Условиями пребывания не рассматривались предоставление ВНЖ, гражданства, приглашение членов семей. По существу, эта форма привлечения по оргнабору созвучна с практикуемыми в настоящее время жесткими моделями трудовой иммиграции других стран и вполне может рассматриваться в качестве базовой для реформирования настоящих (либеральных) условий ИМ России. Российский опыт 1980-х годов XX в. может отчасти послужить ответом противникам использования жестких

¹⁹ Опыт СССР по привлечению иностранных рабочих. URL: <https://uchebana5.ru/content/1086758-p30.html>

²⁰ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-iz-kndr-na-rossiyskom-dalnem-vostoke-vo-vtoroy-pолоvine-hh-nachale-hhi-veka/viewer>

²¹ Однако эта деталь не является определяющей, а скорее отражает время, для которого характерной являлась централизация финансовых потоков внешнеэкономической деятельности.

условий ИМ ОАЭ, которые вызывают критику правозащитных организаций, отмечающих нарушение прав временных мигрантов, у которых могут отбирать паспорта, не платить зарплату, не пускать в город и т.д.²² Следует отметить, что любая система организации ИМ имеет суть и особенности, многообразие которых не означает необходимости полного их заимствования.

Современность. *Проектом управления найма мигрантов*, разработанным в 2023 г. в рамках национального Проекта «Кадры», предусматривается создание оператора по организованному набору персонала в странах СНГ. Часть работ при этом предполагается осуществлять на территории стран-партнеров за пределами РФ: набор и первичная профподготовка персонала; проверка знания русского языка; медосмотр; дактилоскопия для создания цифрового профиля. Проектом предусматривается к 2030 г. обеспечить 300 тыс. человек, преимущественно из стран СНГ²³, для работы в РФ у конкретного работодателя. В проектах доноров рассматриваются Бангладеш, Мьянма, Пакистан, страны Африки. Гипотетически шаг привязки к работодателю ограничивает возможности свободного рынка труда. Однако в условиях перенасыщения кадрами мигрантов экономики России, их мобильности в контексте меняющейся конъюнктуры отраслей и сфер приложения труда, их высокая текучесть означает, что в России нет действенных инструментов защиты национального рынка труда — инструмента, который в развитых принимающих странах является основой построения иммиграционных моделей. Перемещению и занятию иностранцами рабочих мест предшествуют согласие профсоюзов и процедура констатации отсутствия граждан, желающих занять анонсируемое рабочее место [4].

Далее, рассматриваемый Проект не дает ответа, что будет происходить с действующей системой, основными признаками которой являются безвизовый режим въезда и неконтролируемая нелегальная миграция. Формально соглашения о подборе персонала России со странами СНГ уже существуют не один год, однако результатов не заметно.

Новые страны. Российский бизнес в качестве альтернативы ИРС из стран ЦА рассматривает иные источники, которые большей частью относятся к странам Юго-Восточной Азии. Например, население Индии с 1950 г. увеличилось на 1 млрд человек, причем половина из них — в возрасте до 30 лет²⁴. Несмотря на бурное экономическое развитие (страна вошла в пятерку стран-лидеров по объемам ВВП), часть незанятых, особенно из сельской местности, гипотетически может вписаться в этот новый российский иммиграционный тренд. Вместе с тем на мировом рынке труда Россия — не самая привлекательная страна с позиций оплаты труда и проживания. Так, более выгодные условия предлагают богатые страны Персидского Залива (ОАЭ, СА, Кувейт, Катар), Корея.

Региональным реципиентом ИРС может стать соседний Китай, который начинает испытывать дефицит рабочей силы, возникший как следствие политики

²² «Мигрантов станет меньше, но россиянам станет хуже». URL: <https://rtvi.com/opinions/allah-doma-ostalsya-migrantov-stanet-menshe-no-rossiyanam-budet-huzhe/>

²³ Власти обсудят Проект по управляемому найму мигрантов. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/07/2024/668b9ee09a7947900c34d4fe>

²⁴ URL: <https://www.forbes.ru/society/485239-nehvatka-zensin-i-molodez-cajldfri-kak-kitaj-perest-al-byt-samoj-naselenoj-stranoj>

снижения рождаемости, имевшей приоритет в недалеком прошлом. Вплоть до настоящего времени Китай традиционно демонстрировал закрытую иммиграционную политику, в которой места для иностранных граждан на рынке труда страны почти не было (1% от численности занятых против более 80% в ОАЭ, СА, Кувейте²⁵). Однако, в случае перемен в сторону ее открытости, Россия может уступить Китаю свои позиции в борьбе за дешевую рабочую силу из стран ЦА. Платформа для ориентации этих стран в сторону более богатого соседа уже создана: это организация «Китай плюс», цели которой пока ограничены инвестиционной деятельностью в этих странах.

Как альтернатива социальным рискам альянса России со странами ЦА рассматривается *внутренняя миграция, прообразом которой в недалеком прошлом являлась система прописки по лимиту*, а работники — субъекты этих отношений — именовались лимитчиками. Жесткая система «прописки», без которой когда-то на работу не брали, формально сохранена и сейчас, *однако мигранты из ЦА и здесь нередко оказываются предпочтительнее внутренних мигрантов*.

Важным этапом становления либеральной миграционной политики явилось *введение в 2005–2008 гг., с последующей отменой*²⁶, *региональных квот на использование ИРС в экономике регионов*²⁷. Практический смысл неприятия системой ограничений и последующей отмены региональных, а следом в 2019 г. и федеральных квот лежал в сфере фактического признания декларативного характера борьбы с *нелегальной миграцией*, на деле препятствующего ее легализации.

В условиях безвизового режима въезда и отсутствия инструмента привязки к конкретному работодателю мигрант, имеющий формальные ограничения на работу (например, в розничной торговле), может иметь *несколько вариантов адаптации и трудоустройства*. Во-первых, уйти в другую отрасль; во-вторых, стать студентом, который имеет право работать почти без запретов; в-третьих, получить вид на жительство или разрешение на временное проживание; в-четвертых, переехать в соседний регион, где имеют место иные требования; в-пятых, переехать временно в соседний Казахстан, имеющий другой реестр ограничений. Наконец, в-шестых, мигрант может получить патент с известными правами и ограничениями, а фактически работать на рынке. В 2015 г. граждане Казахстана и Киргизии, ставшие членами ЕАЭС, получили те же права на трудоустройство, которые имеют граждане страны пребывания. Существуют и иные способы обхода ограничений: фиктивный брак и получение гражданства и др. С такими адаптационными возможностями мигранты не имели мотивации работать в обрабатывающих отраслях промышленности, так необходимых России с позиций дефицита кадров.

Западное направление и страны ЮВА. Наибольшее развитие западное направление иммиграции получило в годы экономического роста российской экономики с середины нулевых годов миллениума, когда темпы роста достигали 5–7% ВВП в год, а Россия была открыта для западных инвестиций. В эти годы

²⁵ Данные ежегодного доклада ООН за 2018 г.

²⁶ В 2019 г. последовал ряд заявлений о необходимости отмены квот на прием иностранной рабочей силы.

²⁷ Об отмене квот на ИРС в Уральском экономическом регионе. URL: https://dzen.ru/a/ZrmmDM7WAUdu7U_V

официальная государственная статистика фиксировала *рекордное равенство иностранной рабочей силы* из развитых стран, имеющих разрешение на работу, с одной стороны, и мигрантов из визовых стран, имеющих патенты на работу, с другой: примерно по 1,5 млн человек. В дальнейшем, по данным Росстата, ФМС и ГУМВД, удельный вес ИРС из развитых стран неуклонно сокращался:

- до четверти общей иммиграции в 2011 г.;
- менее 20%, или 700 тыс. человек в 2014 г.²⁸;
- далее до 100 и менее тыс. человек в 2021 г. и 63 тыс. человек в 2023 г. с удельным весом менее 0,01% занятых в экономике России.

На фоне санкций, принятых в ответ на начало СВО в 2022 г., сокращение трудовой иммиграции по западному направлению трансформировалось в практически полный уход квалифицированной рабочей силы, имеющей разрешение на работу.

Результаты снижения трудовой иммиграции из стран, граждане которых получают разрешение на работу, представлены на рис. 4.

Так, наиболее существенный спад ощутили развитые страны, имевшие наибольшие инвестиции в России, число их специалистов, по данным МВД РФ ГИАЦ, в 2023 г. составило 1,7 тыс. человек, или 26% к 2019 г. Наибольшим числом ИРС отметились Германия, Италия, Франция, США, в каждой из которых насчитывалось от 200 до 300 человек, работающих в компаниях, которые остались в России. Несколько большим числом представлены имеющие разрешения на работу в РФ граждане стран Восточной Европы, насчитывающие 3,7 тыс. человек, что составляет 47% от их числа в 2019 г. Наибольшим представительством отмечены Сербия (2,8 тыс. человек) и Босния (143 человека), работники которых большей частью заняты в строительном бизнесе. Наконец, лидерами в этой категории стали

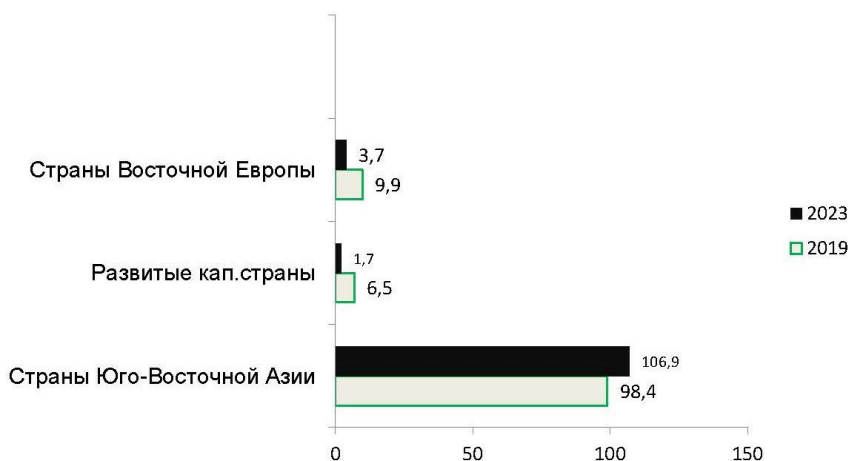

Рис. 4. Численность иностранной рабочей силы, имеющей разрешение на работу в Российской Федерации в 2019–2023 гг., тыс. человек

Источник: рассчитано по данным <https://fedstat.ru/indicator/58167>

²⁸ Начало по существу санкционной войны против России.

страны Юго-Восточной Азии, ИРС из которых составила почти 107 тыс. человек и возросла к 2019 г. на 8%. Наибольшее представительство традиционно имеет Китай (49 тыс., или почти половина всех из группы ЮВА, но со снижением к 2019 г. на 16%). На втором месте Вьетнам (26 тыс. человек, с ростом к 2019 г. на 47%) и Индия (14 тыс. человек, но с ростом на 147%). Завершая пояснения к рис. 4, напомним, что отрицательная динамика трудовой иммиграции из «других стран» имеет место на фоне лишь 3,6% ее удельного веса в общей численности ИРС России, где безраздельно доминируют мигранты из бедных стран ЦА (см. рис. 1).

Согласно данным Росстата за 2022 г., из Европы к нам на ПМЖ перебрались: 508 человек из Сербии, 474 человека из Литвы, 191 человек из Италии, 661 человек из Латвии, 175 англичан, 154 француза, 83 человека из Эстонии, 80 бывших жителей Греции, 59 человек из Польши, 53 бывших жителя США, 121 человек из Южной Кореи, а также 151 человек из Японии. Из Турции переехали 1,8 тыс. человек. Разумеется, в общей сумме получивших гражданство РФ их численность математически незначительна. В этом новом тренде всплеска натурализации ведущие места все так же отведены мигрантам из бедных стран ЦА и Азербайджана²⁹.

Практический итог западных санкций заключен не столько в уходе западных специалистов, который явился их следствием, сколько в *лишении России инвестиций и доступа к современным технологиям*.

О болезненном выходе из России иностранных инвесторов свидетельствует установленный дисконт на продажу их активов российским собственникам, который увеличен с 50 до 60% их стоимости, а единовременный взнос в бюджет уходящего инвестора с 15 до 25%³⁰. Для сравнения следует отметить, что в рамках западных санкций дивиденды на российские финансовые активы подлежат конфискации и направлению на возмещение утраченного Украиной имущества в контексте СВО.

Вектор развития технологического суверенитета России как ответ на санкции, особенно в перспективе цейтнота длинных денег в экономике, выглядит весьма проблематичным. Разумеется, и качество иностранной рабочей силы из бедных стран СНГ не адекватно современным требованиям к кадрам не только в отраслях четвертого и пятого технологических укладов, ИТ, микроэлектроники, нанотехнологий, но и в более простых обрабатывающих производствах, большая часть которых приходится на современный ОПК. Крупный российский бизнес практически не предъявляет вакансий для занятия их мигрантами из стран ЦА, которые составляют подавляющее большинство общей массовой миграции из стран СНГ.

Заключение

Рожденная в XX в. политика ограничений массовой миграции в развитые страны в российских реалиях окрашена спецификой, определенной двумя основными условиями. Во-первых, тем, что на постсоветском пространстве

²⁹ По данным Росстата, около 700 тыс. человек получили гражданство РФ в 2021 г.

³⁰ URL: https://ria.ru/20241017/siluanov-1978492777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fd6ad08c4-7eb0-567b-962c-f2aef-32f19a4

Россия располагает потенциалом миграционного притяжения стран СНГ, в котором доминирующее положение занимает массовая миграция из стран ЦА, в последние годы приобретающая черты экспансии. И во-вторых, сложившейся геополитической расстановкой сил и неблагоприятной направленностью миграционного обмена, усугубленной санкциями, которые практически лишили Россию западных инвестиций, технологий и квалифицированных кадров, что не оставляет альтернативы институциональному и технологическому развитию, основанному на инновациях и «экономике знаний».

Очевидно, что условия формирования внешних ресурсов угрожают дальнейшей примитивизацией рынка труда экономике, основанной преимущественно на третьем и четвертом технологических укладах, и наблюдаемой ныне трансформацией трудовой иммиграции в гражданскую, уже не связанную с трудом. Вместе с тем доминантой развития экономики продолжает оставаться «парадигма нехватки трудовых ресурсов» и либеральная миграционная политика, основанная на бесконтрольном въезде в страну иностранной рабочей силы из бедных стран ЦА (в основном — нелегалов). Блокировка ограничений и упрощение натурализации граждан стран ЦА стали в существенной мере возможны благодаря статистическим, выборочным, экспертным оценкам, занижающим масштабы иммиграции и просто игнорирующим оценки многочисленных рисков. Так, алгоритм компенсаторной миграции справедливо указывает на единственную возможность замещения убыли населения внешней миграцией, возводя это «механическое» замещение, по сути, в цель экономической и социальной стратегии и политики. Многие исследования рынка труда, подхватывая парадигму нехватки ресурсов, прямо или косвенно повествуют об объективных трудностях, выраженных в заявленных работодателем вакансиях, которые в реальности нередко представляют собой инструмент подбора персонала, а также основания для возможных льгот по кредитам и субсидий в условиях роста ключевой ставки³¹. Проблему дефицита кадров отмечают не более половины работодателей³², к тому же пик его пройден, и в дальнейшем рост занятости будет связан с инвестициями и подготовкой кадров. При этом ясно, что мобилизованные и уехавшие из страны квалифицированные национальные кадры не могут быть заменены мигрантами из бедных стран СНГ.

Весьма отраднo, что непопулярная тема рисков миграции получила новое звучание в обстоятельных ответах В. Путина на совмещенных пресс-конференции и прямой линии 14 декабря 2023 г., где Президент РФ согласился с оценками численности нелегальных мигрантов в 10 и более млн человек, а также поставил вопрос о создании специального ведомства, занимающегося проблемами миграции³³. Вместе с тем его высказывание о том, что мигрантам надо создавать «нормальные человеческие условия», отображает многогранную проблему рисков в сфере труда и адаптации в социуме для самих мигрантов, которая имеет

³¹ Разумеется, нельзя не видеть прямых потерь рынка труда в контексте мобилизации и последующей эмиграции.

³² Отмечают руководители кадровой службы «Эксперт РА». URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/6589738d9a794798dc106898>

³³ Прямая линия с В. Путиным 14 декабря 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2023/657afbe69a79472b58b7b842>

специфику и, разумеется, должна стать предметом оценок и регулирования в новом ведомстве³⁴.

В российской вертикально ориентированной структуре управления значимые публичные заявления лидера приобретают характер директив для органов законодательной и исполнительной власти. Очевидно, что весь комплекс вопросов трудовой и гражданской миграции получил новый импульс научного обеспечения.

Центральным звеном научного обоснования является миграционная политика как комплекс мер и программа действий, обеспечивающих известный компромисс между ресурсами и рисками. Очевидно, что трудовая миграция нуждается в *экономическом регулировании* по профессиональному, отраслевому и территориальному принципам измерения ресурсов, в том числе с учетом балансового метода [3]. Важнейшим направлением должна стать *организация системы подбора и подготовки кадров на территории стран-доноров* участников миграционного обмена (СНГ и ЕАЭС), которая станет базой для создания условий, способствующих снятию напряженности и улучшению равновесия на рынке труда ИРС. В рамках этой работы подготовка соискателей обязательно должна включать проверку знания русского языка и основ адаптации в стране пребывания. При этом вся *система подбора и подготовки персонала для работы и граждан для натурализации* в России должна быть диверсифицирована в контексте краткосрочных и долгосрочных программ двухстороннего сотрудничества между странами.

Принципиальным подходом являются нормативные методы расчета потребностей в ИРС в контексте *системы идентификации «зоны конкуренции как экономического пространства с преимуществами национальным кадрам»* по видам работ, сферам занятости, отраслям, территориям [6]. Например, если территориальный агрегатор такси свидетельствует о вакансиях на национальном рынке труда, то вопрос о привлечении мигрантов может быть рассмотрен в контексте имеющегося в *банке вакансий* предложения по этой позиции.

Особого подхода требует *социальное нормирование миграции*, как в рамках предприятия, организации, так и в рамках малого поселения, вопросы которого решают местные органы власти на основе установленных нормативов соотношения граждан и временных мигрантов³⁵.

Много вопросов вызывает установление 100%-ного присутствия мигрантов в конкретных сферах приложения труда, о чем свидетельствует действующая практика строительной отрасли Москвы³⁶. В условиях настоящей экспансии мигрантов практика снятия ограничений ущемляет интересы национального рынка и ведет к консервации низких стандартов условий, оплаты и производительности труда, которые становятся возможны в условиях отсутствия реальной конкуренции в отрасли.

³⁴ В 2012 г. в России была создана ФМС, которая в 2016 г. была упразднена, а ее функции были переданы в ГУ МВД РФ.

³⁵ Например, в регионе в малом поселении численность иностранцев не должна превышать 8% населения.

³⁶ По существу, представляет метод «ручного управления», способного исказить установленный регламент.

Вершиной нормативного планирования привлечения мигрантов из стран СНГ должны стать *программы инновационного развития отраслей и сфер*³⁷ приложения труда, основанные на реализации проектов по росту производительности труда. В этом контексте индикатором для принятия решений могут служить абсолютные и относительные оценки численности мигрантов из стран СНГ. В принимающих странах сфера занятости неквалифицированных мигрантов из бедных стран определена торговлей и услугами, которая в развитых странах составляет до 70 и более процентов ВВП. В России торговля и услуги составляют меньшую величину, однако относительная численность мигрантов существенно выше³⁸, что дает основание для оценок излишней их численности и, соответственно, стратегии развития отраслей и привлечения мигрантов.

Наконец, межотраслевой институциональной проблемой является борьба с нелегальной миграцией, в первую очередь путем ее включения в сферу учета, налогообложения, депортации или реадмиссии нарушителей закона. Представляется, что эта работа должна быть основана на амнистии нелегалов и введении мер экономической ответственности работодателей, выраженной размерами нанесенного государству ущерба по недополученным налогам.

В контексте приоритета национальным кадрам следует рассматривать предложения по введению дополнительного налога на работодателей за использование неквалифицированной иностранной рабочей силы из стран СНГ (по утвержденным отраслевым спискам профессий и квалификации). При этом рассматриваемый дополнительный налог может иметь целевое назначение (например, фонд инновационного развития для стимулирования отказавшихся от использования ИРС строительных организаций). Указанные меры отчасти несут социальную функцию, поэтому могут иметь временный характер в контексте программ «Инновационное развитие и национальные кадры».

Литература

1. Вартикян А.Р., Гужавина Т.А., Демирчян М.А. Миграционная политика стран в условиях пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 4.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Новый энциклопедический словарь. Библиотечный фонд. 1914. Том 18. С. 491.
3. Капустин Е.И. Трудовые ресурсы СССР. Л., 1981.
4. Комаровский В.В. Миграционное регулирование в период пандемии COVID-19 // Ежегодник Восток–Запад–Россия. ИМЭМО РАН. М., 2020. С. 47.
5. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 187.
6. Седлов А.П. Двойной рынок труда в российских реалиях: индикаторы и методология в контексте современных вызовов // Общество и экономика. 2023. № 8. С. 39–59.
7. Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. № 2. С. 224–242.
8. Юмагузин В.В., Винник М.В. Реализация компенсаторной миграции в России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2023. № 1(58). С. 48–64.
9. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3 (1).
10. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. N.Y., 1959. P. 402.

³⁷ Разумеется, с учетом специфики организации труда.

³⁸ О чем свидетельствуют произведенные в работе оценки и расчеты.

11. *Massey D.S.* International migration and economic development in comparative perspective. *Population and Development Review* / Massey D.S., Douglas S. // 1989. № 14. P. 383–414.
12. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press. 1979.
13. *Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48. № 2. P. 167–235.
14. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review*. 1940. Vol. 5. P. 845–867.
15. *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego: Academic Press. 1989; The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century // New-York. Academic Press. 1974. P. 410.

Alexey Sedlov (e-mail: sedlovap@bk.ru)

Ph.D. in Economics, Leading Research Fellow,
Center for Employment Policy and Social and Labor Relations,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

EASTERN AND WESTERN DIRECTIONS OF LABOR OF LABOR IMMIGRATION TO RUSSIA: HISTORICAL MARKETS AND PROSPECTS

The paper systematizes the concepts of 'eastern' and 'western' directions of labor immigration to Russia as terms for the conventional designation of migrant flows from poor CIS countries and qualified specialists from other countries, including developed Western ones. The author assesses the analytics of limiting mass migration to host countries; presents estimates of original statistical algorithms; notes historical markers of immigration, the experience of which can be used in the modern immigration model; shows negative trends in the decline in the level of foreign labor and the transformation of labor immigration from Central Asian countries into social (civil), along with the risks associated with the naturalization of new citizens.

Keywords: mass migration, human potential, quality of labor, poor CIS countries, developed countries, immigration model.

DOI: 10.31857/S0207367624120042

© 2024

УДК: 339.54; 339.56.

Дарья Ушкалова

кандидат экономических наук, заведующая Центром исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: internationalmacro@inecon.ru)

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И УРОКИ 3 ЛЕТ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

В статье подробно рассматривается этапность санкционного давления на Россию в 2022–2024 гг. и его влияния на российскую экономику, анализируется логика эволюции санкционного режима и специфика применяемых Россией контрмер. Выделены 3 этапа современного санкционного давления, отличающиеся характером и направленностью ограничений. Показано, что современная модификация санкционного режима, реализующаяся с конца 2023 г., характеризуется прогрессирующим нарастанием скорости раскручивания «санкционной спирали», фокусировкой на борьбе с российской стратегией обхода санкций (в том числе, посредством расширения вторичных санкций и мер против российского «теневое» флота) и фактическим возвратом к политике ограничения физических объемов российского экспорта, что обуславливает усиление рисков для развития отечественной экономики и внешней торговли в 2025 г.

Ключевые слова: антироссийские санкции, внешняя торговля России, экспорт и импорт России, мировые цены, мировые товарные рынки, ловушка большой страны.

DOI: 10.31857/S0207367624120052

Этапы санкционного давления на внешнюю торговлю России в 2022–2024 гг.

Прошло почти 3 года с начала масштабного санкционного давления на Россию со стороны недружественных стран в связи с началом СВО, в течение которых влияние этого давления на отечественную внешнюю торговлю существенно эволюционировало, равно как и его оценки. Санкционный режим, столкнувшийся в 2022 г. с «ловушкой большой страны» [1, 2], был модифицирован и усовершенствован, чтобы нивелировать действие данного эффекта. В настоящее время он продолжает расширяться и видоизменяться, однако уже сейчас можно сделать определенные выводы в отношении этапности современного периода¹ санкционного давления и его влияния на российскую экономику, а также в отношении ограничительных мер, необходимых для противодействия и эффективной адаптации российской экономики к существующим реалиям.

Первый этап современного санкционного давления на Россию начался в феврале 2022 г. и продолжался до конца 2022 г. Среди важнейших характеристик данного этапа следует выделить следующие.

1. *Направленность санкций преимущественно на ограничение физических объемов российского экспорта и импорта, что обусловило резкий рост мировых цен на основные экспортируемые Россией товары.* Следствием этого стало возникновение выявленного автором эффекта «ловушки большой страны»: санкции против

¹ В статье под современным периодом понимается период эскалации санкционного давления, начавшийся в феврале 2024 г.

экспорта могут быть эффективны только в том случае, если они затрагивают крупнейшие его статьи, однако если на рынках этих товаров страна является крупным игроком («большой страной»), то ограничение ее поставок (или даже ожидание подобного ограничения) неминуемо приводит к росту мировых цен, который позволяет компенсировать снижение физических объемов поставок, а также облегчает диверсификацию их географии [1, 2]. Таким образом, формальная эффективность санкций (способность ограничивать физические объемы экспорта) противоречит их стратегической эффективности (способности ограничивать доходы от экспорта) [1, 2].

Результатом резкого улучшения ценовой конъюнктуры вследствие введенных ограничений стал рекордный рост стоимостных объемов экспорта России в 2022 г. (до 592 млрд долл., по данным платежного баланса, т.е. на 19,8% в годовичном выражении) (рис. 1) и положительного сальдо торгового баланса (до 315,6 млрд долл.) [3].

Чрезвычайно благоприятная динамика индекса условий торговли в 2021–2022 гг. обеспечила России рекордный выигрыш от изменения цен на мировых товарных рынках, который, по экспертной оценке члена-корреспондента РАН А.Н. Спартака, составил 280–285 млрд долл. за 2 года и превысил выигрыш, полученный за товарный суперцикл 2000–2008 гг. (около 260 млрд долл.) [4].

2. *Значимая роль неформальных ограничительных мер, введенных не на правительственном уровне недружественных стран, а на уровне бизнес-структур.* Данные меры также носили ограничительный характер преимущественно в отношении физических объемов торговли, затронув и экспортные, и импортные поставки. К этой группе относится и уход иностранных компаний из России, и соответствующее сворачивание производственной деятельности предприятий с иностранным капиталом, повлекшее резкое снижение объемов импорта (особенно по товарной группе «Машины и оборудование»), и бойкот российских грузов и российских портов со стороны крупнейших международных морских перевозчиков Maersk,

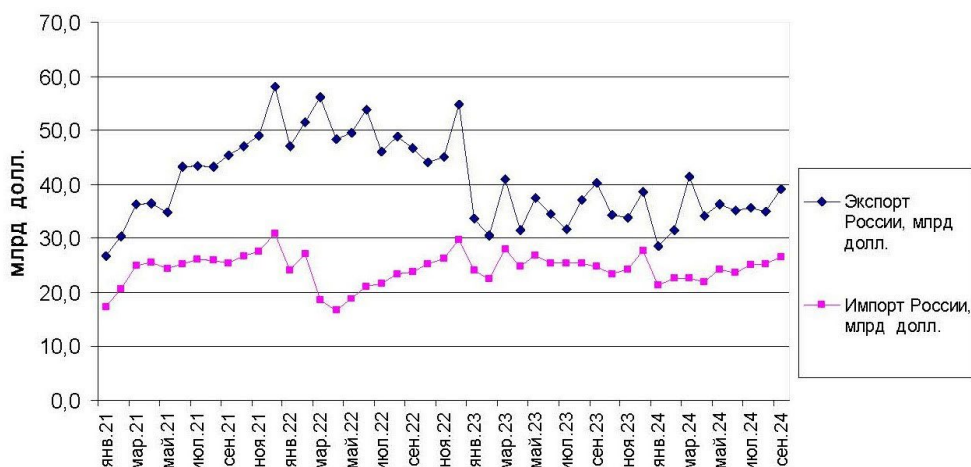

Рис. 1. Динамика экспорта России в январе 2021 г. – сентябре 2024 г. (млрд долл.)

Источник: построено на основе данных Банка России [3].

MSC, CMA CGM, ONE LINE и ведущих иностранных страховых компаний еще до появления официальных запретов, и др.

3. *Резкое сокращение товарного импорта России*, ставшее следствием ограничений, введенных как на официальном уровне, так и на уровне бизнес-структур, и их вторичных эффектов (включая волатильность курса национальной валюты).

4. *Начало процесса активной переориентации внешней торговли России в направлении усиления взаимодействия с дружественными азиатскими странами*².

Второй этап современного санкционного давления на Россию ознаменовался модификацией сущности применяемых ограничений: с введением механизма «ценового потолка» на российскую нефть в декабре 2022 г. ограничения со стороны недружественных стран были направлены не только и не столько на сокращение физических объемов экспорта России, сколько на ограничение цен на основные его статьи и снижение экспортных поступлений. Подобная модификация санкционной политики стала очевидной реакцией на «ловушку большой страны» и первоначально принесла свои результаты, внося вклад в заметное снижение уровня мировых цен на нефть уже в конце 2022 г. (рис. 2) и способствуя резкому сокращению стоимостных объемов российского экспорта в начале 2023 г. (см. рис. 1).

В этих условиях, однако, российской стороной был предпринят ряд взаимовязанных контрмер, направленных как напрямую на противодействие негативному влиянию ограничения цен на российскую нефть, так и на поддержание благоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти.

Во-первых, в целях недопущения выполнения условий «ценового потолка» при экспорте отечественных энергоносителей был принят комплекс нормативных актов — Указ Президента России от 27 декабря 2022 года № 961 «О применении специальных

Рис. 2. Динамика цен на нефть марки Brent в 2022–2024 гг., долл. за баррель
Источник: построено на основе данных Энергетического агентства США [5].

² Подробнее см. [1, 2].

экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты» [6], Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. № 118 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961» [7] и Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт» [8].

Указанные акты заложили основу для мониторинга цен на экспортируемую российскими компаниями нефть и предотвращение поставок на условиях, учитывающих «ценовой потолок». Тем не менее эти меры были способны в полной мере продемонстрировать свою эффективность только в связке с мероприятиями, направленными на улучшение конъюнктуры мирового рынка энергоносителей за счет сокращения производства нефти. Возможность использования подобного инструментария противодействия санкциям выгодно отличает Россию от других подсанкционных стран—экспортеров топливно-энергетических товаров (Иран, Венесуэла) и является прямым следствием ее роли «большой страны» на мировом рынке нефти. Важным условием эффективности данных мер стала их согласованность со странами ОПЕК, и прежде всего Саудовской Аравией, в рамках сделки ОПЕК+. Так, на протяжении большей части 2023 г. Россия и Саудовская Аравия согласованно проводили политику сокращения объемов добычи нефти³, что позволило стабилизировать мировые цены и даже обеспечить их рост в III квартале (см. рис. 2). Именно решение о сокращении объемов производства нефти, принятое на уровне ОПЕК+, оценивалось экспертами МВФ [10. С. 34] и Всемирного банка [11. С. 24] в качестве ключевого фактора повышения мировых цен на нефть с лета 2023 г.

Следует при этом отметить, что масштабы реального сокращения производства и экспорта нефти в России в целом за 2023 г. оказались весьма умеренными. Так, по оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), в 2023 г. среднесуточный объем производства продукции нефтяной промышленности (включая сырую нефть, конденсат, широкую фракцию легких углеводородов и нефть из нетрадиционных источников) составил 10,96 млн баррелей, что практически идентично показателю 2022 г. (11,09 млн баррелей). Аналогичным образом почти не изменился объем производства сырой нефти (9,56 млн баррелей в сутки в 2023 г. и 9,75 млн баррелей в сутки в 2022 г.). При этом физические объемы российского нефтяного экспорта в 2023 г. оставались стабильными по сравнению с 2022 г. и составили в среднем 7,5 млн баррелей в сутки, а небольшое сокращение поставок сырой нефти (–100 тыс. баррелей в сутки до 4,9 млн баррелей в сутки) было компенсировано эквивалентным приростом экспорта нефтепродуктов (в основном мазута) [12. С. 22, С. 65, С. 67].

Помимо мероприятий, направленных на улучшение конъюнктуры мирового рынка нефти и недопущение выполнения условий «ценового потолка» российскими экспортерами, важнейшим направлением противодействия санкциям в отношении российского экспорта стало выстраивание новой логистики поставок

³ Подробнее см. [9].

за счет формирования так называемого «теневого» флота, без которого прочие рассмотренные действия не показали бы высокой эффективности. Разумеется, возможность использования «теневого флота» была обеспечена продолжающейся трансформацией географии российских поставок. Так, по данным МЭА, на фоне тотального падения экспорта нефти в недружественные страны (ЕС, Великобританию, США) в 2023 г. Россия более чем вдвое нарастила физические объемы поставок в Индию, почти в 2 раза – в Турцию, на четверть – в Китай (табл. 1).

Совокупность принятых как на государственном, так и на корпоративном уровне контрсанкционных мер позволила уже к лету 2023 г. в значительной степени нивелировать первоначальный негативный эффект от модификации санкционного режима. Так, если в первом полугодии 2023 г. российская нефть

Таблица 1

География поставок российской нефти в 2021–2023 гг., среднесуточные объемы поставки, млн баррелей в день

год	ЕС	Великобритания и США	Турция	Китай	Индия	Азиатские страны ОЭСР	Страны Ближнего Востока	Страны Африки	Страны Латинской Америки	Другие	Страна назначения не известна	Всего
2021 г.	3,3	0,6	0,2	1,6	0,1	0,5	0,1	0,1	0,1	0,8	0,0	7,2
2022 г.	3,0	0,1	0,4	1,9	0,9	0,2	0,2	0,1	0,1	0,6	0,0	7,5
2023 г.	0,6	0,0	0,7	2,4	1,9	0,0	0,3	0,4	0,2	0,9	0,1	7,5

Источник: [12. С. 22].

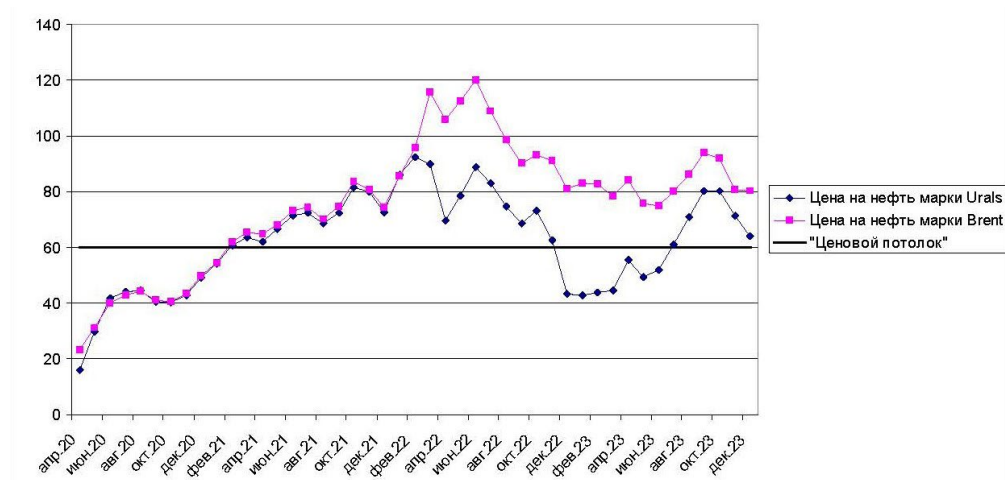

Рис. 3. Динамика цен на нефть марки Brent и российскую нефть марки Urals в 2020–2023 гг., долл. за баррель

Источник: построено на основе данных Всемирного банка [11] и Международного энергетического агентства [12].

торговалась со значительным дисконтом к цене нефти марки Brent, хотя фактическое выполнение «ценового потолка» и было обусловлено преимущественно ухудшением конъюнктуры на мировом рынке нефти, то уже во второй половине года, по мере роста мировых цен и выстраивания новой логистики поставок, средняя цена российской нефти превысила 60 долл. за баррель, а размер среднего дисконта сократился до минимальных уровней с февраля 2022 г. (рис. 3).

Тем не менее по итогам 2023 г. по методологии платежного баланса стоимостные объемы экспорта России в годичном выражении сократились на 28,3% до 424,5 млрд долл., что уступает и уровню 2021 г. (494,2 млрд долл.) [3]. При этом адаптация российской экономики к санкционному режиму в отношении импорта за счет переориентации ввозных потоков (роста параллельного импорта, замещения поставщиков из недружественных стран альтернативными контрагентами), набравшая обороты еще летом 2022 г., обусловила рост стоимостных объемов импорта до 302,9 млрд долл., что превышает показатели 2022 г. на 9,5% и приблизительно соответствует уровню 2021 г. (301 млрд долл.) [3]. В этих условиях положительное сальдо внешней торговли России в 2023 г. продемонстрировало сокращение до 121,6 млрд долл. (более чем в 2,5 раза в сравнении с 2022 г.)

Несмотря на снижение стоимостных объемов российского экспорта и положительного сальдо торгового баланса в 2023 г., в целом можно констатировать, что уже к четвертому кварталу России в целом удалось адаптироваться ко «второй версии» современного санкционного режима, что заставило недружественные страны перейти к его очередной модернизации в конце 2023 г.

Третий этап современного санкционного давления ассоциирован с фокусировкой новых ограничений на цели максимального сокращения экспортных поступлений России и максимального осложнения ее внешнеэкономического сотрудничества за счет:

- борьбы с российской стратегией обхода санкций, в том числе посредством расширения вторичных санкций, что стало ответом на адаптацию России к уже введенным ограничительным мерам;
- тотального ограничения экспортных поставок тех товаров, которые ранее не попадали под санкции и приносили России значимые экспортные поступления;
- нарушения системы расчетов в отечественной внешней торговле;
- расширения списка товаров, запрещенных к ввозу в Россию.

Переход к этому этапу стал очевиден осенью 2023 г., когда в октябре США начали вводить санкции против большого числа компаний из Китая, Турции, Финляндии, ФРГ, Индии, Великобритании, ОАЭ и пр. как за поставку в Россию товаров, попадающих под ограничения (в том числе микросхем) [13], так и перевозку российской нефти с нарушением «потолка цен» [14]. С ноября 2023 г. санкционные списки недружественных стран стали регулярно пополняться названиями конкретных танкеров и судовладельцев, подозреваемых странами-инициаторами санкций в перевозке российской нефти ниже «ценового потолка» (работающих в составе так называемого «теневого флота») [15], и компаний, заподозренных во ввозе или содействии ввозу в Россию подсанкционных товаров [16, 17].

В то же время на этом этапе недружественные страны вводили новые тотальные ограничения на ввоз тех российских товаров, экспорт которых ранее приносил

России значимые поступления. Так, 12-й пакет санкций ЕС в отношении России, принятый 18 декабря 2023 г., включал в себя поэтапный запрет на прямой или косвенный импорт, покупку или передачу российских алмазов, а также дополнительные ограничения на импорт товаров, приносящих России значительные доходы, в частности передельного и зеркального чугуна, ферросплавов, железа, медной и алюминиевой проволоки, фольги, некоторых труб, сжиженных нефтяных газов из России (пропана, бутана и их смесей) [18]. 13 апреля 2023 г. США расширили санкции на российские медь, алюминий и никель, а также совместно с Великобританией ввели запрет на оказание услуг по приобретению этих металлов, их экспорта, реэкспорта, продаже, поставке и предоставления гарантийных услуг по приобретению российских металлов на мировой бирже металлов, что привело к приостановке торговли этими товарами на Лондонской бирже металлов (LME) и Чикагской товарной бирже (CME) [19]. 14 мая 2023 г. Президент США Дж. Байден подписал закон о запрете импорта урана из России, который, однако, предполагает возможность приостановки этого запрета в случае, если другие источники поставок недоступны или импорт российского топлива будет отвечать «национальным интересам» США [20]. В рамках 14-го пакета санкций ЕС были введены ограничения на импорт гелия из России [21].

Параллельно продолжалось ужесточение санкций на поставку в Россию высокотехнологичных товаров. В частности, 12-й пакет санкций ЕС включал запрет на экспорт в Россию продукции, которая может способствовать «технологическому совершенствованию» оборонно-промышленного комплекса и в целом отечественной промышленности, в том числе литиевых батарей, термостатов, двигателей постоянного тока и сервоприводов для беспилотных летательных аппаратов, некоторых машин, строительных товаров, лазеров [18].

Также на этом этапе происходило регулярное расширение списка российских физических и юридических лиц, подпадающих под те или иные санкции, в том числе неуклонно расширялся список подсанкционных финансовых организаций, что постепенно осложняло ведение внешнеэкономической деятельности российскими экспортерами и импортерами, повышая их издержки. Так, 23 февраля 2024 г. были введены санкции против Национальной системы платежных карт (НСПК) (оператор карт «Мир»), СПБ Банка – расчетного депозитария СПБ Биржи, МФК Банка, Быстробанка, Модульбанка, банка «Авангард», Ростфинансбанка, Челиндбанка, Дatabанка и банка «Морской» [22]. С учетом угрозы вторичных санкций со стороны Министерства финансов США санкции против НСПК привели к прекращению обслуживания карт «Мир» кредитными организациями сразу нескольких стран, включая государства СНГ. 12 июня санкции были наложены на Мосбиржу, Национальный клиринговый центр, Национальный расчетный депозитарий, Российскую национальную перестраховочную компанию (РНПК), «Арктик СПГ 1» и «Арктик СПГ 3», «Мурманский СПГ», «Газпром инвест», «Русгаздобычу», «Мурманск–трансгаз» и пр. Санкции против Мосбиржи привели к остановке торгов на ней валютными парами с долларами и евро [23]. В рамках 14-го пакета санкций ЕС, принятого 24 июня 2024 г., был введен запрет новых инвестиций для завершения СПГ-проектов, таких как «Мурманск СПГ» и «Арктик СПГ 2» (находится под санкциями США с ноября 2023 г.) [24].

Анализ ограничительных мер, введенных против России с октября 2023 г., показывает, что для этого этапа санкционного давления характерно прогрессирующее нарастание скорости раскручивания «санкционной спирали», в ходе которого изменились его цели. В начале данного этапа главной целью санкций являлось не тотальное ограничение российских поставок энергоносителей, а снижение рентабельности отечественных экспортеров, что признавалось официальными лицами недружественных стран. Так, например, по заявлению помощника госсекретаря США по вопросам энергоресурсов Джеффри Пайатта, «власти США совместно с нашими партнерами по коалиции по ограничению цен абсолютно привержены соблюдению «ценового потолка» и делают все, чтобы сократить доходы России от продажи энергоресурсов» [25].

Тем не менее на фоне очевидных успехов России в адаптации к санкционному давлению, отражающихся в положительной динамике основных показателей внешней торговли в 2023 г. (см. рис. 1) и продаже нефти по ценам выше «потолка», хотя и с дисконтом к цене нефти марки Brent в 15–20 долл. за баррель [26], уже к лету 2023 г. недружественные страны перешли к ужесточению санкционного давления. Жесткость новых ограничений существенно возросла, а к концу осени совокупность принятых ограничительных мер (наряду с их жесткостью) обусловила переход к новому качеству санкционного режима, направленного, как представляется, на завершение «отключения» России от товарных рынков недружественных и многих нейтральных стран.

Фактически на этом этапе недружественные страны вернулись к политике ограничения физических объемов российского экспорта. Сначала это коснулось товаров, на рынках которых влияние России было хотя и заметно, но ограничено. Затем подобная политика начала активно реализовываться в отношении российского экспорта природного, и в частности сжиженного, газа. Так, в рамках 14-го пакета санкций ЕС был введен запрет на транзит российского сжиженного природного газа через европейские порты «после переходного периода в девять месяцев» [27]; летом 2024 г. под санкции попал широкий круг российских проектов по производству сжиженного природного газа и других предприятий газовой отрасли, что привело к приостановке проработки ряда СПГ-проектов [24]; осенью 2024 г. были расширены ограничительные меры в отношении «Арктик СПГ 2» (отгрузка продукции конечным потребителям была приостановлена) [28].

Наконец, 21 ноября 2024 г. США ввели санкции против более 50 российских банков и более 40 российских регистраторов ценных бумаг, среди которых – Газпромбанк, через который осуществляется оплата поставок российского природного газа, что вызвало заметные сложности с проведением как экспортных, так и импортных платежей и потребовало формирования новых цепочек трансграничных расчетов⁴. Сокращению физических объемов поставок российских энергоносителей способствует и ускорение во второй половине 2024 г. введения санкций против танкеров, перевозящих российскую нефть и сжиженный природный газ. При этом неуклонно возрастает «коэффициент покрытия» различными типами санкций российских юридических лиц, что оказывает существенное

⁴ Санкции США предусматривают выдачу специальной лицензии, которая позволит до середины 2025 г. вывести из-под ограничений операции, связанные с проектом «Сахалин-2» [29].

ограничительное влияние на их способность полноценно участвовать в процессах международного обмена.

Постепенность введения рассмотренных ограничительных мер, в определенной степени дающая отечественной экономике время для адаптации, не должна вводить в заблуждение: одновременно она дает и время для адаптации мировой экономики к отказу от российских товаров, тем самым способствуя снижению эффекта «ловушки большой страны», в то время как санкционное давление плавно переходит в новое качество. Ослабление его негативного воздействия требует выработки комплексной долгосрочной стратегии, основанной на детальном анализе происходящих процессов.

Эскалация санкционного давления: вызовы 2024–2025 гг.

Очередная эскалация санкционного давления осенью 2024 г. происходила в заметно изменившихся, по сравнению с предыдущим годом, условиях. В сентябре 2024 г. мировые цены на нефть перешли в новый диапазон: если в январе–августе котировки на нефть марки Brent устойчиво превышали уровень 80 долл. за баррель, то в начале сентября они снизились до 70 долл. и, несмотря на некоторые дальнейшие колебания, до декабря 2024 г. преимущественно не выходили за пределы 80 долл. (см. рис. 2). Снижение мировых цен на нефть было обусловлено возросшими опасениями по поводу замедления глобального роста и ожиданием излишка предложения на мировом нефтяном рынке под воздействием увеличения добычи в США, Канаде и Гайане и сокращения ограничений добычи в рамках сделки ОПЕК+. Большинство экспертов прогнозирует снижение мировых цен на нефть в 2025 г. Например, в соответствии с прогнозом МВФ, среднегодовые цены на нефть в долларах США в 2025 г. должны снизиться на 10,4% до 72,84 долл. за баррель [26].

На этом фоне введенные США 21 ноября 2024 г. санкции против 50 российских банков, включая Газпромбанк, обусловили существенные сложности с проведением внешнеторговых платежей. Наряду с традиционным для IV квартала ростом импорта указанные события, негативно влияющие на динамику экспортных поступлений, стали ключевыми факторами существенного ослабления российского рубля, на пике которого 30 ноября 2024 г. официальный курс доллара США к рублю превысил отметку в 107 руб. (рис. 4).

В этих условиях недружественные страны продолжают работать над очередным ужесточением санкционного режима. В настоящее время разрабатывается 15-й пакет санкций ЕС, в рамках которого, по имеющейся информации, фокус новых ограничений переносится на борьбу с российским «теневым» флотом и вторичные санкции против компаний и физических лиц, помогающих России обходить уже действующие ограничения. В частности, под санкции ЕС могут попасть еще 45 танкеров. Предполагается, что принятие очередного пакета санкций в Совете ЕС может быть приурочено к трехлетней годовщине начала СВО в феврале 2025 г. [31].

Следует отметить, что «теневой» флот на настоящем этапе находится в центре внимания европейских органов и экспертного сообщества и рассматривается ими в качестве ключевой угрозы для обеспечения эффективности санкций. Примечательным в данном контексте является материал, подготовленный

Рис. 4. Динамика официального курса доллара США в 2024 г.

Источник: построено на основе данных Банка России [30].

Исследовательской службой Европейского парламента, под названием «Российский «теневой флот»: разоблачение угрозы» [32].

В целом в рамках данного материала российская тактика в отношении «теневых» флота оценивается как достаточно эффективная. Так, отмечается, что большинство судов российского «теневых» флота занимается перевозкой российской нефти время от времени, в остальные периоды обслуживая других клиентов, что затрудняет их отслеживание, а использование старых судов снижает финансовые риски при попадании их под санкции. При этом корабли российского «теневых» флота регулярно меняют регистрацию в странах с удобным флагом, которые не применяют санкции недружественных стран, что усложняет процесс их идентификации и помещения под санкционный режим. Утверждается, что размер российского теневого флота растет; оценки его численности колеблются от 271 до 435 судов, которые в сентябре 2024 г. якобы перевозили около 66% от общего объема российского морского экспорта нефти (86% поставок сырой нефти и 38% поставок нефтепродуктов).

В документе рассматриваются уже введенные ЕС меры (в том числе запрет доступа в европейские порты и предоставление услуг судам, подозреваемым в участии в «теневом» флоте, тщательный мониторинг продажи танкеров третьим странам, давление на власти нейтральных стран и пр.) и предлагаются методы борьбы с российским «теневым» флотом. В частности, рассматривается расширение практики введения целенаправленных санкций в отношении отдельных судов и усиление международной координации в этих целях, а также необходимость применения целенаправленной стратегии в сфере страхования, в частности, введение требования ко всем судам раскрытия информации о страховом покрытии, включая аудированную финансовую отчетность страховщика и кредитный рейтинг авторитетного международного рейтингового агентства. Среди других предлагаемых мер — усиление проверки сертификации происхождения импортируемой нефти

и нефтепродуктов; расширение персональных санкций; введение запрета на перевалку российской сырой нефти и нефтепродуктов в территориальных водах и исключительных экономических зонах стран ЕС, а также на предоставление вспомогательных морских и других услуг для таких операций; усиление дипломатического давления [32].

Достаточно показательной в данном контексте представляется позиция Европейского парламента, который 11 ноября 2024 г. принял Резолюцию о действиях ЕС против российского «теневого» флота и обеспечении полного соблюдения санкций против России, в которой содержится призыв к введению более целенаправленных санкций в отношении «теневого» флота в следующих пакетах санкций против России. В частности, европейские парламентарии призывают к немедленному запрету на использование западных судов для транспортировки российской нефти, запрету перевалки российской сырой нефти и нефтепродуктов с судна на судно в водах ЕС, ограничению доступа судов российского «теневого» флота в воды ЕС. Парламент также призвал ЕС, его государства-члены и партнеров по G7 укреплять сотрудничество с торговыми партнерами, чтобы быстрее и эффективнее выявлять покупателей российской нефти и прекращать закупки у них нефтепродуктов [33].

Наиболее «горячие головы» из недружественных стран считают целесообразным введение штрафов против нейтральных стран, в которых зарегистрированы суда российского «теневого» флота, а также захват и конфискацию судов, входящих в «теневой» флот [34].

В настоящее время введение настолько радикальных мер представляется маловероятным, однако сделанный недружественными странами выбор в пользу жесткой борьбы с применяемыми Россией мерами обхода санкций с целью сокращения как стоимостных, так и физических объемов отечественного экспорта и импорта, представляется очевидным.

Ключевой вопрос, возникающий применительно к возвращению недружественных стран к концепции сокращения физических объемов российского экспорта, состоит в том, будет ли в нынешних условиях работать «ловушка большой страны» или действие данного эффекта уже исчерпано. Ответ на этот вопрос зависит от действия комплекса факторов. Во-первых, следует понимать, что «ловушка большой страны» работает только в условиях сбалансированного мирового рынка или недостатка предложения, когда быстрая компенсация выпадающих поставок невозможна. Исходя из этого, ситуация в отношении российского экспорта нефти будет определяться, с одной стороны, динамикой глобального роста, и в особенности темпами экономического развития крупнейшего — азиатского — рынка сбыта отечественных энергоносителей, а с другой — изменением предложения на мировом нефтяном рынке, зависящим от темпов роста производства в США, Канаде и пр., и готовностью к снижению объемов добычи в рамках сделки ОПЕК+. Весьма сходные выводы можно сделать и в отношении российского экспорта других товаров, на мировых рынках которых Россия является «большой страной» (в частности, природного газа).

Во-вторых, многое определяет скорость «затягивания гаек»: в случае продолжения плавного и поэтапного введения ограничений вероятность возникновения «ловушки большой страны» существенно снижается, в то время как ускорение

введения санкций, снижающих физические объемы российского экспорта энергоносителей, резко повышает риски ценовой эскалации.

Наконец, важнейшую роль играют характеристики контрсанкционной политики России, включая как эффективность применяемых мер в рамках стратегии обхода санкций, так и решения, направленные на ограничение экспортных поставок для поддержания благоприятной рыночной конъюнктуры.

Отдельным вызовом для российской экономики выступает ужесточение вторичных санкций, что напрямую влияет как на возможности поставок российской продукции за рубеж, так и на обеспечение внутреннего рынка необходимыми иностранными потребительскими и инвестиционными товарами. В данном контексте необходимой представляется не только проработка инструментария обхода ограничений со стороны недружественных стран, но и смещение фокуса с «политики обхода санкций» и «политики компенсации санкций» [35] на структурную трансформацию отечественной экономики, основанную на стратегии обеспечения технологического суверенитета [36].

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать нарастание рисков для развития отечественной внешней торговли и экономики в целом, связанных с эскалацией санкционного давления со стороны недружественных стран. Сложившаяся ситуация требует выработки и реализации комплексной стратегии противодействия санкциям, включающей:

- превентивную разработку и имплементацию мер, направленных как на снижение эффективности санкций (в том числе за счет мероприятий по формированию благоприятной конъюнктуры мировых рынков, включая инициативное сокращение поставок на внешние рынки), так и на «обход» ограничений, включая совершенствование транспортной и финансовой логистики экспортных и импортных поставок (развитие инструментария «теневое» флота; совершенствование финансовой инфраструктуры и др.);

- выстраивание эффективной в условиях фрагментации системы внешне-экономических связей (в том числе, за счет работы по выходу на новые рынки нейтральных стран, развития кооперационных связей и совместного выстраивания научно-технологического контура с дружественными странами и др.), формирующей основу для стабильного обеспечения отечественной экономики необходимыми импортными товарами и сбыта отечественной продукции за рубежом, а также возможностей оперативной трансформации структуры контрагентов и изменения географии поставок;

- структурную трансформацию российской экономики, направленную на снижение зависимости от критического импорта и обеспечение технологического суверенитета, что «предполагает формирование нового контура научно-технологического развития» [36].

Литература

1. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 55. № 3. С. 218–226.
2. Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 34–51.

3. Внешняя торговля Российской Федерации товарами (по методологии платежного баланса) / Официальный сайт Банка России. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Ftrade%2F-trade.xls&wdOrigin=BROWSELINK.
4. *Снаптак А.Н.* Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35.
5. Динамика цен на нефть марки Brent / Официальный сайт Энергетического агентства США. URL: <http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRTE&f=D>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 года № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212270015?ysclid=lpqsl1tacc6539910720>.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. № 118 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301300036?ysclid=lpccoho911185696598>.
8. Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт» (Зарегистрирован 01.03.2023 № 72481). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303010025?ysclid=lpb7u0vcgy516563746&index=1>.
9. *Ушколова Д.И.* Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 43–60.
10. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. October 2023. IMF, Washington DC, 2023. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023?cid=ca-com-compd-pubs_belt.
11. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. World Bank, Washington, DC. 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/27189ca2-d947-4ca2-8e3f-a36b3b5bf4ba/content>.
12. IEA Oil Market Report 18 January 2024. International Energy Agency. 2024. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/41426881-fad3-496b-9a5c-8e58f45fa45a/-18JAN2024_OilMarketReport.
13. США ввели санкции против 42 китайских фирм из-за торговли с Россией / РБК, 6.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65203ad69a794724df5a5316?ysclid=m45w7nd3hn778979295>.
14. США ввели санкции против двух фирм за нарушение потолка цен на нефть / РБК, 12.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2023/6527f8679a794715e168c845?ysclid=m45w9kg9fj957327102>.
15. США добавили 3 нефтяных танкера и 3 компании в антироссийский санкционный список / Нефтегаз, 1.12.2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/805446-ssha-dobavili-3-neftyanykh-tankera-i-3-kompanii-v-antirossiyskiy-sanktsionnyy-sписок>.
16. США ввели санкции против «Победы» / РБК, 01.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/05/2024/663278959a7947e1807be23d?ysclid=m4615qrjzd686>.
17. Госдеп и Минфин ввели санкции в отношении 300 лиц за якобы помощь РФ в СВО / ТАСС, 12.06.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21080037?ysclid=m461gpi7ws415927937>.
18. 12-й пакет санкций ЕС против России. Что важно знать / РБК, 19.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/12/2023/65807aff9a794779f386ace3?ysclid=m45ycmv2h3838135>.
19. США запретили импорт российского алюминия, меди и никеля / РБК, 12.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2024/66199e029a794740728375bc?ysclid=m45zof8sk5813>.
20. Байден подписал закон о запрете на импорт урана из России / РИА Новости, 14.05.2024. URL: <https://ria.ru/20240514/uran-1945754903.html>.

21. ЕС принял 14-й пакет санкций против России / РБК, 24.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2024/66791af69a79479d110212cc?ysclid=m46rseat8p354323090>.
22. Как санкции США повлияют на карты «Мир» за рубежом и внешние расчеты / РБК, 23.02.2024. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/02/2024/65d8b1069a7947246563062c?ysclid=m45zed0ul113>.
23. США ввели санкции против Мосбиржи, проектов СПГ и ИТ. Главное / РБК, 12.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/06/2024/6669bf319a794784cc47eed5?ysclid=m461k-kisoy762990415>.
24. Корочкина А. «Коммерсантъ» узнал о пересмотре планов по СПГ-проектам «Новатэка» на фоне санкций // Forbes, 23.09.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/521712-kommer-sant-uznal-o-peresmotre-planov-po-spg-proektam-novateka-na-fone-sankcij?ysclid=m46skf5cbr335505673>.
25. Цветаев Л. «Сократить доходы России»: США расширили санкции против РФ на три нефтяных танкера и 20 компаний // Газета.ru, 17.11.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/11/17/17880613.shtml?ysclid=m45x3wyof5216943241>.
26. World Economic Outlook: Policy Pivot, Rising Threats. October 2024. IMF, Washington DC, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.
27. Запрет на транзит российского СПГ через порты ЕС вступит в силу через девять месяцев / ТАСС, 24.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21180283?ysclid=m46t916al5247627980>.
28. Будрис А. Опасный русский газ: почему «Арктик СПГ 2» стал главной целью санкций США // Forbes, 15.11.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/525090-opasnyj-russkij-gaz-pocemu-arktiki-spg-2-stal-glavnoj-cel-u-sankcij-ssa?ysclid=m46sajawm761909002>.
29. Как отразятся на участниках рынка новые санкции против банков РФ / Альта-софт, 25.11.2024. URL: https://www.altar.ru/external_news/114924/.
30. Динамика официального курса заданной валюты / Официальный сайт Энергетического агентства США. URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2024&UniDbQuery.To=03.12.2024.
31. Морозова А. Bloomberg узнал детали 15-го пакета санкций ЕС против России // Forbes. 26 ноября 2024 г. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/525835-bloomberg-uznal-deta-li-15-go-paketa-sankcij-es-protiv-rossii?ysclid=m47urpgb55529548456>.
32. Caprile A., Leclerc G. Russia's «shadow fleet»: Bringing the threat to light. European Parliamentary Research Service. European Union, 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI\(2024\)766242_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI(2024)766242_EN.pdf).
33. Resolution on EU actions against the Russian shadow fleets and ensuring a full enforcement of sanctions against Russia 2024/2885(RSP). European Parliament, 14.11.2024. URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2024/2885\(RSP\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2024/2885(RSP)).
34. Stavridis J. A Three-Step Plan for Stopping Putin's 'Shadow' Oil Tankers / Bloomberg, 16.10.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-10-16/a-three-step-plan-for-stopping-putin-s-shadow-oil-tankers>.
35. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–66.
36. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. Т. 64. № 3. С. 232–237.

Daria Ushkalova (e-mail: internationalmacro@inecon.ru)

Ph.D. in Economics, Head of the Center for International

Macroeconomics Research and Foreign Relations,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

RUSSIA'S FOREIGN TRADE: CHALLENGES AND LESSONS OF 3 YEARS OF SANCTIONS PRESSURE

The article examines in detail the stages of the sanctions pressure on Russia in 2022–2024 and its impact on the Russian economy, while analyzing the logic of the evolution of the sanctions regime and the specifics of the countermeasures used by Russia. The author distinguishes three stages of modern sanctions pressure, differing in the nature and direction of restrictions. It is shown that the current modification of the sanctions regime, which has been implemented since the end of 2023, is characterized by a progressive increase in the speed of unwinding the “sanctions spiral” focused on combating the sanctions circumvention strategy used by Russia (including through the expansion of secondary sanctions and measures against the Russian “shadow” fleet) and an actual return to the policy of limiting the physical volume of Russian exports cause increased risks for the development of Russian economy and foreign trade in 2025.

Keywords: anti-Russian sanctions, Russia's foreign trade, Russia's exports and imports, global prices, global commodity markets, the trap of a big country.

DOI: 10.31857/S0207367624120052

© 2024

УДК: 339.9

Артем Пылин

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: artem-pylin@yandex.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С ПОСТСОВЕТСКИМИ СТРАНАМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В статье исследуются тренды, проблемы и перспективы торговых связей России с постсоветскими государствами в контексте введенных Западом санкционных ограничений. Рассматриваются ключевые предпосылки нейтральности большинства стран СНГ в отношении антироссийских санкций. Анализируется динамика, структура и этапы торгового взаимодействия России с постсоветскими странами за период 2022–2024 гг. Отмечается важность действующих преференциальных торговых соглашений России со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и данного объединения с третьими странами в развитии посреднической торговли. Проводится типология стран региона в зависимости от интенсивности и характера их торговых связей с Россией.

Ключевые слова: Россия, СНГ, ЕАЭС, нейтральные страны, «страны-мосты», «страны-ворота», внешняя торговля, реэкспорт, санкции, геополитическая фрагментация.

DOI: 10.31857/S0207367624120063

Причины нейтральности стран СНГ в отношении санкций против России

Введенные в 2022–2024 гг. масштабные антироссийские санкции Запада привели к значительной трансформации внешнеэкономических связей России, в том числе — за счет активного наращивания взаимодействия со странами региона СНГ¹, особенно с государствами Южного Кавказа и Центральной Азии. Это стало возможным благодаря тому, что большинство стран СНГ (за исключением Украины и отчасти Молдовы²) не присоединилось к антироссийским санкциям [4], что позволило России частично смягчить негативные последствия от введенных ограничений, а странам региона получить значительные экономические преимущества. На фоне усиления геополитической фрагментации мировой экономики на постсоветские государства оказывается значительное политическое давление со стороны Запада в части необходимости соблюдения антироссийских

¹ В данной статье под постсоветскими государствами и странами региона Содружества Независимых Государств (СНГ) понимаются двенадцать государств постсоветского пространства – Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина.

² После начала Специальной военной операции на Украине официально заявлялось, что Молдова не присоединится к санкциям Запада против России, однако позднее был введен ряд ограничений. См.: Овчинникова Ю. Санду объяснила, почему Молдавия ввела санкции против России // РБК, 27 октября 2024 г. При этом по состоянию на конец 2024 г. Молдова (в отличие от Украины) не входит в перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических и физических лиц недружественные действия. См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р.

санкций, растут риски введения вторичных ограничений. И все же нейтральная позиция стран региона сохраняется, что обусловлено рядом причин.

Среди таких причин отмечается, во-первых, сильная зависимость от торговых, инвестиционных и миграционных связей с Россией, особенно в Беларуси и малых экономиках со сравнительно низким уровнем экономического развития (Кыргызстан, Таджикистан и Армения). При этом наиболее сильное влияние Россия по-прежнему оказывает через торговлю товарами и трансграничные переводы мигрантов (табл. 1). Такая зависимость во многом является результатом действующих преференциальных торговых режимов в рамках ЕАЭС и многосторонней ЗСТ СНГ, двусторонних ЗСТ России с Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном и Узбекистаном³, а также наличия взаимных безвизовых поездок граждан (за исключением Туркменистана)⁴.

Во-вторых, энергетическая зависимость стран—чистых импортеров углеводородов от поставок сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа из России, а также сложность замены российских энергоресурсов из-за сложившейся системы

Таблица 1

**Внешнеэкономические связи России со странами СНГ в 2019–2021 гг.,
% ВВП стран-партнеров**

Страны	Торговля товарами	Торговля услугами	Переводы из России	Накопленные ПИИ из России	Общий индекс влияния*
Беларусь	54,2	5,5	0,4	6,5	66,6
Кыргызстан	21,5	9,6	22,8	2,8	56,7
Таджикистан	13,3	7,2	24,2	4,9	49,6
Армения	17,2	4,9	7,0	8,4	37,5
Узбекистан	9,6	2,0	7,7	0,3	19,6
Казахстан	11,3	2,1	0,3	2,0	15,7
Грузия	8,2	1,8	3,2	2,2	15,4
Молдова	8,3	2,3	2,6	2,1	15,3
Азербайджан	6,0	1,0	2,0	0,5	9,5
Украина	5,3	0,9	0,3	1,9	8,4
Туркменистан	1,5	0,5	0,0	0,0	2,0
СНГ-11 (ср. арифм.)	14,2	3,4	6,4	2,9	26,9

* Сумма всех четырех каналов взаимодействия.

Примечание: все показатели рассчитаны на основе номинальных (текущих) цен.

Источники: составлено и рассчитано автором по данным ЦБ РФ, ITC Trade Map, IMF Coordinated Direct Investment Survey, IMF World Economic Outlook database April 2023.

³ WTO. Regional trade agreements Database // <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.asp>

⁴ Для Грузии безвизовый режим действует в одностороннем порядке (для российских граждан в течение 1 года); на Украине для российских граждан требуется виза (в одностороннем порядке). См.: Режим въезда граждан в иностранные государства // https://www.mid.ru/ru/useful_information/information/entrance_mode/

их транспортировки, в том числе по магистральным нефте- и газопроводам. Так, в 2021 г. зависимость Армении от российских топливно-энергетических товаров составляла 75,4%, Кыргызстана – 84,6%, Таджикистана – 52,7%, Грузии – 20,3%⁵.

В-третьих, транзитная зависимость имеющих внутриконтинентальное положение стран СНГ от движения товаров и услуг через территорию РФ с последующим выходом на рынки ЕС и Китая. Так, например, через российскую территорию, ее трубопроводную, железнодорожную и портовую инфраструктуру осуществляется более 80% экспорта казахстанской нефти на зарубежные рынки [3]. При сравнительно невысокой зависимости Казахстана от России по рассмотренным выше четырем каналам воздействия именно транзит основных товаров казахстанского экспорта в значительной степени зависит от РФ [5], в том числе в рамках Каспийского трубопроводного консорциума.

В-четвертых, технологическая и инновационная слабость собственных, преимущественно небольших по размеру национальных экономик вынуждает страны СНГ сохранять сложившиеся ранее торговые связи с Россией – крупнейшим рынком сбыта их товаров, в том числе со средней и высокой долей добавленной стоимости. В наибольшей степени от крупного российского рынка сбыта в 2021 г. зависели страны-партнеры по ЕАЭС – Беларусь (доля РФ в экспорте товаров составляла 40,9%), Армения (26,8%) и Кыргызстан (24,9%). В то же время на Россию приходилась почти $\frac{1}{4}$ всего экспорта машин, оборудования и транспортных средств из Казахстана, а также 71,3 и 22,0% всего экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья Азербайджана и Узбекистана соответственно⁶.

В-пятых, проживающая в России многочисленная диаспора из стран СНГ, а также выходцы из этих стран (Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Узбекистана), являющиеся представителями крупного российского бизнеса, не были заинтересованы во введении антироссийских санкций. Более того, именно диаспора впоследствии сыграла важную роль в минимизации санкционного давления на российский бизнес и граждан.

Учитывая экономическое и политическое влияние России, на которую приходится свыше $\frac{2}{3}$ совокупного ВВП (ППС) и $\frac{1}{2}$ численности населения государств постсоветского пространства⁷, страны СНГ стремятся избежать открытой конфронтации с Москвой. При этом далеко не все страны региона обладают достаточно эффективной бюрократией, чтобы технически контролировать выполнение санкционных требований. В текущих условиях санкции Запада серьезно ограничивают торговлю, предлагая нейтральным странам мало стимулов для их соблюдения [9]. При этом выгоды от торговли с Россией заметно превосходят возможные риски от введения штрафных санкций.

Таким образом, в условиях значимости экономики России при ограниченной странами Запада санкционной коалиции для стран СНГ сработали эффекты «логики арбитража» (*'logic of arbitrage'*) [8], когда введенные антироссийские ограничения создают для них дополнительные стимулы и ренту. Иными словами, в этой

⁵ Расчеты автора на основе кода ТН ВЭД 27 по данным ИТС. Trade Map.

⁶ Расчеты автора по данным ИТС. Trade Map.

⁷ Расчеты автора по состоянию на 2021 г. по данным IMF. World Economic Outlook Database, October 2024.

ситуации экономическая заинтересованность не присоединившихся к санкциям стран во взаимодействии с санкционной Россией не снижается, а повышается. В результате страны СНГ стремились не только сохранить прежние торгово-экономические связи с Россией, но и заметно нарастить их за счет открывшихся возможностей посреднической (транзитной) торговли, в том числе в рамках разрешенного российскими властями параллельного импорта.

Однако по мере ужесточения санкций Запада против РФ и повышения контроля за их соблюдением третьими странами возрастали риски введения вторичных санкций. По оценкам РСМД, под вторичные санкции США за связи с Россией в период с февраля 2022 г. до конца первого полугодия 2024 г. попали 494 компании из 57 стран⁸. Наибольшее количество таких компаний оказалось в Китае, ОАЭ, Турции, Кипре и Швейцарии. Главной причиной введения вторичных санкций стали поставки электроники и промышленных товаров, а также помощь в обходе санкций подпавшим под них лицам. Среди стран СНГ попавших под вторичные санкции фирм оказалось немного: в Кыргызстане — 10 компаний, в Молдове — 8, в Беларуси — 7, в Казахстане — 4, в Армении — 3, в Азербайджане — 2, в Грузии и Таджикистане — по одной компании. Это во многом объясняется более низкими объемами внешней торговли данных стран по сравнению с КНР, отсутствием там крупного финансового хаба по примеру ОАЭ и собственных высокотехнологичных производств.

На практике в странах СНГ не столько государство пытается делать бизнес в обходе санкционной политики, сколько большое количество частных компаний, которые, в том числе, пользуются таможенным режимом ЕАЭС. В то же время, со стороны западных компаний сохраняется интерес в том, чтобы не уходить с российского рынка, а продолжить на нем присутствовать через посредников.

И все же говорить о полном игнорировании антироссийских санкций Запада странами СНГ не приходится. Страны региона были вынуждены соблюдать отдельные финансовые ограничения против России. В частности, страны региона объявили о полном (Узбекистан и Кыргызстан) или частичном (Армения, Казахстан, Молдова, Таджикистан) прекращении обслуживания карт российской платежной системы «Мир»⁹. В 2024 г. возникли проблемы с платежами бизнеса из РФ через банки Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, где заметно возросла доля отказов и удлинились сроки проведения платежей¹⁰. При этом в Казахстане заявляют о том, что не будут соблюдать санкции против России в ущерб своим производствам, но в то же время не намерены и становиться страной для обхода ограничений¹¹, что во многом отражает позиции других стран СНГ и свидетельствует о гибкости позиции в отношении санкционной политики.

⁸ Лакстыгал И. С 2022 года почти 500 фирм коснулись вторичные санкции США за связи с Россией. Ведомости, 26 июля 2024 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/26/1052165-s-2022-goda-pochti-500-firm-kosnulis-vtorichnie-sanktsii-ssha>

⁹ В каких странах действует карта «Мир». ТАСС. 11 ноября 2024 г. URL: <https://tass.ru/infographics/9561>

¹⁰ Фейнберг А. Банки Средней Азии стали чаще отказывать в платежах бизнесу из России. РБК, 25 июля 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/finances/25/07/2024/669f9f899a7947f6c5fc1899>

¹¹ Зыкина Т. В Казахстане рассказали, какие санкции против России не будут соблюдать. РБК, 01 декабря 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/12/2024/674c54819a794749d71e9eea>

Тренды торгового взаимодействия РФ со странами СНГ в 2022–2024 гг.

Для оценки торгового взаимодействия РФ с постсоветскими странами в 2022–2024 гг. воспользуемся данными «зеркальной статистики» на основе Международного торгового центра (ИТС)¹² и национальных статистических служб стран региона. Совокупные темпы прироста стоимостных объемов экспортно-импортных операций за два года (2022–2023 гг.) рассчитывались по отношению к аналогичным показателям суммарно в 2019 и 2021 г. (2020 г. был исключен из-за пандемии COVID-19).

Российский экспорт в страны СНГ (без учета Украины) характеризовался более умеренной динамикой по сравнению с поставками за пределы стран региона в связи с его более диверсифицированной структурой (меньшей долей топливно-энергетических товаров и, соответственно, меньшей подверженностью ценовым колебаниям). За рассматриваемый период экспорт товаров из России в страны СНГ (без учета Украины) вырос на 6,3% и достиг 59,4 млрд долл., или 14,0% всего товарного экспорта страны (табл. 2). В 2022–2023 гг. отмечались наиболее высокие (80–99%) темпы прироста российского экспорта в Армению и Грузию, умеренно высокие (34–42%) – в Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Азербайджан. В то же время экспорт из России в Казахстан (ключевого партнера в регионе после Беларуси) вырос незначительно (на 5,9%), а поставки в Молдову и Украину упали на 16,0 и 88,2% соответственно.

Столь высокие темпы прироста стоимостного экспорта из РФ в Армению были обусловлены поставками золота и драгоценных камней (алмазов)¹³, которые впоследствии реэкспортировались в ОАЭ и Гонконг. Значительные поставки в Грузию определялись преимущественно растущими объемами закупок российского природного газа и нефтепродуктов на фоне роста внутреннего потребления¹⁴. Увеличение товарного экспорта из России в Азербайджан также было обусловлено значительным ростом стоимостных и физических объемов поставок сырой нефти и нефтепродуктов на фоне снижения внутреннего нефтяного производства в республике¹⁵, а также растущими объемами вывоза плоского проката из железа или нелегированной стали. В Таджикистане и Узбекистане прирост поставок происходил за счет увеличения стоимостных объемов закупки российских нефтепродуктов, черных металлов и лесоматериалов; в Кыргызстане – нефтепродуктов, легковых автомобилей и черных металлов.

Таким образом, в 2022–2023 гг. товарный экспорт из России в постсоветские государства во многом определялся растущими поставками топливно-энергетических

¹² ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>

¹³ В июле 2022 г. Евросоюз запретил покупки российского золота в рамках 6-го пакета санкций; в декабре 2023 г. ЕС также ввел запрет на импорт российских алмазов в рамках 12-го пакета санкций.

¹⁴ Georgia Increased Natural Gas Imports from Russia by 16.5% in 2023. Civil Georgia. 24.01.2024. URL: <https://civil.ge/archives/578743>

¹⁵ По данным ITC Trade Map, экспорт из России в Азербайджан сырой нефти вырос со 199,6 тыс. т (2022 г.) до 1,3 млн т (2023 г.); поставки нефтепродуктов – с 64,5 тыс. т (2021 г.) до 152,7 тыс. т; экспорт нефтяного газа и прочих газообразных углеводородов – с 8,0 т (2021 г.) до 350,5 тыс. т (2023 г.). По данным Energy Institute Statistical Review of World Energy, добыча азербайджанской нефти сократилась с 34,6 млн т (2021 г.) до 30,2 млн т (2023 г.). В то же время экспорт сырой нефти из Азербайджана в ЕС снизился с 18,9 млн т (2021 г.) до 18,7 млн т (2023 г.), а ее поставки в Турцию – возросли с 690,6 тыс. т (2021 г.) до 1,2 млн т.

Таблица 2

Динамика экспорта товаров России в страны СНГ, млн долл.

Страны	2021	2022	2023	Темпы прироста, %		
				2022 к 2021	2023 к 2022	2024 к 2023*
Азербайджан	2 074,4	2 734,8	3 162,3	31,8	15,6	12,5
Армения	1 785,0	2 637,1	3 887,4	47,7	47,4	269,1
Беларусь	23 659,5	23 070,0	23 780,8	−2,5	3,1	...
Грузия	1 023,1	1 835,6	1 744,8	79,4	−4,9	−11,0
Казахстан	17 605,5	17 880,6	16 192,2	1,6	−9,4	2,1
Кыргызстан	1 911,5	2 406,0	2 182,9	25,9	−9,3	16,4
Молдова	1 053,9	1 145,3	321,6	8,7	−71,9	−39,5
Таджикистан	1 280,5	1 585,7	1 565,3	23,8	−1,3	...
Узбекистан	5 462,2	6 230,7	6 576,1	14,1	5,5	26,5
Украина	6 083,5	1 541,6	...	−74,7
СНГ**	61 939,1	61 067,4	59 413,4	−1,4	−2,7	...
СНГ** без Украины	55 855,6	59 525,8	59 413,4	6,6	−0,2	...
Общий экспорт РФ	493 096,1	592 500,0	425 100,0	20,2	−28,3	0,5
Доля СНГ** в общем экспорте РФ, %	12,6	10,3	14,0	—	—	—
Доля СНГ** без Украины в общем экспорте РФ, %	11,3	10,0	14,0	—	—	—

* Январь—август.

** Без учета Туркменистана, по которому отсутствуют статистические данные.

Источники: составлено и рассчитано автором по данным национальных статистических служб; ITC Trade Map.

товаров на фоне увеличения потребностей стран Южного Кавказа и Центральной Азии в энергоресурсах, а также поставками черных металлов и изделий из них, лесоматериалов. Значимым российским товаром в странах региона оставалась пшеница. При этом в некоторых случаях страны региона (например, Армения) частично использовались для сохранения поставок на мировые рынки отдельных российских товаров (золота¹⁶ и драгоценных камней) после введения санкционных ограничений.

Импорт России из стран СНГ (без учета Украины) рос более высокими темпами, как по сравнению с российским экспортом в страны региона, так и с общим импортом страны. За два года санкций импорт Россией товаров из стран СНГ (без учета Украины) увеличился на 56,3% и достиг 44,6 млрд долл., или 15,7% всего товарного импорта страны (табл. 3). В 2022—2023 гг. самые высокие темпы

¹⁶ По данным ITC Trade Map, до введения санкций в 2021 г. основным покупателем российского золота была Великобритания, на которую приходилось 88,6% всего золотого экспорта страны.

прироста российского импорта приходились на Армению (в 3,8 раза) и Кыргызстан (в 2,7 раза), а также Таджикистан (90,9%), Беларусь (59,9%), Казахстан (47,1%) и Узбекистан (43,9%). Сравнительно более умеренные темпы прироста импорта Россией отмечались в Азербайджане (32,0%) и Грузии (8,3%), в то же время наблюдался обвал ввоза в РФ из Молдовы и Украины – на 36,5 и 92,6% соответственно.

Прирост российского импорта из стран СНГ во многом определялся значительно возросшими объемами поставок высокотехнологичной машинотехнической продукцией, которая попала под запрет на ввоз в РФ из-за санкций недружественных государств и/или из-за ухода части западных компаний из страны. Именно страны–члены ЕАЭС (Армения, Кыргызстан и Казахстан) благодаря своему участию в таможенном союзе с Россией обеспечили высокотехнологичными товарами российский рынок в рамках разрешенного властями РФ параллельного импорта. Как известно, отсутствие таможенных границ внутри ЕАЭС упрощает такие поставки. Эти страны приобрели новую торгово-посредническую функцию, выступая не только в виде нейтральных по отношению к антироссийским санкциям государств, но и в качестве «стран-мостов», «стран-ворот».

Таблица 3

Динамика импорта товаров России из стран СНГ, млн долл.

Страны	2021	2022	2023	Темпы прироста, %		
				2022 к 2021	2023 к 2022	2024 к 2023*
Азербайджан	920,8	975,5	1 196,4	5,9	22,6	–3,4
Армения	793,9	2 462,8	3 418,6	210,2	38,8	–19,5
Беларусь	16 370,3	22 826,5	25 241,7	39,4	10,6	...
Грузия	610,1	642,4	657,0	5,3	2,3	18,6
Казахстан	7 018,7	9 091,4	9 788,2	29,5	7,7	–11,7
Кыргызстан	393,3	1 069,7	747,8	172,0	–30,1	16,5
Молдова	276,1	190,1	144,1	–31,1	–24,2	–13,8
Таджикистан	72,5	88,2	134,7	21,7	52,7	...
Узбекистан	2 088,2	3 151,1	3 307,6	50,9	5,0	23,6
Украина	3 414,1	492,8	...	–85,6
СНГ**	31 958,0	40 990,5	44 636,1	28,3	8,9	...
СНГ** без Украины	28 543,9	40 497,7	44 636,1	41,9	10,2	...
Общий импорт РФ	293 531,2	255 300,0	285 100,0	–13,0	11,7	–6,5
Доля СНГ** в общем импорте РФ, %	10,9	16,1	15,7	–	–	–
Доля СНГ** без Украины в общем импорте РФ, %	9,7	15,9	15,7	–	–	–

* Январь–август.

** Без учета Туркменистана, по которому отсутствуют статистические данные.

Источники: составлено и рассчитано автором по данным национальных статистических служб; ITC Trade Map.

В 2023 г. по сравнению с 2021 г. импорт машин, оборудования и транспортных средств (коды ТН ВЭД 84–90) в Россию из Армении вырос с 52,5 млн долл. до 1,7 млрд долл., из Кыргызстана – с 36,9 млн долл. до 305,7 млн долл., Казахстана – с 471,2 млн долл. до 2,6 млрд долл. При этом каждая из трех стран имела свою специализацию. Так, Армения поставляла на российский рынок смартфоны, легковые автомобили, мониторы и проекторы, алмазы, компьютеры, ювелирные изделия, пылесосы и кондиционеры; Кыргызстан – посудомоечные машины, легковые автомобили и комплектующие, двигатели и запчасти для них, печатные машины, электронные интегральные схемы, приборы, холодильники; Казахстан – легковые автомобили и комплектующие, подшипники, компьютеры, тракторы, смартфоны, мониторы и проекторы, арматуру для трубопроводов, бульдозеры, насосы и другую продукцию. При этом Россия импортирует из Казахстана широкий ассортимент продукции [7]. Кыргызстан же оказался наиболее привлекательной для параллельного импорта автомобилей страной, поскольку предлагает машины, их транзит и услуги таможенного оформления по более низким ценам¹⁷, что позволяет стране выступать в качестве транспортного хаба.

На географию ввозимых в страны региона товаров для их последующего реэкспорта в РФ влияют заключенные ранее преференциальные торговые соглашения между государствами–членами Евразийского экономического союза и третьими странами, прежде всего ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. В 2023 г. Вьетнам вышел на 3-е место среди торговых партнеров Армении по товарному импорту: его доля выросла с 0,7% в 2021 г. до 6,8%. За последние два года резко выросли поставки на армянский рынок вьетнамских товаров, среди которых доминировала бытовая техника и электроника (смартфоны, мониторы, компьютеры, наушники, пылесосы) и медицинские приборы. В целом армянский импорт машин, оборудования и транспортных средств из Вьетнама вырос с 21,1 млн долл. в 2021 г. до 778,5 млн долл. в 2023 г. В то же время заметно выросла доля США в армянском импорте – с 2,0% до 4,6%.

Резкий рост экспорта из Кыргызстана в Россию совпал по времени с бурным ростом кыргызского импорта из КНР, что косвенно может свидетельствовать о реэкспорте китайских товаров в РФ. За последние два года заметно выросли поставки на кыргызстанский рынок товаров из Республики Корея, США, Германии и Японии. При этом в Кыргызстане сохраняется крупный дефицит по счету текущих операций и очень высокий уровень ошибок и пропусков, что скорее всего обусловлено занижением размеров импорта, предназначенного для реэкспорта [1. С. 15]. В то же время в Казахстане наблюдался значительный рост товарного импорта из Китая, а также росли поставки из США и Республики Корея.

Таким образом, реэкспорт через Армению, Кыргызстан и Казахстан стал одним из ключевых механизмов проникновения западных товаров на рынок России в первые два года антироссийских санкций. При этом эти же страны стали связующими звеньями между Россией и Грузией в части поставок автомобилей.

¹⁷ Автомобили из Кыргызстана – особенности оформления и новые подводные камни. 21 ноября 2023 г. URL: <https://carvizer.ru/article/collection/avtomobili-iz-kyrgyzstana-osobennosti-otformleniya-i-novye-podvodnye-kamni-obzor-skandalnogo-postanov/>

Грузия весьма осторожно подходит к соблюдению антироссийских санкций, но при этом стремится использовать свой транзитный потенциал и соседнее с Россией положение. Так, на третьем году ограничений Грузия также стала выполнять торгово-посреднические функции, но не напрямую, а через государства—члены ЕАЭС. Так, за январь—октябрь 2024 г. главными экспортными рынками Грузии впервые становятся Кыргызстан (19,2%) и Казахстан (13,1%), а также Армения (пятый по значимости партнер с 9,4%) за счет поставок легковых автомобилей, на которые теперь приходится свыше $\frac{1}{3}$ грузинского экспорта¹⁸. Далее большая часть ввезенных из Грузии автомобилей идет из этих стран в Россию. Текущие поставки автомобилей через третьи страны обусловлены тем, что в августе—сентябре 2023 г. грузинские власти запретили реэкспортировать в РФ американские и европейские машины¹⁹, что и привело к необходимости переправки автомобилей из Грузии в Россию через государства—члены ЕАЭС, с которыми у РФ единое таможенное пространство. Однако в среднесрочной перспективе ожидается сокращение реэкспорта в Россию из Армении и Грузии [2. С. 14].

За прошедшие неполные три санкционных года заметно изменились не только структура и характер торгового взаимодействия России со странами СНГ, но и поменялась их месячная динамика, что хорошо видно на примере Армении и Казахстана (рис. 1).

На *первом этапе* (с мая по декабрь 2022 г.) отмечались наиболее высокие месячные показатели поставок товаров из стран региона в Россию. При этом чуть ранее российскому бизнесу потребовалось буквально 1–2 месяца после введения масштабных санкций Запада в феврале 2022 г. на перестройку своих транспортно-логистических цепочек и поиск новых партнеров в странах ЕАЭС и СНГ. Значительный рост российского импорта в этот период также поддерживался укреплением курса рубля к доллару США.

На *втором этапе* (с января по июль 2023 г.) наблюдалась некоторая стабилизация ежемесячных объемов поставок импортных товаров по мере насыщения российского рынка, начала реализации новых программ импортозамещения и ослабления курса национальной валюты.

На *третьем этапе* (с августа 2023 г. по июнь 2024 г.) отмечалась неравномерная динамика с преобладанием нисходящих трендов на фоне достигнутой высокой базы, что во многом было обусловлено дальнейшим ужесточением санкционной политики Запада и повышением риска введения вторичных санкций, а также неустойчивой динамикой валютного курса российского рубля. Кроме того, в октябре 2023 г. Казахстан был вынужден полностью ограничить экспорт 106 видов товаров (казахстанских и иностранных производителей) из-за санкций²⁰. В итоге за январь—август 2024 г. российский импорт из Армении снизился на 19,5%, из Казахстана — на 11,7% (см. табл. 3).

В результате действия антироссийских санкций Запада существенно изменилась конфигурация торгового взаимодействия России со странами СНГ, которые

¹⁸ National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/637/export>

¹⁹ Иванов С. Автомобили из Грузии все равно попадут в Россию. Эксперты все объяснили. Autonews, 4 августа 2023 г. URL: <https://www.autonews.ru/news/64cbb2a69a7947b93088dd7c>

²⁰ Казахстан полностью ограничил экспорт 106 видов товаров из-за санкций. Интерфакс, 19 октября 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/926625>

Рис. 1. Динамика российского импорта товаров из Армении и Казахстана в период с января 2021 г. по июнь 2024 г.

Источники: составлено и рассчитано автором по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, ITC Trade Map, Russian foreign trade tracker.

в большинстве своем сохранили нейтральный по отношению к введенным ограничениям статус. Все страны постсоветского пространства²¹ в зависимости от динамики и характера их торговых связей с Россией в 2022–2023 гг. (рис. 2) условно можно разделить на три группы.

1. *Страны с наиболее высокими темпами прироста торговли с Россией* (Армения, Кыргызстан и Таджикистан), достигнутыми преимущественно за счет опережающего роста экспорта и реэкспорта высокотехнологичных товаров на российский рынок, в том числе в рамках разрешенного параллельного импорта.

2. *Страны с умеренно высокими темпами торгового взаимодействия с РФ* (Грузия, Узбекистан, Азербайджан, Беларусь, Казахстан) – в этой группе стран характер наращивания взаимной торговли отличался. Если Азербайджан и Узбекистан примерно равными темпами наращивали экспортно-импортные операции с Россией, то в Грузии значительно опережающими темпами росли поставки из РФ, а в Беларуси и Казахстане – экспорт и реэкспорт товаров на российский рынок.

3. *Страны с падающими объемами торгового сотрудничества с Россией* (Молдова, Украина), что обусловлено военной конфронтацией России и Украины, а также полным или частичным присоединением этих стран к антироссийским санкциям Запада на фоне общего ухудшения политических отношений.

²¹ За исключением Туркменистана, по которому нет соответствующей статистической информации.

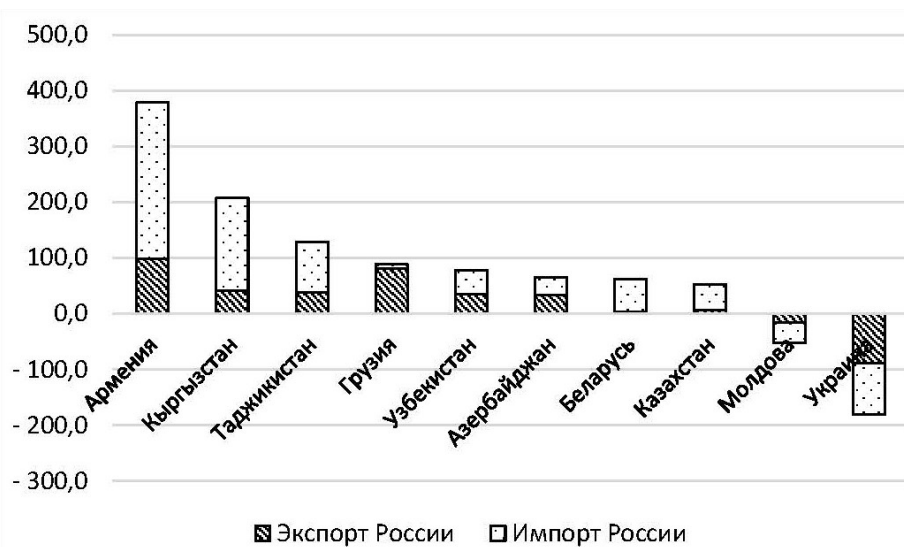

Рис. 2. Темпы прироста внешней торговли товарами России со странами СНГ в 2022–2023 гг. по сравнению с 2019 и 2021 г., %

Примечание: расчеты проводились на основе данных «зеркальной статистики».

Источники: составлено и рассчитано автором по данным ITC Trade Map; Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан; Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Таким образом, масштабные санкции Запада против России за почти три года их реализации не привели к обрушению торгово-экономических связей РФ с постсоветскими государствами. Сохранение нейтралитета по отношению к введенным ограничениям позволило значительно нарастить торговое взаимодействие России и стран СНГ. Как следствие, повысилась региональная связанность постсоветского пространства, что потенциально укрепляет устойчивость стран региона к внешним шокам. При этом по-прежнему сохраняется значительный потенциал по дальнейшему углублению торгово-экономического взаимодействия России со странами ЕАЭС и СНГ (особенно с Казахстаном, Узбекистаном и Азербайджаном), которые нуждаются в российских энергоресурсах и продовольствии, а также в крупном рынке сбыта своих товаров в России.

Однако западные санкции, введенные против России и Беларуси, меняют характер межгосударственных отношений внутри данного объединения за счет усиления рисков взаимодействия в долгосрочной перспективе. В условиях нарастающей геополитической фрагментации глобального экономического пространства [6] ожидается усиление давления со стороны Запада на нейтральные страны СНГ с целью ослабить их экономическое взаимодействие с Россией посредством ужесточения контроля за соблюдением режима санкций. В этой связи необходима разработка концепции взаимодействия России с постсоветскими государствами как важнейшим сегментом «пояса соседства» с учетом национальных интересов всех стран региона, а также позиций внерегиональных участников (ЕС, Китая, Турции).

Литература

1. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Осень 2024. Washington DC. Всемирный банк. 2024. 64 с.
2. Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия. Октябрь 2024 года. Washington, DC. Международный валютный фонд. 2024. 52 с.
3. Путин В. Россия—Казахстан: союз, востребованный жизнью и обращенный в будущее // «Казахстанская правда», 27 ноября 2024 г.
4. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН. 2022. 118 с.
5. Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений: Коллективная монография / Отв. ред. А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН. 2021. 232 с.
6. Хейфец Б.А. Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства? : Научный доклад. М.: ИЭ РАН. 2024. 110 с.
7. *Astrov V., Scheckenhofer L., Semelet C., Teti F.* Monitoring the Impact of Sanctions on the Russian Economy. Quarterly Report Vol. 2. Econpol Policy Report. 2024 February. 20 p.
8. *Libman A.* Dynamics of Isolation in Conditions of Fragmentation: The Results of Two Years of the Sanctions Experiment. Re:Russia, June 2024.
9. *Li H., Li Z., Park Z., Wang Y., Wu J.* To Comply or Not to Comply: Understanding Neutral Country Supply Chain Responses to Russian Sanctions. CEPR, 25 Sep 2024. Available at SSRN 4817589.
10. Statistical Review of World Energy 2024. The Energy Institute. London, 2024. 72 p.

Artem Pylin (e-mail: artem-pylin@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S FOREIGN TRADE INTEGRATION WITH POST-SOVIET COUNTRIES IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

The paper examines the trends, problems and prospects of Russia's trade relations with post-Soviet states in the context of sanctions imposed by the West. The key prerequisites for the neutrality of most CIS countries with regard to anti-Russian sanctions are considered. The dynamics, structure and stages of Russia's trade interaction with post-Soviet countries for the period 2022–2024 are analyzed. The importance of the current preferential trade agreements between Russia and the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) and this association with third countries in the development of intermediary trade is noted. A typology of countries in the region is carried out depending on the intensity and nature of its trade relations with Russia.

Keywords: Russia, CIS, EAEU, neutral countries, “bridge countries”, “gateway countries”, foreign trade, re-export, sanctions, geopolitical fragmentation.

DOI: 10.31857/S0207367624120063

© 2024

УДК: 339.9

Илья Медведев

научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: ilya13092@yandex.ru)

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СГ–ЕАЭС–БРИКС: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование посвящено анализу торгово-экономического взаимодействия Союзного государства (далее – СГ), ЕАЭС и БРИКС+. Цель работы проанализировать тенденции развития экономического сотрудничества в рамках СГ–ЕАЭС со странами БРИКС+, выявить потенциальные направления развития экспорта России и стран указанных объединений. Для оценки тенденций торгово-экономических отношений в рамках СГ и ЕАЭС используются индексы интенсивности торговли, что позволяет определить наиболее перспективных торговых партнеров среди стран БРИКС+. В ходе исследования также обнаружена необходимость оценки потенциала и перспектив увеличения экспорта стран СГ и ЕАЭС в страны БРИКС+. Для решения этой задачи произведена оценка индекса склонности к экспорту стран СГ и стран ЕАЭС в страны БРИКС+, что позволило выявить пределы и средства для реализации возможных программ сопряжения развития формата СГ, ЕАЭС со странами расширенного формата БРИКС+.

Ключевые слова: Союзное государство, ЕАЭС, БРИКС+, торговые индексы, связанность.

DOI: 10.31857/S0207367624120074

Введение

После событий февраля 2022 г. в России произошло определенное переосмысление внешнеторговой стратегии, которая стала исходить из необходимости диверсификации экспорта и поиска новых торговых партнеров. Новые реалии на внешнем контуре потребовали от России реформирования подходов во внешнеэкономической деятельности. На первый план вышло развитие взаимоотношений со странами, не присоединившимися к антироссийским санкциям. Сейчас на их долю приходится более половины российской внешней торговли – около 60% товарооборота по итогам 2022 г. Появились перспективы усиления экономического сотрудничества и взаимодействия с Индией, странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Боливия, Никарагуа), странами Африки (Египет, ЮАР, Кения, Нигерия и Эфиопия), а также странами ЕАЭС и СНГ [1]. На этом фоне можно наблюдать активизацию интеграционных процессов в рамках существующих форматов экономического взаимодействия между странами постсоветского пространства (далее – ПСП). Одним из таких форматов взаимодействия, которому посвящено данное исследование, является Союзное государство (далее – СГ) и его роль в развитии разноуровневых проектов регионализации. Обращаясь к работам, посвященным анализу перспективных направлений развития СГ, можно выделить тезис о том, что в последние годы произошел качественный скачок в развитии объединения. Новое качество проявляется в создании предпосылок

развития миссии СГ как инновационного ядра евразийских интеграционных проектов в контексте сопряжения евразийской интеграции с дружественными странами и объединениями, к которым можно отнести новый формат БРИКС+, в который вошли многие страны, ставшие новыми торговыми партнерами России [2].

Тенденции торгово-экономических отношений в рамках Союзного государства, ЕАЭС и БРИКС

Предваряя анализ современного состояния внешнеторгового взаимодействия и возможностей сопряжения рассматриваемых стран и интеграционных проектов, важно обобщить и выделить основные методы, которые используются как отечественными, так и зарубежными авторами при исследовании интеграционного взаимодействия между странами. Как правило, при исследовании интеграционных процессов авторы часто прибегают к исследованию двусторонних торговых связей между странами и факторов, влияющих на их развитие. Так, можно выделить исследования международной торговли, включающие в себя исследование динамики и соотношения мировой торговли в цифровом сегменте и общего мирового товарооборота, выявление темпов этой динамики, установление ее закономерностей с выделением позиции стран-лидеров мировой торговли высокотехнологичными товарами, а также место и роль в нем России с использованием сравнительной оценки динамики и тенденций развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. В этом случае, как правило, ведется исследование динамики экспорта и импорта товаров высоких технологий, сальдо внешней торговли, доля этой торговли среди стран–лидеров в мировой торговле и во внешней торговле этих стран в целом и сопоставление сформировавшегося тренда с общим трендом развития мировой торговли [3].

Указанный подход позволяет выделить степень развития внешнеторгового взаимодействия по отдельным странам с выделением регионального лидера, однако одновременно с этим остается ряд таких важных факторов, как население страны, фактор логистики и расстояния, развитости инфраструктуры и прочие факторы, которые не получают достаточного освещения с помощью представленного метода анализа.

По этой причине для анализа внешней торговли ряд исследователей прибегают к использованию гравитационной модели внешней торговли. Гравитационная модель включает географическую перспективу как функцию двух критериев: масса (ВВП, основные фонды, численность населения и т.д.) и расстояние. Часто с помощью данной модели пытаются объяснить связь между двумя экономическими центрами их двусторонними связями, предполагая, что инфраструктура и институциональные рамки способствуют расширению взаимодействия между странами. Как пример, гравитационная модель может использоваться для оценки изменения объема грузовых перевозок, которые могут возникнуть в результате повышения эффективности затрат на транспортировку в результате усовершенствования транспортных коридоров. Однако гравитационная модель также не лишена недостатков, которые могут проявляться как в высоких значениях погрешности, так и показателях, при которых страны могут нарушать сам принцип данной модели. В качестве

примера тезиса можно привести исследование торговли среди стран БРИКС и те выводы, которые были получены при анализе объединения с применением гравитационной модели. В частности, помимо чрезвычайно высокой погрешности данных для Индии и ЮАР, показано выполнение «антигравитационного» закона для Бразилии, где объем импорта возрастает с ростом удаления страны-контрагента с тенденцией к увеличению. К причинам такого явления относят то, что импорт составляют специфичные товары, т.е. это те товары, аналогов которых в Бразилии попросту нет [4].

Кроме того, при гравитационном моделировании достаточно сложно исследовать изменения в политической сфере. Проблема состоит в том, что в гравитационную модель сложно включить переменную в виде проводимой политики стран [5]. Также важно подчеркнуть, что само применение гравитационной модели является достаточно сложным и трудоемким процессом, который требует очень обширную базу данных для расчета корреляций. Стоит отметить, что для построения надлежащей гравитационной модели обычно используют индексы и данные Всемирного банка, которые могут как публиковаться с задержкой, так и вовсе отсутствовать ввиду непредоставления статистики некоторыми странами, что значительно затрудняет построение объективной гравитационной модели торговли.

Переходя к исследованию процессов внешнеторгового и интеграционного взаимодействия в рамках рассматриваемых объединений, необходимо выделить специфику, в условиях которой производится оценка факторов, влияющих на перспективы развития торговых потоков экспорта стран ЕАЭС, СГ и России, Белоруссии, в частности. В данном исследовании интеграция понимается как результат асимметричных двусторонних отношений, т.е. как двусторонних — между двумя экономиками, так и асимметричных — различающихся в зависимости от того, чья точка зрения наблюдается.

Оценка путей достижения задачи увеличения экспорта стран ЕАЭС производится с помощью торговых индексов. Предполагается, что выводы, сделанные в результате расчета торговых индексов, позволят выделить те страны ЕАЭС и БРИКС, развитие торговли с которыми принесет наибольший эффект для экономик стран СГ. В первую очередь рассмотрен индекс интенсивности торговли (trade intensity index или сокр. ТИ), используемый в аналитических отчетах Всемирного банка и ООН [6]¹. С помощью данного индекса можно определить важность взаимного экспорта стран СГ, ЕАЭС и БРИКС по сравнению с общемировым экспортом стран рассматриваемых объединений. Правила интерпретации индекса интенсивности торговли представлены на рис 1.

Важно подчеркнуть, что интерпретация индекса также может зависеть и от того, анализируются ли показатели стран в статике или динамике. Так,

¹ Индекс интенсивности торговли рассчитан по следующей формуле:
$$\frac{\sum_{sd} X_{sd} / \sum_{sw} X_{sw}}{\sum_{wd} X_{wd} / \sum_{wy} X_{wy}}, \text{ где}$$

X_{sd} — взаимный экспорт рассматриваемых стран, X_{sw} — общий экспорт рассматриваемых стран, X_{wd} — общий мировой экспорт в рассматриваемые страны, X_{wy} — мировой экспорт.

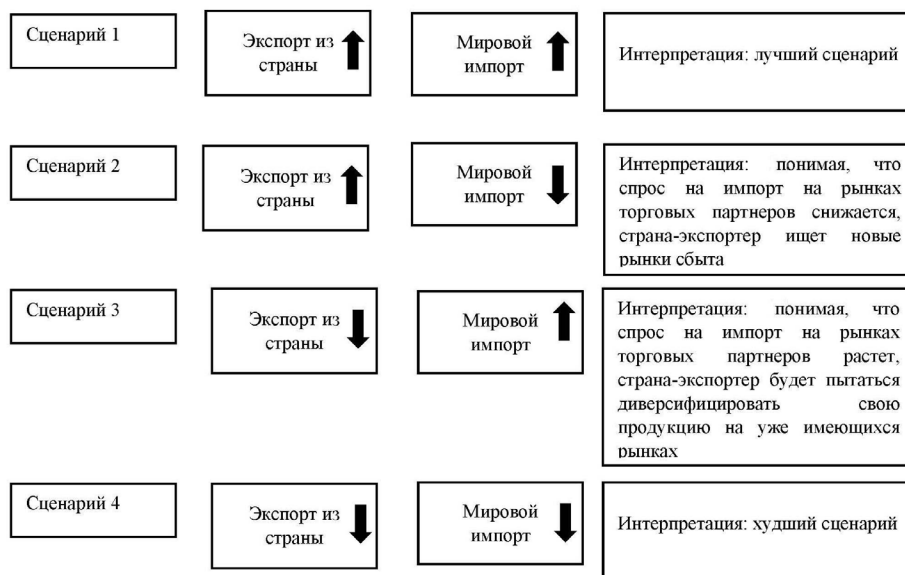

Рис. 1. Интерпретация индекса интенсивности торговли на основе первичных показателей экспорта и мирового импорта в рассматриваемую страну

Источник: составлено по [7].

если рассматривать исследование, посвященное изучению внешнеторгового взаимодействия наименее развитых стран Африки со странами БРИКС за 2018 г. [8], то показатель меньше единицы трактуется как фактически полное отсутствие экономического взаимодействия. Примечательно, что если рассматривать данный показатель в статике для развитых стран, то индекс интенсивности торговли редко будет превышать единицу. Как пример, за 2023 г. для таких пар стран, как Великобритания–США, индекс равен 0,34, для Германии–Австрии индекс будет 1,07, а для Венгрии–Германии – 0,59. При интерпретация данного показателя в статике это примерно соответствует уровню Мозамбик–Индия (0,36) в первом случае, Малави–ЮАР (1,22) во втором и Ангола–Индия (0,54) в третьем. При этом стоит учитывать, что в качестве примера развитых стран были взяты такие пары, которые обладают наиболее тесным торговым взаимодействием (так, для Венгрии на долю Германии приходится 28% всего экспорта страны [9]).

Таким образом, представляется, что наиболее полной интерпретацией индекса является рассмотрение пар стран именно в динамике, где конечный показатель индекса в данном случае можно трактовать и как показатель важности страны как торгового партнера, и как силу интенсивности всплеска торговой активности в связи с перестройкой торговых цепочек и поиска новых рынков сбыта. В этом случае невысокие показатели развитых стран означают наличие устойчивых торговых связей, которые в рассматриваемый момент времени не подвержены сильным колебаниям и негативным политическим эффектам, таким как санкции, эмбарго на продукцию и т.д. Для этих стран наиболее вероятен сценарий 1 и 4 (рост или снижение без серьезной перестройки торговых цепочек и диверсификации продукции).

Результаты расчета индекса интенсивности торговли между Россией и Белоруссией в рамках СГ, а также между Россией, Белоруссией и странами ЕАЭС представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индекс интенсивности торговли между СГ и ЕАЭС²

СГ					
Страны	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–Белоруссия	4,97	5,24	4,61	8,1	12,81
СГ–ЕАЭС					
Страны	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–Казахстан	2,72	3,08	2,95	3,91	4,61
Россия–Армения	0,43	0,51	0,34	1,02	1,84
Россия–Киргизия	0,29	0,34	0,34	0,71	0,75
Белоруссия–Казахстан	2,01	2,33	2,37	4,19	3,15
Белоруссия–Армения	0,80	1,18	0,94	13,10	9,35
Белоруссия–Киргизия	0,67	0,71	0,81	9,15	7,82

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

Текущее состояние торгово-экономических отношений между Россией и Белоруссией характеризуется заметным ростом взаимной торговли. За последние пять лет объем товарооборота увеличился в 1,5 раза и составил в 2023 г. около 53 млрд долл. [11]. Показатель для России и Белоруссии интерпретируется согласно сценарию 2, в то время как для Казахстана, Киргизии и Армении характерен сценарий 1. Как видно из приведенных расчетов, с 2021 г. интенсивность торговли фактически утроилась, что говорит о возможностях усиления интеграционных инициатив в сфере экономического развития двух стран. Для сравнения, индекс интенсивности торговли между Германией и Францией в рамках ЕС в 2023 г. составил 0,95³. При этом стоит отметить, что хотя товарооборот между указанными странами и превышает товарооборот России и Белоруссии в 3 раза, показатель интенсивности торговли позволяет рассматривать возможности усиления интеграционных инициатив в рамках СГ ввиду большого числа еще не реализованных возможностей.

Наличие тесных торговых связей опосредует наличие перспектив для расширения экспорта СГ в другие страны ЕАЭС. В целом, несмотря на последствия пандемии 2020 г. и ввод всеобъемлющих санкций западных стран, с февраля

² Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

³ В отличие от исследований, которые применяют коэффициент интенсивности торговли к странам периферии и полупериферии [8], следует учитывать, что низкий показатель интенсивности торговли применительно к развитым странам не всегда может отражать низкую вовлеченность стран в торговлю друг с другом, так как небольшие показатели индекса интенсивности торговли можно представить как наиболее полную интеграцию между заинтересованными странами (как пример, возможна ситуация, когда все возможности увеличения выгоды от взаимной торговли могли быть использованы [12]) (прим. автора).

2022 г. фиксируется устойчивый рост интенсивности торговли как в рамках СГ, так и торговли со странами ЕАЭС. В 2023 г. стабилизировалась ситуация, связанная с сильнейшим оттоком инвестиций из России в 2022 г., несмотря на санкции, устойчивый рост объема прямых иностранных инвестиций демонстрирует и Белоруссия, что можно наблюдать на рис. 2.

Важно выделить, что скачкообразный рост интенсивности торговли в 2022 г. наблюдался у таких пар стран, как Белоруссия–Армения и Белоруссия–Киргизия. В случае России можно наблюдать усиление торговых связей с Казахстаном и Арменией. В современных условиях геополитической напряженности и масштабных антироссийских санкций Запада возросло геοэкономическое значение стран Центральной Азии и стран Южного Кавказа, которые с 2022 г. стали играть важную роль в обеспечении транзитной торговли [14]. Несмотря на некоторый спад интенсивности торговли в 2023 г., можно наблюдать дальнейшее усиление центральноазиатского направления внешнеэкономической деятельности России и Белоруссии. Также стоит обратить внимание на страны Закавказья, и в частности Армению, где наблюдается скачкообразный рост интенсивности торговли с Белоруссией. Этот аномальный рост интенсивности торговли между Белоруссией и Арменией можно объяснить как релокацией российского бизнеса в Армению [15], так и активным развитием торговли с дружественными странами с помощью параллельного импорта транзитом через страны ЕАЭС. Здесь можно обратиться к исследованию торгово-экономической связанности на примере ЕАЭС–БРИКС+. Так, в 2022 г. можно было наблюдать аномальное увеличение торгово-экономической связанности между странами ЕАЭС и новыми участниками формата БРИКС+. При незначительных показателях торгово-экономической связанности выделяются две пары стран: ОАЭ–Армения, где с 2019 г. произошло резкое увеличение связанности, а также ОАЭ и Киргизия, где в 2021 г. произошла аналогичная ситуация.

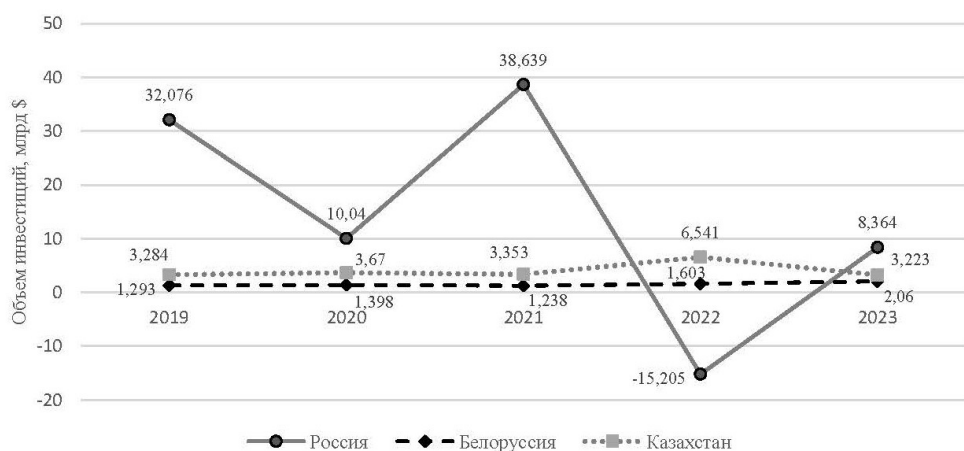

Рис. 2. Объем прямых иностранных инвестиций в страны «Большой тройки» ЕАЭС за 2019–2023 гг., в млрд долл.

Источник: составлено по данным World Investment report 2024 (UNCTAD) [13].

Основными категориями товаров, импортируемых в Россию из дружественных стран, оказалась в первую очередь высокотехнологичная продукция, представленная ТНВЭД 84,85,87. Для примера, в случае Армении по сравнению с 2021 г. в 2023 г. экспорт товаров в Белоруссию по ТНВЭД 84 вырос в 130 раз, по ТНВЭД 85 – в 50 раз. По Киргизии аналогичная ситуация: по ТНВЭД 84 увеличение в 570 раз, ТНВЭД 85 – в 80 раз.

При более подробном рассмотрении взаимодействия СГ и ЕАЭС со странами формата БРИКС+ можно отметить, что произошла сильная активизация торгово-экономического сотрудничества почти со всеми странами БРИКС за исключением ЮАР. Рост наблюдается не только с КНР, но и с Индией, где за счет экспорта товаров по группе 27 ТН ВЭД (топливо минеральное, нефть и нефтепродукты) произошло резкое увеличение товарооборота и соответственно рост торгово-экономической связанности между Россией и Индией, который составил почти 280% в сравнении с 2018 г. [16]. Настоящий тренд сохранился и в 2023 г., что можно наблюдать на примере интенсивности торговли между СГ-БРИКС (табл. 2).

Таблица 2

Индекс интенсивности торговли между СГ и странами БРИКС-4⁴

Страны	СГ– БРИКС-4				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–КНР	0,31	0,28	0,28	0,39	0,53
Россия–Индия	0,32	0,41	0,35	1,12	2,24
Россия–ЮАР	0,10	0,13	0,10	0,09	0,11
Россия–Бразилия	0,36	0,35	0,41	0,56	0,79
Белоруссия–КНР	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02
Белоруссия–Индия	0,03	0,04	0,04	0,02	0,01
Белоруссия–ЮАР	0,01	0,02	0,01	0,08	0,005
Белоруссия–Бразилия	0,25	0,23	0,15	0,10	0,10
Страны	СГ– БРИКС+				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–ОАЭ	0,18	0,14	0,19	0,39	—
Россия–Иран	0,22	0,26	0,25	0,32	—
Россия–Египет	0,50	0,55	0,44	0,65	0,97
Россия–Эфиопия	0,02	0,01	0,03	0,01	0,01
Россия–Саудовская Аравия	0,11	0,07	0,10	0,14	—
Белоруссия–ОАЭ	0,02	0,01	0,01	0,01	—
Белоруссия–Иран	0,07	0,10	0,05	0,18	—
Белоруссия–Египет	0,28	0,26	0,10	0,36	0,48
Белоруссия–Эфиопия	0,01	0,0002	0,01	0,02	0,01
Белоруссия–Саудовская Аравия	0,005	0,008	0,003	0,002	—

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

⁴ Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

Как видно из приведенных расчетов, в 2023 г. произошел хоть и незначительный, но рост интенсивности торговли практически со всеми участниками расширенного формата БРИКС+, сохранилась тенденция роста интенсивности торговли между парами стран Россия–Индия, где наблюдается наибольшее увеличение индекса интенсивности торговли. На рис. 3 представлена динамика изменений структуры экспорта России и Белоруссии в основные страны БРИКС.

В рассматриваемом случае структура торговли в целом однородна и осталась неизменной с преобладанием экспорта из России товаров по ТН ВЭД 27 и импортом из Индии товаров по ТН ВЭД 30,84,85,87. Схожую ситуацию можно наблюдать при анализе структуры торговли Белоруссии со странами БРИКС (без учета России) на примере рис. 4.

Структура экспорта Белоруссии в страны БРИКС (исключая РФ) представлена калийными удобрениями, которые входят в категорию ТН ВЭД 31. Здесь стоит обратить внимание, что ограничения, введенные против ОАО «Беларуськалий» в 2021 г., и расширение санкций в 2022 г. сократили экспортные возможности отрасли и привели к необходимости переориентации товарных потоков и выстраиванию новых маршрутов доставки. Подписанное межправительственное соглашение о транзите белорусских грузов через Россию в сентябре 2022 г., собственно говоря, стало отправной точкой усиления сотрудничества России и Белоруссии в сфере совместных инфраструктурных проектов. Это и схемы маршрутов с привязкой к российским морским гаваням (порт Астрахани и МТК «Север–Юг», Мурманск), осуществляется транзит и через сухопутные маршруты с использованием ж/д транспорта через территорию России [17].

Для оценки путей увеличения экспорта и возможностей связанности стран СГ, ЕАЭС со странами БРИКС рассмотрен индекс склонности к экспорту или

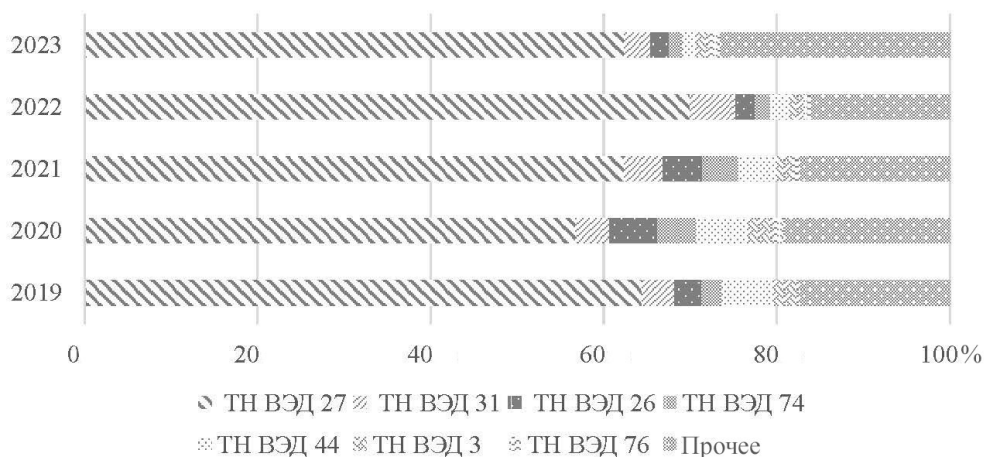

Рис. 3. Динамика изменений структуры экспорта России в страны БРИКС-4, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

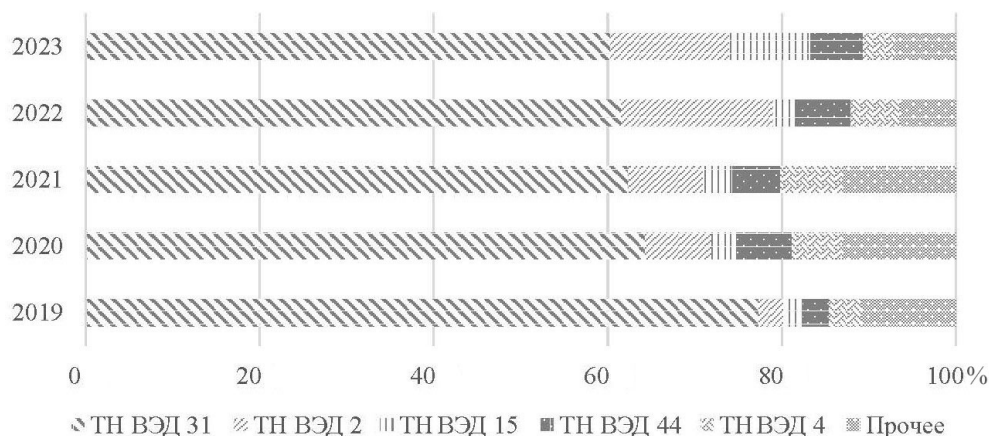

Рис. 4. Динамика изменений структуры экспорта Белоруссии в страны БРИКС-4, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

trade propensity index, используемый ЭСКАТО ООН [18]⁵. В трактовке ЭСКАТО указанный индекс определяет долю экспорта в ВВП страны и характеризует зависимость национальных производителей от спроса на внешних рынках. К сильным сторонам индекса относят возможность выявления уязвимости к определенным типам внешних шоков (например, падение экспортных цен или изменение валютных курсов). К слабым сторонам или ограничениям можно отнести тот факт, что индекс может быть смещен вверх в результате применения страной процедуры реэкспорта. Также индекс может иметь отрицательную корреляцию, если экономики слишком различны по своему размеру (в этом случае высокий показатель склонности к экспорту может быть неподходящей целью политики с точки зрения эффективности). Расчеты индекса представлены в табл. 3.

Из приведенных данных можно увидеть высокую степень заинтересованности некоторых стран ЕАЭС в экспорте в страны БРИКС-4. В частности, такую заинтересованность демонстрирует Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения, где фиксируется наибольший показатель склонности к экспорту, демонстрирующий уверенный рост. На основании этих данных можно предположить рост экспорта в краткосрочной перспективе. При анализе Киргизии можно наблюдать, что показатель индекса меньше единицы говорит о малой заинтересованности в экспорте в страны БРИКС-4. Вместе с этим иная ситуация обстоит с данными по странам БРИКС+.

В начале хотелось бы подчеркнуть, что справедлив тезис касательно того, что новые члены БРИКС+ обладают существенным экономическим потенциалом,

$$\sum_s X_{ds}$$

⁵Индекс склонности к экспорту рассчитан по формуле $\frac{X_{ds}}{GDP_d}$, где X_{ds} – экспорт рассматриваемой страны в страну-партнер, GDP_d – ВВП рассматриваемой страны.

Таблица 3

**Индекс склонности к экспорту стран СГ, ЕАЭС в страны
БРИКС-4 и БРИКС+, в %⁶**

Страна	СГ, ЕАЭС – БРИКС-4				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	4,26	4,44	5,04	7,18	10,17
Белоруссия	2,68	2,72	2,91	3,22	4,23
Казахстан	4,74	4,74	5,43	6,36	6,40
Киргизия	0,76	0,5	0,89	0,71	0,70
Армения	4,1	7,24	8,02	5,48	4,34
Страна	СГ, ЕАЭС – БРИКС+				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,3	0,24	0,38	0,52	–
Белоруссия	0,32	0,22	0,13	0,22	–
Казахстан	0,19	0,17	0,35	0,27	–
Киргизия	0,21	0,86	1,84	1,66	–
Армения	0,48	0,71	0,39	2,83	–

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

но он в целом составляет 12,5% от потенциала пяти старых членов БРИКС [19]. Заинтересованность в экспорте в новые страны БРИКС+ со стороны России, Белоруссии, Казахстана сравнительно невелика. Для России общий показатель экспорта в страны БРИКС+ составляет 8,6% от общего экспорта в основные страны БРИКС (на 2022 г.). Однако стоит обратить внимание, что высокие показатели демонстрируют Армения (с 2022 г.) и Киргизия (с 2021 г.). Если рассматривать структуру торговли России с новыми участниками БРИКС, то в целом можно отметить, что она более дифференцирована и представлена преимущественно ТН ВЭД 10, 71, 72, 27 (рис. 5). Основными торговыми партнерами выступают ОАЭ, Египет и Иран.

Указанное утверждение справедливо и для Белоруссии, общий показатель экспорта в страны БРИКС+ которой составляет 4,8% от общего экспорта в основные страны БРИКС (на 2022 г.). Структура экспорта более дифференцирована, представлена сырьевая продукция верхнего передела (рис. 6).

Если рассматривать взаимодействие ЕАЭС со странами расширенного формата БРИКС+, то здесь можно выделить торгово-экономическое взаимодействие с ОАЭ, где увеличение экспорта товаров со стороны Армении и Киргизии зачастую служит как оплата той же электроники, которая поступает в Россию, что фактически представляет собой обмен одних товаров на другие [20]. В результате можно наблюдать, что происходит постепенная актуализация взаимодействия

⁶ По причине отсутствия данных за 2023 г. по некоторым новым участникам при анализе стран БРИКС+ были взяты данные за 2022 г. Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

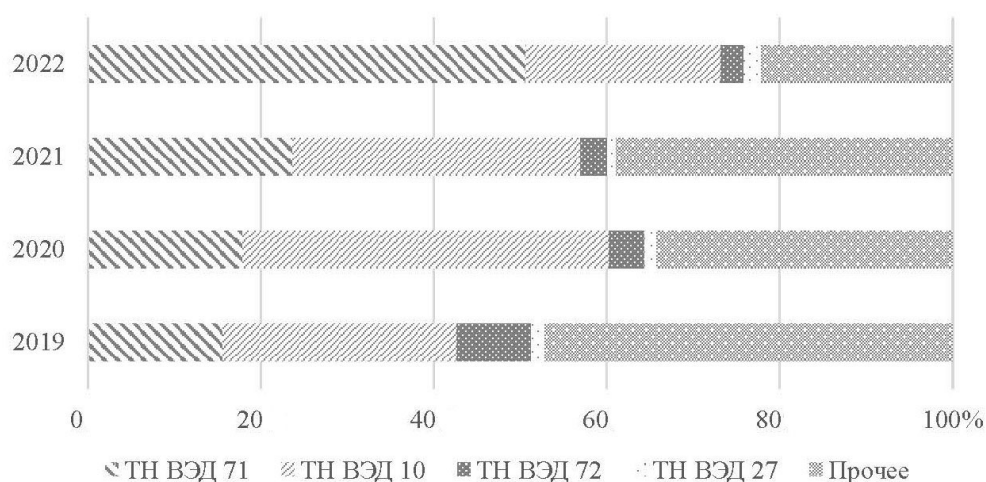

Рис. 5. Динамика изменений структуры экспорта России в страны БРИКС+, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

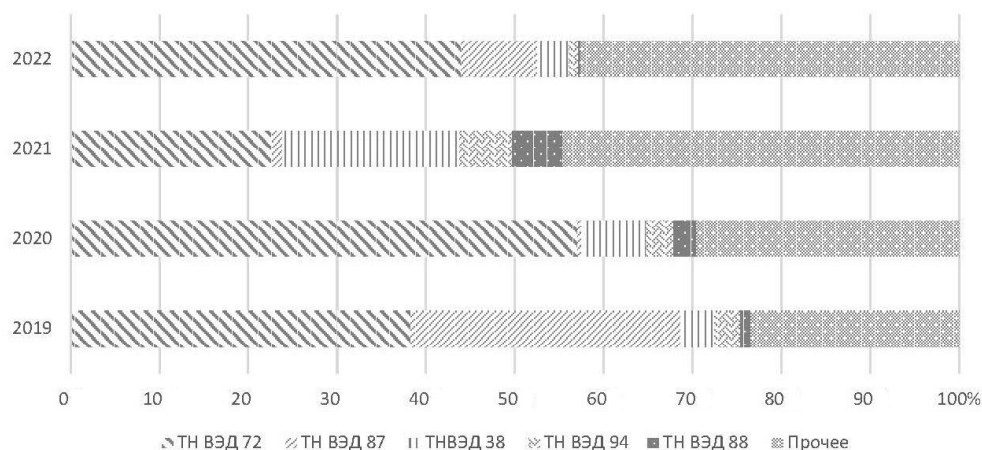

Рис. 6. Динамика изменений структуры экспорта Белоруссии в страны БРИКС+, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

со странами БРИКС в обновленном формате, который набирает интерес для всех участников ЕАЭС, которые ранее демонстрировали отсутствие интереса к данному формату ввиду незначительной включенности в торгово-экономическое взаимодействие с основными участниками БРИКС, за исключением России. Уже сейчас можно говорить о дальнейшем расширении сотрудничества со странами БРИКС в сфере цифровизации логистики и транспорта, что представлено как на национальном уровне в виде Национальной цифровой транспортно-логистической платформы по обмену информацией со странами АСЕАН, БРИКС, ШОС и ЕАЭС, так и на уровне ЕАЭС в виде разработок универсальной платежной системы со странами БРИКС и платформ для дистанционной

работы в странах БРИКС. Стоит отметить, что большую роль в расширении сотрудничества играет цифровая повестка ЕАЭС, осуществляемая с помощью проектного подхода, который хоть и демонстрирует определенные успехи, но в целом большинство вопросов цифровизации вынесено на национальный уровень [21], что затрудняет проведение некой единой цифровой политики и, соответственно, тормозит реализацию цифровой повестки.

Заключение

Проведя оценку торговых индексов, можно сделать вывод, что в условиях современных тенденций развития национальных экономик СГ Россия и Белоруссия крайне заинтересованы в активизации торговли с новыми торговыми партнерами. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что происходит структурная трансформация экономического взаимодействия в рамках СГ, где Белоруссия и Россия фактически поменялись местами и теперь Россия выступает страной–транзитером для белорусских товаров в страны ЕАЭС и БРИКС, равно как и обеспечивает транзит высокотехнологичных товаров из дружественных стран на территорию Белоруссии в условиях изменения товаропотоков.

В этой связи переориентация торговых потоков в новые дружественные страны актуализировала взаимодействие России со странами постсоветского пространства как в формате СГ, так и ЕАЭС, СНГ, с позиции их экономического сопряжения. В настоящий момент особой актуальностью в рамках СГ обладает совместная разработка транспортно-логистической платформы по обмену информацией со странами АСЕАН, БРИКС, ШОС и ЕАЭС, что является важным этапом реализации цифровой повестки СГ и в перспективе ЕАЭС. Это будет способствовать повышению экономической связанности [22] с торговыми партнерами расширенного формата БРИКС+.

В этом отношении под сопряжением различных форматов интеграционного взаимодействия в условиях цифровой трансформации национальных экономик понимается как расширение свободных потоков цифровых товаров, цифровых услуг и других высокотехнологичных продуктов, которые способствуют развитию цифровой экономики, так и схожесть государственной политики в области регулирования цифровой экономики и цифровизации интеграции. Представляется, что важную роль с позиции поиска точек соприкосновения и совместимости национальных программ развития цифровизации в части транспортно-логистического и торгового взаимодействия играет Россия как крупный участник всех трех объединений.

Логичное дальнейшее направление работы видится в кластеризации стран ЕАЭС по перспективам торговли со странами расширенного формата БРИКС+ в целях изучения наиболее перспективных направлений отраслевого сотрудничества и развития экспорта ЕАЭС в дружественные и нейтральные страны. Это, в свою очередь, позволит обозначить возможные пути взаимодействия между странами на основе экономических показателей и структуры экономики рассматриваемых стран.

Литература

1. Внешнеэкономическая стратегия России строится на диверсификации экспорта. URL: https://economy.gov.ru/material/news/vladimir_ilichev_vneshneekonomicheskaya_strategiya_rossii_stroitsya_na_diversifikacii_eksporta.html (дата обращения 09.09.2024).
2. Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей: Сб. науч. трудов международной конференции / Под ред. Л.Б. Вардомского, А.С. Кузавко и при организационно-технической поддержке В.А. Чмыревой. М.: ИЭ РАН. 2024. 246 с.
3. Шкваря Л.В., Фролова Е.Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 2. С. 479–493. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>
4. Трокурова И.С., Пелевина К.А. Гравитационные модели внешней торговли стран БРИКС // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. № 1–2. С. 133–141.
5. Infrastructure Connectivity // Japan G20 Development Working Group. World bank. January 2019. URL: <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/G20-DWG-Background-Paper-Infrastructure-Connectivity.pdf> (дата обращения 11.05.2024).
6. Cornia G.A., Scognamiglio A. (2016). Clusters of Least Developed Countries, their evolution between 1993 and 2013, and policies to expand their productive capacity // CDP Background Paper No. 33 (ST/ESA/2016/ CDP/33). <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/background-paper-33/> (дата обращения: 09.09.2024).
7. Trade Intensity Index URL: <https://pmi.mekonginstitute.org> (дата обращения: 5.11.2024).
8. Морозкина А.К., Скрыбина В.Ю. БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций. 2021. № 1. С. 85–106.
9. Экономика Венгрии. URL: <https://moszkva.mfa.gov.hu/> (дата обращения: 5.11.2024).
10. ITC's Trade Map URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Товарооборот между Белоруссией и Россией в 2023 г. достиг 53 млрд долл. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (дата обращения 09.09.2024).
12. Machlup F. A History of Thought on Economic Integration // Palgrave Macmillan; 1st ed. 1977. 334 p.
13. World Investment report 2024 (UNCTAD) URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>
14. Пылин А.Г. Тренды торгово-экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии // Вестник ИЭ РАН. 2024. № 3. С. 76–87.
15. В каких условиях работает Российский бизнес, переехавший в Армению. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/63d7754a9a79477844203cfd> (дата обращения 09.09.2024).
16. Медведев И.В. Сопряжение интеграционных проектов БРИКС и ЕАЭС в контексте развития экономики России // Общество и экономика. 2024. № 3. С. 121–131.
17. Куда идут калийные потоки из Беларуси и что происходит у конкурентов. URL: <https://myfin.by/article/rynki/22616-kuda-idut-kalijnye-potoki-iz-belarusi-i-cto-proishodit-u-konkurentov> (дата обращения 09.09.2024).
18. Mikic M., Gilbert J. Trade Statistics in Policymaking a Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators // UNESCAP. URL: <https://artnet.unescap.org/publications/books-reports/trade-statistics-policymaking-handbook> (дата обращения: 09.09.2024).
19. Хейфец Б.А. БРИКС плюс – закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121.
20. Параллельный импорт через ОАЭ. Есть ли проблемы у российских компаний. URL: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/parallelnyj-import-cherez-oae-est-li-problemy-u-rossijskih-kompanij/> (дата обращения 09.09.2024).
21. Попова И.М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. 2021. № 1. С. 127–141.
22. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 110–124.

Ilya Medvedev (e-mail: ilya13092@yandex.ru)

Researcher,

Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics (RAS),
(Moscow, Russian Federation)

TRADE INTERACTION BETWEEN THE UNION STATE–EAEU–BRICS: MODERN TRENDS AND PROSPECTS

The study is devoted to the analysis of trade and economic interaction between the Union State of Russia and Belarus (hereinafter referred to as the US of Russia and Belarus), the EAEU, and BRICS+. The purpose of the work is to analyze the trends in the development of economic cooperation within the US of Russia and Belarus – EAEU with the BRICS+ countries, to identify potential areas for the development of exports from Russia and the countries of these associations. To assess the trends in trade and economic relations within the Union State and the EAEU, trade intensity indices are used, which makes it possible to identify the most promising trading partners among the BRICS+ countries. The study also revealed the need to assess the potential and prospects for increasing exports from the US of Russia and Belarus and EAEU countries to the BRICS+ countries. To solve this problem, an assessment was made of the index of propensity to export from the US of Russia and Belarus and EAEU countries to the BRICS+ countries, which made it possible to identify the limits and means for implementing possible programs for coupling the development of the US of Russia and Belarus, EAEU format with the countries of the expanded BRICS+ format.

Keywords: Union State, EAEU, BRICS+, trade indices, connectivity.

DOI: 10.31857/S0207367624120074

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 2024 год

	№	Стр.
Абрамов Егор. Финансирование инфраструктурных проектов: обзор проблем определения и тематических направлений	4	58–68
Аганбегян Абел. Поможет ли России опыт Китая в переходе к социально-экономическому росту на основе подъёма технологического и интеллектуального уровней	2	5–25
Андрианов Владимир. Новая мировая валютная система – предпосылки создания и механизмы реализации	5	58–80
Анисимова Галина. Патерналистское государство и гражданское общество: проблема социально-экономического неравенства	6	5–13
Астахов Александр. «Исторической колея» России и развитие малого бизнеса	2	41–50
Атакишиев Мушвиг. Современное состояние и перспективы развития «зеленой» экономики Азербайджана	1	47–56
Афанасьев Александр. Развитие машиностроения России в контексте выполнения задач по достижению национальных целей развития	10	61–80
Балюк Игорь, Балюк Марина. Рост глобального государственного долга как фактор усиления нестабильности мировой валютно-финансовой системы	4	108–131
Балюк Игорь. Особенности и основные тренды развития современного мирового финансового рынка	9	38–56
Балюк Марина. См. Балюк Игорь	4	
Бараненкова Таисия. Здоровое и активное долголетие российского населения – важная социально-экономическая проблема	1	57–70
Баскаков Сергей. К вопросу о методологическом инструментарии исследования проблем развития АПК	1	122–135
Батаева Бэла, Чеглакова Людмила, Мелитонян Ольга. Специфические особенности мотивации экологически ответственного поведения малого и среднего бизнеса в России	3	34–55
Батаева Бэла, Киселёва Наталья, Чеглакова Людмила, Сытин Борис. Участие бизнеса и некоммерческих организаций в реализации национальных проектов и повестке устойчивого развития (на примере Красноярского края)	12	34–45
Бизенгин Базынан, Энеева Мадина, Сарбашева Елена, Уянаева Халимат. «Билет в будущее» или окно возможностей Республики Кыргызстан	6	32–48
Благолев Евгений. Влияние социальных налоговых вычетов на неравенство в России	7–8	57–78
Бороденко Максим. Внешнеэкономические связи Грузии в условиях геополитической турбулентности	11	96–106

Вардомский Леонид. Вопросы сопряжения инициативы Китая «Пояс и путь» и проекта Евразийского экономического союза	7–8	112–126
Василенко Алёна. См. Корж Наталья.	9	
Волков Артем. Подходы к оптимизации издержек оптовых торговых компаний в современных реалиях	1	100–108
Вологова Юлия. Государственные корпорации в реализации научно-технологической политики России	6	61–81
Володина Светлана. Перспективы улучшения использования основного капитала рыбохозяйственного комплекса (на примере Приморского края)	7–8	95–105
Волынский Андрей, Круглова Мария. Китайские инвестиции в России в контексте внешнеэкономической стратегии КНР	9	57–72
Воронин Сергей. См. Расулев Алишер, Корабоев Бобур.	3	
Галеев Тимур. Создание отрасли искусственного интеллекта в России: проблемы и перспективы	3	91–99
Грошев Игорь, Коблов Сергей, Ключников Валерий. Особенности российской специфики управления ресурсным потенциалом научных и наукоемких организаций на современном этапе экономического развития	2	51–78
Гулева Мария. Самообразовательная деятельность в Китае: особенности и роль сегмента в развитии человеческого капитала	1	80–89
Дадалко Василий, Николаевский Владимир, Сидоренко Сергей. Системный подход к формированию и управлению образовательной экосистемой: глобальные тенденции, угрозы и направления развития	4	69–81
Дадалко Василий. См. Шатохин Михаил, Сидоренко Сергей.	7–8	
Дармина Ксения. Технологические направления цифрового развития промышленного сектора Германии	9	83–92
Динец Дарья. Противоречия в развитии транспортно-логистической инфраструктуры Монголии	9	73–82
Дмитриев Алексей. См. Морозова Ирина, Очеретяная Дарья.	1	
Доржиева Валентина. О стратегии развития фармацевтической промышленности и формировании технологического суверенитета России в контексте перспектив евразийского партнерства	6	49–60
Доржиева Валентина. См. Самаруха Виктор, Самаруха Алексей.	7–8	
Жариков Михаил. Альтернативная платежная система стран БРИКС	3	108–120
Жариков Михаил. Особенности конкуренции коммерческих банков и компаний финтех	11	47–60
Иванова Людмила. Российская агрохимия в контексте политики технологического суверенитета национального АПК	10	81–98
Ильина Светлана, Соколов Арсентий. Формирование системы отраслевых мер и механизмов государственной поддержки электронной промышленности	4	26–43

Ильина Светлана. Технологический суверенитет в отражении патентной статистики: искусственный интеллект и полупроводники	12	26–33
Калюжный Борис. На пути к стандартизированной экономике замкнутого цикла	4	44–57
Капканщиков Сергей. Дилемма «справедливость–эффективность» в региональной политике российского государства	2	104–124
Капканщиков Сергей. «Парадокс бережливости» в современной России и механизм его нейтрализации инструментами социальной политики	6	14–31
Капканщиков Сергей. О трансформации российских сбережений в инвестиции и о помехах, тормозящих этот процесс	10	28–46
Катуков Даниил. См. Смородинская Наталия.	12	
Квашнина Ирина. Россия в международном движении капитала: адаптация к новым условиям	11	61–73
Киселёва Наталья. См. Батаева Бэла, Чеглакова Людмила, Сыгин Борис.	12	
Клавдиенко Виктор. Возобновляемая энергетика Индии: основные тенденции, драйверы и перспективы	5	81–94
Клюшников Валерий. См. Грошев Игорь, Коблов Сергей.	2	
Князев Юрий. Неприменимость общеэкономических подходов к отстающим странам	2	26–40
Князев Юрий. К новой онтологии экономической науки	7–8	5–20
Коблов Сергей. См. Грошев Игорь, Клюшников Валерий.	2	
Комолов Олег. Воздействие западных санкций на роль и место России в отношениях с Казахстаном (политико-экономический аспект)	7–8	127–136
Кондратов Дмитрий. Есть ли будущее у российского газа в Китае?	1	26–46
Корабьев Бобур. См. Расулев Алишер, Воронин Сергей.	3	
Корж Наталья, Василенко Алёна. Укрепление экономических связей между Белоруссией и Россией: перспективы и вызовы	9	93–105
Корнилов Алексей. См. Корнилов Михаил.	10	
Корнилов Михаил, Корнилов Алексей. Выбор модели экономического развития России	10	17–27
Кохно Алина. См. Кохно Павел, Кохно Владимир.	1	
Кохно Владимир. См. Кохно Павел, Кохно Алина.	1	
Кохно Павел, Кохно Алина, Кохно Владимир. О совершенствовании производственно-сбытовых цепочек интегрированными компаниями	1	90–99
Кохно Павел. Военная экономика в современной России	4	17–25
Круглова Мария. См. Волынский Андрей.	9	
Кунижева Диана. См. Тюриков Александр.	9	

Кутуков Антон. Проблемы финансирования полномочий, передаваемых региональным и муниципальным бюджетам	10	47–60
Луценко Сергей. Инвестиционная стратегия компании с поправкой на денежно-кредитную политику государства	2	84–94
Мардонов Баходир. Пути совершенствования экономических механизмов развития сферы услуг (на примере Узбекистана)	3	5–12
Мартынов Аркадий. Экономическая трансформация как составляющая трансформации общества: интегративное видение	7–8	21–40
Медведев Илья. Сопряжение интеграционных проектов БРИКС и ЕАЭС в контексте развития экономики России	3	121–131
Медведев Илья. Внешнеторговое взаимодействие СГ-ЕАЭС-БРИКС: современные тренды и перспективы	12	92–105
Мелитонян Ольга. См. Батаева Бэла, Чеглакова Людмила.	3	
Морозова Ирина, Дмитриев Алексей, Очеретяная Дарья. Уровень волонтерской активности как индикатор эффективности управления некоммерческим сектором экономики	1	71–79
Муха Денис. Теоретические и методологические аспекты разработки дорожных карт в сфере науки, технологий и инноваций для достижения целей устойчивого развития	3	69–90
Николаев Игорь, Черепов Виктор, Соболевская Ольга. Структурная перестройка экономики через призму реализации национального проекта «Здравоохранение»	5	5–14
Николаевский Владимир. См. Дадалко Василий, Сидоренко Сергей.	4	
Орлов Сергей, Реутов Роман. Методический инструментарий оценки уровня закредитованности населения Российской Федерации	5	27–44
Очеретяная Дарья. См. Морозова Ирина, Дмитриев Алексей.	1	
Пылин Артем. Трансформация внешнеторгового взаимодействия России с постсоветскими странами в условиях санкций	12	80–91
Расулев Алишер, Воронин Сергей, Корабоев Бобур. Методологические проблемы налогообложения в Республике Узбекистан	3	13–33
Реутов Роман. См. Орлов Сергей.	5	
Романович Светлана. См. Шелег Николай.	2	
Романчук Екатерина. Последствия изменения климата для наиболее уязвимых слоев населения государств Центрально-Азиатского региона	6	93–107
Романчук Екатерина. Влияние Всемирного банка на экономическое развитие Республики Узбекистан	11	74–95
Самаруха Алексей. См. Самаруха Виктор, Доржиева Валентина.	7–8	
Самаруха Виктор, Самаруха Алексей, Доржиева Валентина. Новые реалии экономического сотрудничества России и Монголии	7–8	137–147

Сарбашева Елена. См. Бизенгин Базынан, Энеева Мадина, Уянаева Халимат.	6	
Седлов Алексей. Восточное и западное направления трудовой иммиграции в Россию: исторические маркеры и перспективы	12	46–64
Сидоренко Сергей. См. Дадалко Василий, Николаевский Владимир.	4	
Сидоренко Сергей. См. Шатохин Михаил, Дадалко Василий.	7–8	
Сипаро Константин. Торгово-экономическое сотрудничество России и Республики Беларусь в рамках Союзного государства	3	100–107
Смирнова Ольга. См. Сухарев Александр.	2	
Сморodinская Наталия, Катуков Даниил. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность	12	5–25
Смотрицкая Ирина, Фролова Надежда. К вопросу развития предпринимательской деятельности государства	4	5–16
Смотрицкая Ирина. Современные тенденции в развитии концепции государственного управления	10	5–16
Соболева Ирина. Сфера образования постсоветской России в зеркале потребностей населения и рынка труда	7–8	41–56
Соболев Эдуард. Трудовая миграция на российском рынке труда: ключевые проблемы и подходы к регулированию	11	5–18
Соболевская Ольга. См. Николаев Игорь, Черепов Виктор.	5	
Соколов Арсентий. См. Ильина Светлана.	4	
Соколова Татьяна. Средний класс в России и странах российского «пояса соседства» в условиях меняющегося миропорядка (проблемы теории и практики)	11	19–30
Сорокина Наталья. Дефицит рабочей силы в индустриальных регионах России: может ли межрегиональная миграция способствовать смягчению проблемы?	6	82–92
Стрельникова Ирина. Инвестиционная привлекательность Российской Арктики сквозь призму международного сотрудничества и развития транспортных коридоров	5	95–107
Стырин Евгений. Формирование цифровых компетенций населения на региональном уровне как социальная инновация: Псковская область	7–8	79–94
Сутормина Анастасия. См. Чепуренко Александр	4	
Сухарев Александр, Смирнова Ольга. Дилемма стратегии трейдеров: дивидендные отсечки (ретроспективный анализ)	2	95–103
Сухарев Олег. «Эволюционная экономика»: возможности формирования политики роста и технологических изменений	1	5–25
Сыгин Борис. См. Батаева Бэла, Киселёва Наталья, Чеглакова Людмила.	12	
Трофимов Сергей. Развитие методологических основ государственного регулирования нефтегазового комплекса на современном этапе экономических отношений	11	31–46

Тугускина Галина. О роли сотрудников пенсионного возраста в решении кадровых проблем предприятий	10	99–109
Тюриков Александр, Кунижева Диана. Оценка финансово грамотного поведения: от повышения финансовой грамотности к формированию финансовой культуры	9	27–37
Уткин Валерий. Проблемы авторского права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом	2	79–83
Ушкалова Дарья. Внешняя торговля России: вызовы и уроки 3 лет санкционного давления	12	65–79
Уянаева Халимат. См. Бизенгин Базынан, Энеева Мадина, Сарбашева Елена.	6	
Федорова Мария. Противоречия в социально-трудовой сфере и их влияние на развитие человеческого потенциала России	3	56–68
Фролова Надежда. См. Смотрицкая Ирина.	4	
Хейфец Борис. БРИКС плюс — закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики	1	109–121
Чеглакова Людмила. См. Батаева Бэла, Мелитонян Ольга.	3	
Чеглакова Людмила. См. Батаева Бэла, Киселёва Наталья, Сытин Борис.	12	
Чепуренко Александр. Сутормина Анастасия. Предпринимательский университет в России: пересборка?	4	82–107
Черепов Виктор. См. Николаев Игорь, Соболевская Ольга.	5	
Черных Сергей. О соотношении процессов государственного управления и регулирования: теория и российская практика	5	15–26
Чубарова Татьяна, Шестакова Елена. Финансирование здравоохранения в странах ядра БРИКС: формирование смешанной системы	9	5–26
Шатохин Михаил, Дадалко Василий, Сидоренко Сергей. Цифровизация и управление мировыми инвестиционными процессами	7–8	106–111
Шелег Николай, Романович Светлана. Совершенствование методического обеспечения сбалансированного развития регионального рынка потребительских товаров	2	125–135
Шестакова Елена. Задачи стабилизации действующих пенсионных систем и основные векторы реформ в практике зарубежных стран	5	45–57
Шестакова Елена. См. Чубарова Татьяна.	9	
Энеева Мадина. См. Бизенгин Базынан, Сарбашева Елена, Уянаева Халимат.	6	
Ярыгина Ирина. Углеродное финансирование в развивающихся странах: проблемы и перспективы	4	132–147

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;

2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.

Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.

Тираж 150 экз. Зак. 14/7а. Цена свободная
70*100/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.